Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Сосновская Лейсан Равилевна

Антикоррупционный мониторинг как инструмент измерения преступлений коррупционной направленности и мер противодействия им

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Афанасьева Ольга Романовна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение…….....3
ГЛАВА 1. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ……....18
§1. Понятие антикоррупционного мониторинга и его соотношение
со смежными правовыми категориями……...….18
§2. Правовые основы проведения антикоррупционного мониторинга……..……36
§3. Антикоррупционный мониторинг в международной практике……56
ГЛАВА 2. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В КОНТЕКСТЕ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ…….74
§1. Информационное обеспечение антикоррупционного мониторинга…….74
§2. Судебно-статистическая информация в измерении коррупционной
преступности и её значение для антикоррупционного мониторинга…….90
§3. Экспертные оценки в антикоррупционном мониторинге……100
ГЛАВА 3. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ……..…117
§1. Институциональное обеспечение национальной системы
антикоррупционного мониторинга……117
§2. Организационно-методические основы антикоррупционного
мониторинга……...…..129
§3. Основные направления совершенствования антикоррупционного
мониторинга в Российской Федерации…….....142
Заключение…….……..155
Список использованных источников…….……160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Заинтересованность общества, субъектов экономической деятельности и рядовых граждан в противодействии преступлениям коррупционной направленности сопряжена с необходимостью оценки влияния информации о состоянии коррупции в стране и регионе на социальную напряжённость. В свою очередь, информационная основа государственной политики по противодействию преступлений коррупционной направленности формируется посредством антикоррупционного мониторинга, что повышает его значение на фоне критики со стороны гражданского общества и международных организаций в адрес институтов власти, включая необъективную оценку коррупционных угроз и использование недостоверных сведений для формирования искажённых представлений о решениях, принимаемых органами государственного и муниципального управления.

Выступая ресурсом власти, государственные информационные данные о состоянии коррупции являются объектом манипулирования, в том числе в противоправных целях, призванных спроектировать показатели в сторону занижения или завышения. Антикоррупционный мониторинг включает в свой состав сбор, обработку и последующее использование такой информации в публичном управлении. Поэтому нарушения в указанном процессе могут детерминировать разнообразные негативные последствия: принятие неверных государственно-управленческих решений, снижение эффективности проводимой антикоррупционной политики, дезориентация работы органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять деятельность по противодействию коррупции.

Официальные статистические данные свидетельствуют о нарастании количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. По результатам 2024 года в России было зарегистрировано 38503 преступлений коррупционной направленности, а в 2023 году 36 407, что выше показателя 2022

года на 3 %[1] и выше показателя 2019 года на 17,47 %. При этом, в 2023 году вред от выявленных преступлений коррупционной направленности, возмещенный только усилиями Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), составил порядка 50 млрд. рублей[2].

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости развития теоретических представлений об институте антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации, что актуализирует проблему не только правового регулирования данных отношений в российском законодательстве, но и их практическую реализацию на федеральном и региональном уровнях. Таким образом, назрела потребность в исследовании основных проблем, сопровождающих процессы по формированию и реализации антикоррупционного мониторинга в международном и национальном измерении, а также в выработке эффективных механизмов устранения и минимизации дефектов применения мониторинговых мер.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Актуальные вопросы антикоррупционного мониторинга российские и зарубежные учёные начали разрабатывать лишь с конца XX в. Научные достижения предыдущих лет сводились к общим мерам противодействия коррупции и выделению отдельных специальных мер, среди которых мониторинговые средства представляли наименьшее значение. Поэтому можно признать, что академические наработки в рассматриваемом направлении до сих пор формируются под влиянием правоприменительной практики и тенденций развития международно-правовых

---

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. по данным ФКУ «Главным информационно-аналитический центр МВД России // Опубликовано на официальном сайте МВД России [Электронный ресурс] https://мвд.рф/news/item/47052005 (доступ – свободный), дата обращения – 20.08.2025.

[2] МВД России за 2023 год возместило гражданам 50 млрд рублей ущерба от коррупционных преступлений [Электронный ресурс] https://tass.ru/obschestvo/20780621 (доступ – свободный), дата обращения – 30.08.2025.

инструментов регулирования данных отношений. За последнее десятилетие антикоррупционный мониторинг стал объектом интересов в разных научных направлениях.

К числу авторов диссертационных работ, затрагивающих методологические основы антикоррупционного мониторинга, следует отнести: А.Б. Артемьева, С.Н. Шишкарёва, И.А. Александрову, И.В. Стороженко, О.Ю. Сигурову и др.

Специальные исследования, затрагивающие отдельные аспекты антикоррупционного мониторинга, проводились такими авторами, как И.А. Калита, И.Г. Корзун, К.В. Севрюгин, А.В. Соколов, А.А. Чистов и др. Отдельно необходимо отметить комплекс научных работ сотрудников НИИ противодействия коррупции Казанского Инновационного Университета им. В.Г. Тимирясова, в которых последовательно раскрываются методологические и правовые аспекты антикоррупционного мониторинга, проанализированы его модели в законодательстве субъектов Российской Федерации, а также организационно-правовые, процедурные и технологические особенности, которые составили фундамент теоретической основы проведения данного диссертационного исследования.

В рамках криминологической науки к настоящему времени сформулированы концептуальные подходы к пониманию антикоррупционного мониторинга, определены его отдельные институциональные особенности, развиваются научные направления применительно к механизмам реализации мониторинговых мер. Вместе с тем нуждаются в специальном исследовании проблемы организационно-методического обеспечения антикоррупционного мониторинга, что предопределяет эффективность противодействия преступлениям коррупционной направленности.

Особый интерес представляет развитие законодательства субъектов Российской Федерации в области осуществления антикоррупционного мониторинга, а также влияние судебной, прокурорской, следственной и иной правоприменительной практики на оценку эффективности реализуемых мер и их

корректировку. Решение отмеченных вопросов на теоретическом уровне позволит установить особенности современного законодательства, регулирующего антикоррупционный мониторинг, а также спрогнозировать основные направления развития данного института в рамках государственной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере организации и проведения антикоррупционного мониторинга как инструмента измерения коррупционной преступности и результативности противодействия ей.

Предметом исследования выступают международное, зарубежное и российское законодательство, регламентирующее антикоррупционный мониторинг, правоприменительная практика антикоррупционного мониторинга, организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации, а также проблемы и научные дискуссии, связанные с формированием и осуществлением мониторинговых мер.

Цель и задачи исследования. *Целью диссертационного исследования* является характеристика системы антикоррупционного мониторинга как инструмента измерения преступлений коррупционной направленности и эффективности мер противодействия им, а также поиск основных направлений совершенствования антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации.

Задачами исследования являются:

- разработать доктринальное определение антикоррупционного мониторинга, раскрыть его содержание и значение для противодействия преступлениям коррупционной направленности;
- разграничить антикоррупционный мониторинг и смежные категории («антикоррупционный аудит», «антикоррупционная проверка», «правовой мониторинг», «антикоррупционный контроль» и другие);
- охарактеризовать правовые основы организации и осуществления антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации;

- проанализировать и обобщить организационно-правовые основы антикоррупционного мониторинга в международной практике;
- оценить информационное обеспечение антикоррупционного мониторинга в российской управленческой практике;
- выявить специфику судебно-статистической информации в Российской Федерации и возможности измерения с её помощью коррупционной преступности;
- установить роль и значение экспертных оценок при проведении антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации;
- проанализировать основные показатели институционального обеспечения национальной системы антикоррупционного мониторинга;
- описать основные процедурные и методологические проблемы организации и проведения антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации;
- предложить основные направления совершенствования антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации.

Методология и методика исследования. В целях достижения научного результата по исследуемой теме в диссертации использовался комплекс *общенаучных и частно-научных методов.* Так, при аргументации авторских позиций и выводов применялись методы индукции, дедукции, аналогии, анализа и синтеза.

Метод сравнительно-правового анализа позволил выявить модели правового регулирования антикоррупционного мониторинга в зарубежных странах, в международном праве и в законодательстве различных субъектов Российской Федерации. Системно-структурный метод предопределил установление особенностей антикоррупционного мониторинга на федеральном и региональном уровнях. Описательно-аналитический метод использовался в целях выявления современных тенденций развития антикоррупционного мониторинга, при анализе факторов, влияющих на его институциональную основу, а также при

определении мер, направленных на преодоление недостатков в правовом регулировании данных отношений и механизме реализации.

Формально-логический метод позволил обосновать авторские позиции и соотнести их со сложившимися научными подходами, применение статистического метода позволило определить место официальных статистических данных, а также судебной, прокурорской, следственной и иной специальной информации в системе противодействия преступлениям коррупционной направленности.

Теоретическую основу исследования составили труды российских ученых: В.В. Астанина, О.Р. Афанасьева, А.М. Багмет, И.И. Бикеева, Ю.В. Быстрова, М.В. Гончаровой, И.А. Дамм, А.Ю. Епихина, С.К. Илия, П.А. Кабанова, И.А. Калиты, О.А. Кожевникова, И.Г. Корзун, О.О. Лаврентьевой, И.С. Паршина, Е.Е. Румянцевой, Е.В. Рябцевой, К.В. Севрюгина, Э.Л. Сидоренко, А.В. Соколова, И.В. Стороженко, С.С. Сулакшина, В.А. Суханова, Ю.В. Трунцевского, В.А. Уткина, А.В. Фадеева, М.А. Федоровской, О.И. Хамазиной, А.М. Цалиева, А.А. Чистова, А.В. Чуманова, А.В. Шашковой, С.Н. Шишкарёва, В.И. Шиян, а также зарубежных учёных: В.М. Коула, Дж. Ламбсдорфа, Дж. Маккоя, Д. Норта, С. Роуз-Аккерман, Д.С. Скотта, С.П. Хантингтона, Л.К. Хоффмана и других исследователей, специализирующихся на исследовании проблем противодействия коррупции.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, акты международного права и международные соглашения, российское законодательство, законодательство некоторых зарубежных стран (Великобритании, Дании, КНР, Литвы, Норвегии, Польши, Сингапура, США, ФРГ, Швейцарии, Швеции и др.), ведомственные нормативно-правовые акты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации по рассматриваемой проблеме.

Эмпирическую основу исследования составили федеральные, региональные и муниципальные решения по организации и проведению антикоррупционного мониторинга за период с 2008 по 2024 гг., статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации ФКУ «ГИАЦ МВД России» за период с 2011 по 2024 гг., Следственного комитета Российской Федерации за период с 2014 по 2024 гг., Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период с 2008 по 2024 гг., а также федеральных и региональных органов по профилактике преступлений коррупционной направленности за период с 2011 по 2024 гг. В процессе исследования были задействованы материалы опубликованной судебно-следственной практики, включая постановления Пленума и определения Верховного Суда Российской Федерации, а также публикации в средствах массовой информации по исследуемой теме.

Научная новизна исследования заключается в решении научной задачи по развитию антикоррупционного мониторинга как инструмента измерения коррупции и результативности противодействия преступлениям коррупционной направленности посредством установления его правовых, институциональных и организационно-методических основ. При этом новизна исследования выражается в следующем:

- сформировано понятие антикоррупционного мониторинга и определено его соотношение со смежными правовыми категориями, применяемыми в действующем международном праве, в российском законодательстве и в правореализационной практике;

- систематизированы теоретические подходы к назначению антикоррупционного мониторинга с учётом современных тенденций развития зарубежной и российской научной мысли;

- проведена типологизация законодательства субъектов Российской Федерации по механизму правового регулирования антикоррупционного мониторинга;

- выявлены модели международно-правового регулирования антикоррупционного мониторинга в универсальных и региональных международных актах и на данном основании проведено их соотношение с российским институтом антикоррупционного мониторинга;

- определены и исследованы факторы, предопределяющие развитие дефектов права в методиках сбора и анализа статистических данных о преступлениях коррупционной направленности;

- установлены особенности институциональных и организационных тенденций, предопределяющих осуществление антикоррупционного мониторинга на федеральном и региональном уровнях;

- сформулированы предложения по основным направлениям совершенствования антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации.

Таким образом, криминологическая наука была дополнена новыми знаниями в части применения мониторинговых мер для раскрытия преступлений коррупционной направленности, а также для использования информационно-статистических данных при принятии и корректировке государственно-управленческих решений, направленных на развитие системы противодействия преступлениям коррупционной направленности в Российской Федерации.

Выводы, конкретизирующую научную новизну проведенного исследования, отражены в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**.

1. Антикоррупционный мониторинг – это специализированная деятельность уполномоченных на противодействие коррупции органов публичной власти и должностных лиц, а также общественных организаций в целях измерения состояния и определения тенденций развития коррупции, причин её возникновения, изменения или сохранения, эффективности антикоррупционной политики на определённой территории и за определённый период времени.

2. Соотношение антикоррупционного мониторинга со смежными правовыми категориями («антикоррупционный контроль», «антикоррупционная экспертиза», «антикоррупционный аудит», «мониторинг правоприменения» и др.)

продемонстрировало его специфические признаки, заключающиеся в том, что антикоррупционный мониторинг охватывает как результаты, так и предпосылки к данному противоправному коррупционному поведению. Кроме того, в функции антикоррупционного мониторинга включены: анализ факторов и последствий, установление состояния коррупции в определённой области, действия по устранению коррупционных факторов и другие направления.

3. Организационно-правовые основы антикоррупционного мониторинга в современном международном праве получили лишь фрагментарное регулирование, что наглядно прослеживается в универсальных международных договорах. Попытка детализации этих вопросов наблюдается лишь в региональных международных актах, в которых антикоррупционный мониторинг сформулирован в качестве научно-обоснованной деятельности, имеющей системный и плановый характер. Тем самым массивные информационные данные, анализ которых требует наличие специальных знаний, в совокупности с программно-целевым подходом остаётся предметом национального законодательства, закрепляющего определённый механизм антикоррупционного мониторинга.

4. Систематизация правовых основ антикоррупционного мониторинга позволила провести классификацию нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации на следующие группы:

а) нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, в которых антикоррупционный мониторинг не выделен в качестве самостоятельного механизма противодействия коррупции, поскольку его меры адаптированы под отдельные сферы (например, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Красноярский край и др.);

б) нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, в которых антикоррупционный мониторинг регламентирован фрагментарно (Республика Дагестан, Астраханская область, Тюменская область и др.);

в) нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, в которых предприняты попытки по выработке собственной правовой трактовки антикоррупционного мониторинга (Республика Татарстан, Псковская область, Нижегородская область и др.).

5. Оценка системы информационного обеспечения деятельности по противодействию преступлениям коррупционной направленности позволяет выделить дефекты, заложенные в формальных методиках сбора и анализа статистических данных для антикоррупционного мониторинга, которые продиктованы следующими факторами:

а) периодические сокращения штата специалистов в территориальных подразделениях правоохранительных органов и в организациях без корректировки статистических методов, что сказывается на количестве должностных лиц, ответственных за получение первичных сведений, и на качестве собираемой информации;

б) дублирование статистических показателей, возникающее вследствие избыточности собираемых данных, которые не получают должной аналитики;

в) фактическое игнорирование сведений, собираемых общественными организациями, которые участвуют в противодействии коррупции;

г) сложившиеся значительные межведомственные и территориальные информационные преграды, вызванные отсутствием единой методики подсчётов статистических данных и формирования форм и баз отчётности.

6. Специфика судебно-статистической информации о коррупции в Российской Федерации выражается в очевидных противоречиях между данными, формируемыми судебной системой, и показателями, которые обнародуются правоохранительными органами. Основным индикатором результативности последних выступает доля раскрытых преступлений коррупционной направленности в их соотношении с административными правонарушениями. Отмеченное обстоятельство объясняет выявленную в ходе исследования диспропорцию между статистикой предварительного расследования и судебной

статистикой. В частности, обобщённая статистика Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ и МВД РФ свидетельствует о высокой эффективности выявления преступлений коррупционной направленности, в то время как по судебно-статистическим сведениям указанный тезис не получает своего подтверждения.

7. Экспертная оценка в антикоррупционном мониторинге – это вид заключения одного эксперта или экспертной группы, наделённых специальными полномочиями по проведению исследования общих и частных вопросов о состоянии коррупции на определённой территории, об осуществлении отдельных мер по противодействию коррупционным преступлениям, об отношении населения и специальных категорий граждан (предпринимателей разного уровня, публичных служащих, работников определённых сфер и др.) к действиям, предпринимаемым институтами власти. Роль экспертных оценок выражается в их обязательном использовании при реализации мер антикоррупционного мониторинга, поскольку знания и навыки экспертов способствуют объективации государственно-управленческих решений на всех уровнях власти. Вместе с тем прямого законодательного закрепления метода экспертных оценок в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации не прослеживается, а на региональном уровне указанный аспект регламентирован лишь частично.

8. Основные показатели институционального обеспечения национальной системы антикоррупционного мониторинга вырабатываются органами публичной власти и общественными организациями, наделёнными специальными полномочиями по измерению реального состояния коррупционной преступности, а также по формированию информационных баз данных для проведения аналитической работы, призванной скорректировать действующую нормативно-правовую базу. Институциональное обеспечение этой системы сопровождается разрозненными нормативно-правовыми актами преимущественно подзаконного уровня, которые устанавливают разные методики измерения состояния

коррупционной преступности и анализа имеющейся информации. Вследствие такого подхода в субъектах Российской Федерации не сложились единые стандарты проведения мониторинговых мероприятий, которые целесообразно координировать между гражданскими и правоохранительными институтами.

9. Организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации представляют собой централизованную систему сбора информации об определённых категориях лиц, о сферах, подверженных частым преступлениям коррупционной направленности, а также об отношении общественности к существующим мерам противодействия коррупционной преступности. Несмотря на доминирование федерального компонента в правовом регулировании процедурных и методических средств измерения коррупции, в законодательстве сохраняются пробелы по использованию методов антикоррупционного мониторинга, которые должны восполняться нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации.

10. К основным направлениям совершенствования правового регулирования антикоррупционного мониторинга следует отнести:

а) конкретизацию правового статуса координационных комиссий (советов, комитетов);

б) унификация порядка проведения отдельных мониторинговых мер;

в) использование информационных ресурсов, которыми располагают правоохранительные органы, уполномоченными субъектами при реализации мер противодействия коррупции.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что его содержание, обобщенное в выводах, предложениях и рекомендациях автора, способствует дополнению криминологической науки новыми знаниями о концептуальных положениях антикоррупционного мониторинга, определении его места и роли в противодействии преступлениям коррупционной направленности. В работе аргументируются и обосновываются выводы и рекомендации, уточняющие и дополняющие существующие научные представления об антикоррупционном

мониторинге при реализации государственной политики по противодействию преступлениям коррупционной направленности. Вышеперечисленные особенности могут быть положены в основу дальнейших исследований как по данной, так и по смежным темам.

Практическая значимость работы выражается в прикладном характере авторских предложений, которые позволят повысить эффективную реализацию правовых норм, регламентирующих антикоррупционный мониторинг. Предложены способы устранения пробелов и коллизий, связанных с формированием и осуществлением мониторинговых мер.

Выводы и предложения, обоснованные в работе, могут использоваться в правотворческом процессе при совершенствовании нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам реализации антикоррупционного мониторинга.

Представленная в работе информация может использоваться в образовательном процессе при преподавании курса «Криминология», а также таких дисциплин, как «Коррупционные преступления», «Противодействие коррупционной преступности», при подготовке учебных и учебно-методических пособий по заявленным курсам.

Степень достоверности результатов исследования достигнута посредством применения научно-обоснованных методов познания, апробированных в других доктринальных работах, а также при помощи соблюдения общепринятых требований, теоретических, методологических и методических традиций криминологической науки, задействованием результатов других отраслевых исследований, правоприменительной практики, научным анализом источников и репрезентативностью эмпирических данных.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е.Эминова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), где она прошла рецензирование и обсуждение.

Основные результаты исследования отражены в двадцати двух научных публикациях, восемь из которых опубликованы в журналах, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Кроме того, проблемы противодействия антикоррупционного мониторинга были отражены в докладах и сообщениях, представленных на научно-представительских мероприятиях: IV Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» (г.Тамбов, 2020 г.); X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика» (г. Тамбов, 2021 г.), ежегодной Итоговой научно-практической конференции преподавателей и сотрудников Казанского филиала Российского Государственного Университета Правосудия, X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (г. Казань, 2022 г.), I Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в условиях цифровой трансформации» (г. Казань, 2022 г.), II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в условиях трансформации» (г. Казань, 2023 г.), круглый стол на тему: «Международно-правовые и национальные проблемы борьбы с коррупцией» (г. Челябинск, 2023 г.), XI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации (г. Казань, 2023 г.), III Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в условиях трансформации» (г. Казань, 2024 г.) и др.

Материалы диссертационного исследования использовались при проведении практических занятий со студентами Казанского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения

высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань).

Структура работы обусловлена ее целями и задачами, и состоит из введения, 3 глав, включающих 9 параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы.

ГЛАВА 1. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

§1. Понятие антикоррупционного мониторинга и его соотношение со смежными правовыми категориями

Исследование политики по противодействию коррупционной преступности строится на разностороннем подходе учёных к используемому понятийно-категориального аппарату и к его содержательным особенностям. В этой связи антикоррупционный мониторинг выступает наглядным проявлением неоднозначности концептуальных позиций, сложившихся в современной правовой науке. В свою очередь, именно они в полной мере проецируются на правовое регулирование отношений, возникающих по поводу осуществления данной деятельности по измерению преступлений коррупционной направленности, их причин и результатов.

Понятие антикоррупционного мониторинга зависит от того направления, в плоскости которого российские исследователи рассматривают данные правоотношения. Так, у одних авторов мониторинг сведён к определённой профессиональной деятельности, урегулированной не только нормами права, но и нормами профессиональной этики, корпоративными и техническими нормами[1]. В отдельных случаях мониторингом считается либо процесс по сбору и анализу сведений в области противодействия коррупции, либо результат такого

[1] См.: Иванова В.Г. Антикоррупционный мониторинг как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: понятие, содержание и значение // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 1. С. 48-76.

профессионального анализа, который необходим для принятия государственных и муниципальных управленческих решений[1].

Сужение терминологического смысла антикоррупционного мониторинга наблюдается у учёных, исследующих измерительные инструменты в области противодействия преступлениям коррупционной направленности, что позволяет им сформулировать мониторинг в ключе специального контроля над такой специализированной деятельностью[2]. В обобщённом виде антикоррупционный мониторинг раскрывается в качестве первоначальной задачи построения эффективной системы по противодействию коррупционной преступности[3].

Тем самым отмеченные теоретические подходы объединяет общий терминологический знаменатель в виде профессиональной деятельности, трактуемой с разных позиций. При этом очерчивается главная цель такой деятельности – измерение состояния коррупции, а равно её отдельных проявлений, форм, видов, уровней, участников, степени распространения, факторов, мер воплощения антикоррупционной политики и многих других показателей. Последние в правовом выражении являются компетенцией уполномоченных органов власти и должностных лиц, входящих в систему противодействия коррупции на основании действующего законодательства.

В результате антикоррупционный мониторинг может быть определён с двух методологических подходов:

1) инструментальный подход выдвигает на первый план совокупность субъектов, уполномоченных заниматься измерением коррупции, анализом её

---

[1] См.: Маклакова И.Д. Антикоррупционный мониторинг как форма государственного контроля: проблемы и перспективы реализации // В сборнике: Современные вопросы естествознания и экономики. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Прокопьевск, 2021. С. 85-87.

[2] См.: Глухова А.А., Теунаев А.С.У. Мониторинг антикоррупционной деятельности в органах, организациях и подразделениях МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 117-127.

[3] См.: Нурутдинов Л.Р. Понятие и проблемы правоприменения антикоррупционного мониторинга в России // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2013. № ТЗ. С. 2016-2020.

причин, результативности применения мер антикоррупционной политики по определённой методике и в соответствии с действующими нормами.

2) системный подход воспринимает мониторинг в качестве комплекса различных мер (правовых, организационных, технических, технологических, идеологических и многих других), распределённых по многоуровневой системе уполномоченных субъектов (от специальных органов и должностных лиц до частных субъектов) в целях повышения эффективности противодействия коррупции на определённой территории.

Для выявления особенностей развития теоретических трактовок антикоррупционного мониторинга необходимо обратиться к зарубежной правовой науке.

Так, термин «антикоррупционный мониторинг» используется зарубежными авторами в расширительном значении. В большинстве иностранных публикаций, посвящённых вопросам организации и осуществления деятельности по контролю над коррупционными проявлениями, говорится о финансовом мониторинге[1]. Акцент на налоговый, бюджетный, банковский характер антикоррупционных проверок, осуществляемых в целях мониторинга, прослеживается у целой группы специалистов, анализирующих превентивные способы борьбы с коррупцией[2]. Тем самым мониторинг должен включать в себя осуществление таких проверок, но исключительно в информационном значении (в качестве источника получения так называемых «полевых» сведений о реальном состоянии коррупционных действий и людей, вовлечённых в их совершение).

---

[1] См.: Sampson S. The anti-corruption industry: from movement to institution // Global Crime. – 2010. – Vol. 11. – №. 2. – pp. 261-278; McCoy J. L. The emergence of a global anti-corruption norm // International Politics. – 2001. – Vol. 38. – №. 1. – pp. 65-90; Cole W. M. Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012 // International Journal of Comparative Sociology. – 2015. – Vol. 56. – №. 1. – pp. 53-80.

[2] См.: Rose–Ackerman S. Corruption and government // International peacekeeping. – 2008. – Vol. 15. – №. 3. – pp. 328-343; Ahlin C., Pang J. Are financial development and corruption control substitutes in promoting growth? // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 86. – №. 2. – pp. 414-433.

Ряд зарубежных исследователей оперируют понятием «антикоррупционный контроль» или «контроль коррупции»[1], но вкладывают в него более широкий смысл по сравнению с термином «мониторинг». В частности, контрольные мероприятия предполагают не только пресечение коррупционного поведения публичных служащих и приравненных к их статусу иных лиц, но и предупреждение возникновения условий, способствующих совершению преступлений коррупционной направленности[2].

При этом под антикоррупционным контролем понимается система мер, направленных на работу со сведениями о коррупционных нарушениях, т.е. получение, обобщение, анализ и использование информации о коррупционных действиях определённого круга субъектов в публичной и частной сферах[3]. Тем самым данный контроль является одним из базовых инструментов противодействия коррупции и подлежит специальному правовому регулированию.

Напротив, контроль коррупции имеет более широкое содержание. В отличие от антикоррупционного контроля, в нём анализируются сведения не только о конкретных коррупционных правонарушениях[4], но и об иных формах

---

[1] См.: Basu K., Cordella T. (ed.). Institutions, Governance and the Control of Corruption. – Springer, 2018. – 402 p.; Graycar A., Sidebottom A. Corruption and control: a corruption reduction approach // Journal of Financial Crime. – 2012. – Vol. 19. – No. 4. – pp. 384-399; Mungiu-Pippidi A., Dadašov R. Measuring control of corruption by a new index of public integrity // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2016. – Vol. 22. – №. 3. – pp. 415-438.

[2] См.: Wolf S., Schmidt-Pfister D. Between corruption, integration, and culture: The politics of international anti-corruption. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2010. – pp. 13-22; Doig A. Good government and sustainable anti - corruption strategies: A role for independent anti - corruption agencies? // Public Administration and Development. – 1995. – Vol. 15. – №. 2. – pp. 151-165.

[3] См.: Аюпов А.А., Алексеев С.Л. Теоретические концепты понятия «антикоррупционный контроль» в системе экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4-2 (52). С. 22; Левакин И.В. Полномочия внутренних систем антикоррупционного контроля государственных органов // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 4. С. 34; Лаврентьева О.О. Антикоррупционный контроль в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. 2012. № 12 (60). С. 41.

[4] См.: Алексеев С.Л. Оценка антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности российских регионов // Экономика и управление: проблемы,

коррупции, не получивших законодательного запрета, а также о факторах, которые способствуют их распространению, о склонности населения к коррупционным сделкам (т.н. «коррупционная поражённость»), о мотивации участников и об особенностях отношений, складывающихся в коррупционной среде[1].

Следует признать, что в указанном широком понимании термин «контроль коррупции» наиболее близок к содержательному наполнению понятия «антикоррупционный мониторинг» за тем лишь исключением, что выходит за правовые рамки и имеет больше социологический, чем юридический характер.

В соотношении с понятием «антикоррупционный контроль» мониторинг приобрёл более специализированные черты, выступая лишь одной из тех мер, которые включаются в указанную систему действий. Тем самым контроль коррупции состоит из антикоррупционного контроля, осуществляемого в том числе посредством антикоррупционного мониторинга.

Следует оговориться, что именно широкая трактовка мониторинга прослеживается в современном российском законодательстве. Специфическое восприятие антикоррупционного контроля в зарубежной литературе повлияло на аналогичное понимание мониторинга, под которым иностранные исследователи подразумевают постоянный процесс сбора и анализа информации о коррупционных проявлениях, об условиях совершения коррупционных нарушений и использовании данных сведений при проектировании политики по противодействию коррупционной преступности[2].

решения. 2019. Т. 2. № 10. С. 66; Ковалев К.А. Антикоррупционный контроль на государственной службе // КиберЮрист. 2020. № 4 (4). С. 40.

[1] Цит. по: Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, А. М. Цирин [и др.]. — Москва: Проспект, 2019. – С. 138; Калинина А.Н. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1. № 8. С. 307.

[2] См.: De Beco G. Monitoring corruption from a human rights perspective // The International Journal of Human Rights. – 2011. – Vol. 15. – №. 7. – pp. 1107-1124; Bobonis G. J., Cámara Fuertes

Столь обширное содержание антикоррупционного мониторинга в зарубежной научной мысли продиктовано особенностями законодательного регулирования деятельности по измерению коррупционной преступности в тех государствах, которые традиционно возглавляют мировые антикоррупционные рейтинги. Также на такое восприятие сказалось распространение мониторинга на частный сектор, т.е. на деятельность юридических лиц и других субъектов предпринимательских отношений, которые часто используются в качестве средств совершения преступлений коррупционной направленности и легализации коррупционных доходов. В частности, в трактовках американских и западноевропейских учёных объектами мониторинга выступают не только коррупционные проявления в деятельности должностных лиц на государственном и муниципальном уровнях, но и в поведении сотрудников публичных компаний, а также лиц с управленческим статусом в частных организациях[1].

В отличие от концепций, выработанных российскими учёными, мониторинг в иностранной юрисдикции имеет более широкий охват в части сбора сведений об экономической активности целой категории граждан и организаций, прямо или косвенно связанных с публичным управлением, в том числе с реализацией государственных и муниципальных функций[2]. В таком смысле мониторинг смешивается с другим смежным термином «антикоррупционный аудит», который сводится лишь к проведению соответствующих проверок, дающих объективное представление о конкретном субъекте и совершённом им коррупционном правонарушении.

L. R., Schwabe R. Monitoring corruptible politicians // American Economic Review. – 2016. – Vol. 106. – №. 8. – pp. 2371-2405.

[1] Kernaghan K. et al. The responsible public servant. – Halifax : Institute for Research on Public Policy, 1990. P. 46; Needham C., Mangan C. The 21st century public servant // Birmingham: University of Birmingham. – 2014. - pp. 265-272.

[2] См.: Borz G. Combating corruption in Europe: a stimulus–response approach // European Political Science. – 2019. – Vol. 18. – №. 2. – pp. 217-233; Pelizzo R., Baris O., Janenova S. Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption // Cornell Int'l LJ. – 2017. – Vol. 50. – P. 77.

Тенденции, наблюдаемые в мировых масштабах борьбы с коррупцией, свидетельствуют, что наступила эпоха выявления коррупционных интересов во многих областях экономического оборота[1]. Причём такой подход требует конкретизации информационных данных о коррупционных проявлениях не только на уровне официальной государственной статистики, но и при помощи альтернативных источников, включая институты гражданского общества[2].

На постоянный характер антикоррупционного мониторинга обращают внимание российские исследователи за тем лишь исключением, что среди них доминирует формально-логический методологический подход к понятию и содержанию рассматриваемого термина[3].

Так, основная категория авторов раскрывают его в сложившейся законодательной формулировке, отмечая, что в институциональном плане подобный мониторинг приобрёл правовые формы в региональных законах и подзаконных актах[4]. Вместе с тем в своём совокупном выражении антикоррупционный мониторинг, по мнению российских учёных, представляет федеральный механизм анализа коррупционной преступности[5].

Основная содержательная особенность антикоррупционного мониторинга в силу упомянутой концепции заключается в том, что он направлен на обобщение

---

[1] См.: Brown N. C. et al. Political corruption and firm value in the US: Do rents and monitoring matter? // Journal of Business Ethics. – 2021. – Vol. 168. – №. 2. – pp. 335-351; Gans-Morse J. et al. Reducing bureaucratic corruption: Interdisciplinary perspectives on what works // World Development. – 2018. – Vol. 105. – pp. 171-188.

[2] Zhang N. Institutions, norms, and accountability: A corruption experiment with northern and southern italians // Journal of Experimental Political Science. – 2018. – Vol. 5. – №. 1. – pp. 11-25.

[3] См.: Астанин В.В. Антикоррупционный мониторинг в Российской Федерации: цели, задачи и содержание // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 2-4; Кошкина И.В. Антикоррупционный мониторинг – как превентивная мера противодействия коррупции // Экономика, социология и право. 2017. № 1. С. 88-90.

[4] См.: Иванова В.Г. Антикоррупционный мониторинг как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: понятие, содержание и значение // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 1. С. 48-76.

[5] См.: Казачкова З.М., Казачков В.А. Мониторинг региональных антикоррупционных программ в свете общенациональной политики // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 60; Костюченко К.Р. Антикоррупционный мониторинг как современный элемент механизма противодействия коррупции // Вестник современных исследований. 2019. № 1.9 (28). С. 73.

сведений, необходимых при оценке мер антикоррупционной политики[1]. По справедливому замечанию П.А. Кабанова, такой мониторинг сведён к трём системным направлениям:

- анализ тенденций по измерению состояния коррупции на определённой территории и по установленной методике;

- анализ тенденций, наблюдаемых среди причин, провоцирующих коррупцию (в т.ч. влияющих на устранение, локализацию или миниминизацию коррупционной преступности);

- анализ результатов отдельных средств реализации антикоррупционной политики и оценка эффективности её осуществления за определённый период времени и на определённой территории[2].

Во многом данный подход обоснован возможностями институтов противодействия коррупции по сбору и анализу соответствующих сведений. В частности, объектом мониторинга, как правило, становятся узкие коррупционные проявления, вычисляемые в силу наличия у правоохранительных и иных органов доступа к определённой информации (государственных реестров и кадастров, механизмов установления коррупционных связей, использования технических устройств, анализ финансов и т.д.).

Тем самым многие формы коррупционной активности подконтрольных субъектов (теневые операции) могут находиться за рамками антикоррупционного мониторинга, который не учитывает их в дальнейшей управленческой практике. Как известно, в российском законодательстве прослеживаются тенденции к расширению типологии преступлений коррупционной направленности и детализации составов таких преступлений, что наглядно показывает зависимость

---

[1] См.: Иванова В.Г. Антикоррупционный мониторинг как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: понятие, содержание и значение // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 1. С. 54

[2] Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 25-26.

антикоррупционного мониторинга от признания законодателем определённого поведения в качестве противоправного (от признания тех или иных действий коррупционными). В таком ракурсе за его пределами остаётся широкий слой интересов, сопряжённых с поддержанием и развитием коррупционного оборота.

Собственно, на проблему теневой экономической деятельности, сведения о которой практически не учитываются институтами противодействия коррупции, обращают внимание многие исследователи[1]. Ряд из них отмечают, что на данном этапе развития антикоррупционного мониторинга достаточным считается существующая модель его правового регулирования[2]. Напротив, другие авторы полагают, что необходим развёрнутый диапазон объектов, подлежащих специальному анализу (измерению) для совершенствования механизмов борьбы с коррупцией и непосредственного воздействия на коррупционные факторы[3].

При этом многоступенчатость антикоррупционного мониторинга должна напрямую зависеть от институционализации самой коррупции в определённой сфере общественных отношений. Отсюда можно выделить два противоположных научных подхода, трактующих значение рассматриваемой деятельности.

Если следовать первому направлению, то существуют общие мониторинговые стандарты в области противодействия коррупции, которые в одинаковой степени необходимо применять ко всем случаям[4]. В силу этого

---

[1] См.: Севрюгин К.В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации (административно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тюмень, 2011. 200 с.; Соколов А.В. Противодействие коррупции в сфере управления федеральным имуществом. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012. 170 с.; Александрова О.А. Информационная открытость как составляющая противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012. 187 с.

[2] Румянцева Е.Е. Механизмы противодействия коррупции / Е. Е. Румянцева. - 2-е изд., доп и испр. - Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С. 52.

[3] Фещенко П.Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 66-71.

[4] См.: Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014. 289 с.; Чистов А.А. Административно-правовое

законодательное регулирование подобных мероприятий не должно подвергаться градации по сферам общественной жизни, в которых сложились коррупционные угрозы. Таким образом, в данном концептуальном выражении антикоррупционный мониторинг представляет собой единый механизм учёта коррупционных фактов, характеризующих состояние общественных отношений на определённой территории, а также причин, способствующих их сохранению, развитию или минимизации[1].

Второй подход построен на уникальности коррупционных проявлений в различных секторах экономики и общественного управления, в силу чего инструменты борьбы с ними так же должны иметь специализированный характер[2]. Это означает, что они применяются избирательно в зависимости от распространения коррупции, её характера и форм[3]. В таком смысле антикоррупционный мониторинг в отдельных областях общественных отношений различается с учётом специфики коррупционных форм и причин их возникновения[4].

регулирование противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти в современных условиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2010. 233 с.

[1] См.: Шишкарёв С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010. С. 214.

[2] См.: Черкасов К.В. Некоторые вопросы мониторинга правоприменения в современной России в контексте противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 203-207; Дмитриева М.С. Коррупция и её предупреждение в сфере размещения и исполнения государственных заказов // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 116-120.

[3] См.: Лахтина Т.А., Рамаева К.В. Правовые средства противодействия коррупции в финансовой сфере // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 166; Кочетова Е.М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. С. 70; Волженская Н.А. Коррупция в сфере здравоохранения // Вестник современных исследований. 2019. № 2.14 (29). С. 6.

[4] См.: Федоровская М.А. Уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы противодействия коррупции и должностным преступлениям. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. С. 79; Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2006. С. 52; Хамазина

В свете указанной научной дискуссии на правовом уровне возобладал первый подход, что напрямую закреплено в действующем российском законодательстве.

Вместе с тем на теоретическом уровне прослеживается смешение таких близких понятий, как «мониторинг законодательства», «мониторинг правоприменения» и «мониторинг противодействия коррупции»[1]. В ряде научных исследований указанные термины рассматриваются в качестве равнозначных[2], что не соответствует их содержанию.

Например, в сравнении с антикоррупционным мониторингом, выступающим системой мер по измерению реального состояния коррупции, мониторинг законодательства сводится к выявлению коррупциогенных факторов на правотворческом уровне. В региональных законах признаки такой деятельности прослеживается в таком механизме, как антикоррупционная экспертиза.

Сегодня в большинстве действующих нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, регламентирующих отношения по противодействию коррупции, мера в виде экспертизы названа в качестве

О.И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2008. С. 86.

[1] См.: Скирда М.В. О мониторинге законодательства Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции // В сборнике: Диалектика противодействия коррупции. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Институт экономики, управления и права (г. Казань). 2014. С. 163-171; Бабелюк Е.Г., Савин С.Д., Щепельков В.Ф. О национальной системе мониторинга эффективности противодействия коррупции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5. С. 613-621; Гагаев Ф.Р. Мониторинг правоприменения как институт системы профилактики коррупции // В сборнике: Труды юридического факультета. Т. XI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты). материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых. 2019. С. 312-315.

[2] См.: Евдокимов Е.А. Мониторинг реализации мер по противодействию коррупции // В сборнике: Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 2019. С. 220-223; Сидоренко Э.Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 17-25.

обязательной стадии любого правотворческого процесса. Общие требования к проведению данного мероприятия сформулированы на федеральном уровне[1]. Вместе с тем органы власти субъектов федерации дополняют механизм осуществления процедур реализации антикоррупционной экспертизы[2].

Тем самым сложилась устоявшаяся практика организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, закрепленная на региональном уровне, что не противоречит базовому и специальному федеральному и региональному антикоррупционному законодательству. Более того, в отдельных нормативных правовых актах по организации и проведению антикоррупционной экспертизы дополнительно предусмотрено осуществление антикоррупционного мониторинга результативности антикоррупционной экспертизы.

Как и мониторинг, проведение антикоррупционной экспертизы является специальным полномочием определённых органов власти, состав которых перечисляется в соответствующем нормативно-правовом акте[3]. Такое

---

[1] Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. - N 29. - ст. 3609; 2024. - N 41. - ст. 6059.

[2] См. например: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.12.2009 N 883 (ред. от 23.08.2023) "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан"; Приказ Минсельхозпрода Республики Татарстан от 20.05.2019 N 108/2-пр "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан"; Приказ Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан от 15.04.2019 N 17 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан" и др.

[3] См., например: Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 20.04.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - N 10. - ст. 1084; 2024. - N 18. - ст. 2433; Приказ Минфина России от 12.09.2019 N 145н "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства финансов Российской

ограничение отчасти прослеживается в понятийной характеристике антикоррупционного мониторинга в качестве профессиональной деятельности уполномоченных органов, должностных лиц и иных субъектов антикоррупционной политики[1].

Исходя из правовой обстановки, сложившейся в современных федеративных отношениях, в специальной литературе отмечается проблема сочетания субъекта и объекта антикоррупционной экспертизы, которая во многом транслируется на аналогичную систему антикоррупционного мониторинга[2].

Среди причин такого дефекта нередко называется непрозрачность в формировании мер по противодействию коррупции на региональном уровне, что выражается в полномочиях определённых органов власти (подчинённых требованиям антикоррупционной экспертизы и мониторинга) определять, кто именно должен осуществлять соответствующие экспертные исследования[3]. Некоторые авторы полагают, что в таком негармоничном распределении функций прослеживается прямой административный интерес в минимизации масштабов потенциальных нарушений[4].

Федерации" // Документ официально не опубликован, текст размещён в справочно-правовой системе «Консультант Плюс»; Приказ Росархива от 20.07.2010 N 53 "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федерального архивного агентства" // Российская газета. - N 188. - 24.08.2010. и др.

[1] Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 27.

[2] См.: Комлева В. Совпадение субъекта и объекта борьбы с коррупцией в России // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 81-83; Благова А.А., Денисов Н.Л. Коррупция как объект воздействия уголовно-правовыми мерами // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 2. С. 28-31.

[3] См.: Раздъяконова Е.В. К вопросу о роли антикоррупционной экспертизы в правотворческой деятельности государства // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 1. С. 29; Ширяева С.В., Розанова Е.В. Антикоррупционная экспертиза: правовая природа, организация и проведение // Современное право. 2020. № 10. С. 41.

[4] Мерненко А.Ю. Поправки, которые нам нужны: проблемы эффективного использования механизма антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 218.

Применительно к антикоррупционной экспертизе, помимо выявления и описания коррупциогенных факторов, уполномоченные субъекты должны предложить вариант их устранения. При этом региональное законодательство допускает проведение независимой антикоррупционной экспертизы, в свою очередь, сегментарно урегулировав её субъектный состав. Так, институты гражданского общества и отдельные граждане могут заниматься такой экспертизой, но её порядок определяется соответствующими нормативно-правовыми актами[1]. На федеральном уровне также подчёркивается, что антикоррупционную экспертизу осуществляют лишь аккредитованные лица. Порядок подобной аккредитации законодательно не регламентирован, но Министерство юстиции Российской Федерации установило его своими подзаконными актами[2].

Отсюда можно сделать вывод, что антикоррупционную экспертизу в субъектах Российской Федерации реализуют сами органы власти и должностные лица, т.е. лица, наделённые административным интересом в разработке и внедрении проектов их нормативно-правовых актов. Допустим также вариант с привлечением негосударственных организаций и отдельных граждан (экспертов), но лишь в рамках признания их таковыми со стороны тех же органов власти и должностных лиц.

Выявленная специфика правового обеспечения антикоррупционной экспертизы обосновывает концепции, сложившиеся в правовой науке.

---

[1] Например: П. 2 ст. 8 Областного закона Ленинградской области от 17.06.2011 N 44-оз (ред. от 10.02.2023) "О противодействии коррупции в Ленинградской области" // Вестник Законодательного собрания Ленинградской области. - вып. 3. - 15.07.2011; Вести. - N 19. - 10.03.2023.

[2] См., например: Приказ Минюста России от 29.03.2019 N 57 (ред. от 18.03.2025) "Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации" // Опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru доступ – свободный (дата обращения: 24.03.2025).

Так, согласно первому подходу, отнесение противодействия коррупции к предмету совместного ведения федерального центра и субъектов федерации обязало последних выработать собственные превентивные механизмы, в которых не должна присутствовать прямая заинтересованность участников, что, в свою очередь, компенсирует установление их формальной субординации[1].

Сторонники другого подхода полагают, что для решения указанного дефекта правового регулирования требуется создание независимого института антикоррупционной экспертизы, т.е. без участия в данном процессе органов власти и с делегированием соответствующих полномочий общественным объединениям[2].

Вместе с тем допустимость внедрения условно независимого института антикоррупционного мониторинга и экспертизы может поставить региональную власть в зависимость от воли тех субъектов, которые будут непосредственным образом осуществлять данные меры на практике. На этом фоне вполне обоснован запрет иностранным и международным организациям в допуске к подобным контрольным мероприятиям. В равной степени к реализации экспертизы не должны привлекаться т.н. «иностранные агенты», лица, уличённые в коррупции, а также граждане, имеющие судимость.

---

[1] См.: Бородина О. Вопросы организации антикоррупционной экспертизы нормативных документов // Юрислингвистика. 2020. № 16 (27). С. 11-15; Суховецкий М.И. Коррупциогенные факторы в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 12. С. 95-102; Короткова О.А., Шавенкова Т.А. Антикоррупционная экспертиза в системе правового мониторинга // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 125-135.

[2] См.: Аминов И.Р., Фахретдинова Р.Р. Перспективы развития независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4 (50). С. 13-15; Месилов М.А., Добрых Е.В. Пути оптимизации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Вестник Университета Правительства Москвы. 2020. № 1 (47). С. 12-17; Беляев А.Д. Проблемы совершенствования правовой регламентации и практики осуществления правовой и антикоррупционной экспертизы // Современное право. 2020. № 10. С. 45-50.

Смежным для мониторинга понятием выступает антикоррупционный аудит. В узком значении он представляет собой систему контрольных мероприятий, направленных на выявление нарушений в соблюдении правовых запретов и ограничений, которые установлены для публичных служащих в отдельно взятом органе или организации[1]. В широком понимании антикоррупционный аудит является разновидностью антикоррупционного контроля, реализуемого в форме проведения проверок по соблюдению определённых ограничений[2].

Данный термин приближён к антикоррупционному мониторингу в части сбора и анализа определённых сведений, но выступает более специализированной мерой, поскольку адаптирован под конкретную категорию должностных лиц (сотрудники организаций, оказывающих государственные услуги населению, бизнесу, в области здравоохранения, обороны и т.п.). Аудит призван лишь установить формальное соответствие между закреплёнными в законодательстве антикоррупционными запретами и ограничениями с фактическим поведением публичных служащих[3]. Однако в функции субъектов антикоррупционного аудита не включены: анализ факторов и последствий, установление состояния коррупции в определённой области, действия по устранению коррупционных факторов и многие другие направления.

На региональном уровне мониторинг и аудит антикоррупционной политики рассматриваются в качестве средств контроля за реализацией государственных

---

[1] См.: Салихов З.А., Валеев А.Р. Антикоррупционный аудит: основы организации, планирования и проведения // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 104-110; Колованги́н П.М., Путихин К.Ю., Ермаков С.Г. Концепция антикоррупционного аудита в системе государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 5-6. С. 182-188.

[2] См.: Загарских Т.А., Домрачева Л.П. Аникоррупционный аудит как форма контроля эффективности антикоррупционной деятельности // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2018. № 1. С. 80-97; Мордасова Т.А., Зурнаджьянц Ю.А. Антикоррупционный аудит в государственных органах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 1. С. 149-155.

[3] См.: Кабанов П.А. Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции: понятие, содержание, вопросы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7 (91). С. 744-753; Иванов Б.А. Эффективность антикоррупционного аудита в государственных компаниях // Globus. 2020. № 4 (50). С. 74-76.

стратегий по противодействию коррупции. Так, подобный подход прослеживается в Указе Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 «О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан»[1], где эффективность поставлена в зависимость от мониторинга структуры и уровня коррупции, но не ограничивается лишь управленческой деятельностью. Такой мониторинг призван диагностировать изменения самой коррупции, которая способна адаптироваться под меры противодействия ей, что, в свою очередь, выявляет потребность в постоянной корректировке антикоррупционной политики.

Между тем мониторинг в указанной Стратегии Республики Татарстан 2005 г. сведён к двум целям:

1) обеспечение обратной связи;

2) диагностика.

Одним из направлений их достижения является аудит антикоррупционной политики, который в содержательном смысле нельзя назвать антикоррупционным аудитом, имеющим более конкретизированное значение. В частности, аудит антикоррупционной политики обозначен в разд. 5.2 Стратегии Республики Татарстан 2005 г. в качестве системы, основывающейся на определении т.н. «интегральных показателей конечного эффекта». Последний раскрывается в виде комплекса индикаторов, демонстрирующих достижение стратегических целей противодействия коррупции, что отчасти можно проследить посредством принципа «управления проектами». Для этого требуется конкретизация мер и участников, а также прогноз результатов.

Тем не менее формализация понятия антикоррупционного мониторинга является не единственным методологическим подходом в развитии российской правовой мысли. В частности, в ряде научных работ прослеживается социологическая основа содержания данного термина, которая, в общем виде,

---

[1] Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 "О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Республика Татарстан. - NN 74-75. - 14.04.2005.

конкурирует с результатами изысканий зарубежных авторов, а в некоторой степени – дополняет их с учётом российских особенностей противодействия коррупции[1].

В криминологическом значении антикоррупционный мониторинг представлен комплексом инструментов, с помощью которых выявляется, фиксируется и доказывается коррупционное правонарушение применительно к типизированным моделям поведения специальных субъектов (должностных лиц, депутатов, предпринимателей, общественных деятелей)[2].

Напротив, в социологическом измерении такой мониторинг, являясь комплексным правовым институтом, призван способствовать обнаружению и предупреждению коррупционных действий, но лишь в заданных юридических рамках[3].

Таким образом, можно констатировать, что принципиальное расхождение терминов «антикоррупционный контроль» и «антикоррупционный мониторинг» заключается в их эпизодическом и регулярном характере. Контроль связан со специальными проверками коррупционных обстоятельств и проявлений, поэтому он направлен на результаты коррупционного поведения. Напротив, антикоррупционный мониторинг охватывает как результаты коррупционного поведения, так предпосылки к коррупционным действиям.

---

[1] См.: Наумов Ю.Г., Севастьянов Д.Л., Латов Ю.В., Русанов М.С. Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности. - Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2019. – 150 с.; Поляков М.М. Антикоррупционный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 75-81.

[2] Стороженко И.В. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации. Москва, 2011. – С. 48.

[3] См.: Голубева Т.Г., Шебзухова Т.А. Мониторинг коррупционных рисков и угроз как инструмент реализации государственной антикоррупционной политики в Российской Федерации // Современная наука и инновации. 2018. № 1 (21). С. 143; Молотков Ю.И. Мониторинг как инструмент управления антикоррупционным процессом на уровне субъекта РФ и муниципального района // Развитие территорий. 2016. № 3-4 (6). С. 43.

Вместе с тем лица, реализующие антикоррупционный контроль, обладают более широкими полномочиями в случае выявления коррупционного правонарушения. Субъекты, осуществляющие антикоррупционный мониторинг, в максимальном выражении обязаны обобщить, проанализировать и задействовать поступившие от субъектов контроля сведения о состоянии коррупции, выявить причины (локализующие, устраняющие или минимизирующие коррупционные факты).

Таким образом, на понимание термина «антикоррупционный мониторинг» влияет разрастание нормативного материала, призванного упорядочить процесс по сбору, анализу и последующему использованию информации о состоянии коррупции, о факторах, способствующих её развитию, а также об эффективности существующих правовых мер по минимизации коррупционных проявлений на определённой территории или в определённой сфере общественных отношений. Отграничение антикоррупционного мониторинга от ряда смежных правовых категорий («антикоррупционный контроль», «антикоррупционная экспертиза», «антикоррупционный аудит», «мониторинг правоприменения» и др.) позволяет констатировать узкое восприятие российским законодателем сущности данного термина, который, в свою очередь, должен трактоваться не только относительно управленческой деятельности по оценке результативности антикоррупционной политики, но и методов, позволяющих измерить реальное состояние коррупции, а также причин, провоцирующих её отдельные проявления.

§2. Правовые основы проведения антикоррупционного мониторинга

Антикоррупционный мониторинг представляет собой единый механизм учёта коррупционных фактов, характеризующих состояние общественных отношений на определённой территории, а также причин, способствующих их сохранению, развитию или минимизации. Данный подход базируется на

представлении об уникальности коррупционных проявлений в различных секторах экономики и общественного управления, в силу чего инструменты борьбы с ними так же должны иметь специализацию[1]. Это означает, что они применяются избирательно в зависимости от распространения коррупции, её характера и форм[2]. В таком смысле антикоррупционный мониторинг в отдельных областях общественных отношений различается с учётом специфики коррупционных форм и причин их возникновения[3].

На правовом уровне возобладал именно данный подход, что напрямую закреплено в действующем российском законодательстве.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции»[4] отсутствует обязанность субъектов антикоррупционной политики осуществлять мониторинг результативности деятельности по противодействию коррупции, что сопряжено с отсутствием правовой дефиниции мониторинга в качестве измерительного средства в данном направлении. При этом в нормативно-правовых актах федерального уровня, прямо не регулирующих вопросы противодействия коррупции, прослеживается упоминание антикоррупционного мониторинга.

---

[1] См.: Черкасов К.В. Некоторые вопросы мониторинга правоприменения в современной России в контексте противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 203-207; Дмитриева М.С. Коррупция и её предупреждение в сфере размещения и исполнения государственных заказов // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 116-120.

[2] См.: Лахтина Т.А., Рамаева К.В. Правовые средства противодействия коррупции в финансовой сфере // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 166; Кочетова Е.М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. С. 70; Волженская Н.А. Коррупция в сфере здравоохранения // Вестник современных исследований. 2019. № 2.14 (29). С. 6.

[3] См.: Федоровская М.А. Уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы противодействия коррупции и должностным преступлениям. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 243 с.; Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2006. 249 с.; Хамазина О.И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2008. 200 с.

[4] Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - N 52 (ч. 1). - ст. 6228; 2024, N 33 (Часть I), ст. 4928.

В частности, использование термина «коррупционный риск» сопряжено с проведением мониторинговых мероприятий по его оценке применительно к государственным служащим[1], отдельным государственным должностям, а также к деятельности государственных корпораций[2] и иных государственных организаций[3].

Отсутствие дефиниции антикоррупционного мониторинга в федеральном законодательстве обосновывается разграничением предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации по вопросам формирования и осуществления антикоррупционной политики. В соответствии с существующим механизмом правового регулирования противодействия коррупции именно субъекты Российской Федерации призваны детализировать мониторинговые меры с учётом федеральных установок. Тем самым в законодательстве всех субъектов федерации сегодня присутствует рассматриваемая категория.

Например, в соответствии с п. 1 ст. 11 Закона N 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан»[4] антикоррупционный мониторинг раскрыт в качестве целеориентированной деятельности, направленной на анализ, наблюдение и прогноз коррупции. Перечисленные в указанном определении действия, составляющие в совокупности институциональный образ данных мер, направлены на оценку эффективности республиканской политики по противодействию коррупции.

---

[1] Приказ ФНС России от 02.08.2023 N СД-7-4/516@ "Об утверждении Карты коррупционных рисков и мер по их минимизации Федеральной налоговой службы и ее территориальных органов".

[2] Приказ Госкорпорации "Росатом" от 14.04.2015 N 1/364-П (ред. от 19.04.2019) "Об утверждении Единой отраслевой антикоррупционной политики Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" и ее организаций и единых отраслевых методических указаний по оценке коррупционных рисков в Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" и ее организациях".

[3] Например, Распоряжение ОАО "РЖД" от 01.02.2021 N 192/р "Об утверждении Методических рекомендаций по управлению коррупционными рисками в ОАО "РЖД".

[4] Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О противодействии коррупции в Республике Татарстан" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2006, N 5, ст. 1464; Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. N 27 (Часть I). ст. 0772.

Схожий вариант наблюдается в Законе N 20-З «О противодействии коррупции в Нижегородской области»[1], где мониторинг содержательно представляет собой прогноз, анализ, наблюдение и оценку мер реализации антикоррупционной политики и коррупциогенных факторов.

Необходимо выделить те субъекты Российской Федерации, в законодательстве которых вовсе отсутствует упоминание об антикоррупционном мониторинге.

Так, в Законе N 192 «О противодействии коррупции в Камчатском крае»[2] названы лишь общие принципы организации противодействия коррупции на региональном уровне и порядок распределения полномочий в данном направлении среди высших органов власти и должностных лиц. Между тем отказ от закрепления дефиниции рассматриваемой меры не означает, что в Камчатском крае не проводятся анализ, наблюдение и оценка коррупционных проявлений. Отмеченная особенность подтверждает позицию тех авторов, которые рассматривают антикоррупционный мониторинг как федеральный правовой институт, а не регионально-правовой инструмент измерения коррупции[3].

В силу отмеченных содержательных особенностей антикоррупционного мониторинга можно провести классификацию регионального законодательства на:

1) законодательство субъектов федерации, в которых антикоррупционный мониторинг не выделен в качестве самостоятельного механизма противодействия

---

[1] Закон Нижегородской области от 07.03.2008 N 20-З (ред. от 26.12.2024) "О противодействии коррупции в Нижегородской области" // Правовая среда, N 21(904), 20.03.2008; Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 27.12.2024.

[2] Закон Камчатского края от 18.12.2008 N 192 (ред. от 28.11.2022) "О противодействии коррупции в Камчатском крае" // Официальные Ведомости, N 221-225, 30.12.2008; N 228-229, 08.12.2022.

[3] См.: Сидоренко Э.Л. Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 158; Андрюхина О.В. Антикоррупционный мониторинг как один из элементов противодействия коррупции в России // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). С. 108.

коррупции, поскольку его меры адаптированы под отдельные сферы (например, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Красноярский край и др.);

2) законодательство субъектов Российской Федерации, в котором антикоррупционный мониторинг регламентирован фрагментарно (Республика Дагестан, Астраханская область, Тюменская область и др.);

3) законодательство субъектов Российской Федерации, в котором предприняты попытки по выработке собственной правовой трактовки антикоррупционного мониторинга (Республика Татарстан, Псковская область, Нижегородская область и др.).

В частности, в законодательстве Республики Татарстан рассматриваемый мониторинг представлен в широком значении, поскольку является не только деятельностью по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции, но призван также учитывать и раскрывать условия, которые способствуют коррупционным действиям, оценивать характер и эффективность мер по противодействию им[1]. При всём при этом он отнесён ко всему региональному уровню реализации антикоррупционной политики.

Вместе с тем в законодательстве Республики Татарстан особо подчёркивается, что любые мониторинговые мероприятия возможны через специальный орган исполнительный власти, который может определяться исключительно Главой (Раисом) Татарстана (п. 2 ст. 11 анализируемого Закона). Аналогичным образом сформулировано требование о разработке порядка реализации республиканского антикоррупционного мониторинга. При этом в других нормативных положениях не содержится условий о привлечении экспертов и экспертных организаций.

Примечательной особенностью законодательства Республики Татарстан следует признать отсутствие специального подзаконного нормативного акта,

---

[1] П. 1 ст. 11 Закона Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ "О противодействии коррупции в Республике Татарстан".

регламентирующего указанный порядок осуществления мер антикоррупционного мониторинга. К настоящему времени действуют два практически идентичных друг другу нормативных акта, принятых в 2011 г. Президентом Татарстана[1] и Кабинетом Министров[2], которые при этом посвящены общему мониторингу эффективности работы органов исполнительной власти (республиканского и федерального уровней в территориальном сегменте) и местного самоуправления. Внутри данного мониторинга заложены отдельные антикоррупционные исследования, однако без детализации тех параметров, которые перечислены в ст. 11 Закона Республики Татарстан N 34-ЗРТ.

Значительную конкретизацию мер, образующих институт антикоррупционного мониторинга в Республике Татарстан, можно обнаружить в муниципально-правовых актах[3]. В них закреплено привлечение экспертных групп

---

[1] Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 N УП-148 (ред. от 26.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2011, N 3, ст. 284; Собрание законодательства Республики Татарстан", 27.04.2021, N 32, ст. 0794.

[2] Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 N 463 (ред. от 04.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 06.07.2011, N 25, ст. 1081; Собрание законодательства Республики Татарстан, 14.07.2023, N 52, ст. 1551.

[3] См., например: Постановление Главы муниципального образования "Новошешминский муниципальный район" от 30.12.2013 N 53 "О проведении антикоррупционного мониторинга мероприятий по противодействию коррупции в органах местного самоуправления Новошешминского муниципального района" // Шешминская новь, N 6, 29.01.2014; Постановление Главы муниципального образования "Бавлинский муниципальный район" от 25.06.2013 N 110 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на

для проведения различных оценок реализации законодательства по противодействию коррупции и определению общего состояния управленческой практики с учётом влияния коррупциогенных факторов.

Собственно, акцентирование внимания на муниципальный уровень расценивается рядом исследователей как положительный опыт формирования мониторинговых мер в сферах, подверженных высокому коррупционному риску[1]. Такой подход, в целом, не противоречит обозначенным законодательным нормам. Вместе с тем их прямая реализация предполагает существование специализированного республиканского органа исполнительной власти, который в том числе должен привлекать экспертов не только для оценки эффективности антикоррупционного мониторинга, но и для формирования его общих и специальных мер.

Примечательно, например, законодательство Псковской области, в котором антикоррупционный мониторинг сведён к исследованию и анализу определённых информационных данных со стороны органов власти[2]. Тем самым состав субъектов регионального антикоррупционного мониторинга в правовом плане ограничивается государственными и муниципальными инстанциями.

Аналогичный подход по сдерживанию активности участников антикоррупционного мониторинга прослеживается в большинстве субъектов Российской Федерации, хотя в федеральном законодательстве отсутствует такой

территории Бавлинского муниципального района Республики Татарстан" // Слава труду, N 63, 21.08.2013; Решение Бугульминского горсовета от 21.02.2013 N 5 "О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга на территории муниципального образования город Бугульма Бугульминского муниципального района".

[1] См.: Гафарова В.А. Опыт применения программно-целевого метода борьбы с коррупцией в Республике Татарстан // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). С. 217; Ахунов Д.Р. Пробелы противодействия коррупции, обусловленные современными условиями урбанизации (на примере Республики Татарстан) // В сборнике: Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции. Материалы Всероссийского круглого стола. 2019. С. 85.

[2] П. 5 ч. 1 ст. 1 Закона Псковской области от 17.07.2008 N 784-оз (ред. от 13.06.2024) "О противодействии коррупции в органах государственной власти Псковской области и органах местного самоуправления" // Псковская правда. - N 188-189. - 24.07.2008; N 24, 21.06.2024.

принцип. Напротив, по действующим федеральным правовым нормам противодействием коррупции могут заниматься все граждане и организации без оговорки на приобретение ими специального правового статуса (п. 2 ст. 1 и п. 7 ст. 3 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»)[1].

Если обратиться к законодательству Нижегородской области, то в нём прослеживается формирование собственной институциональной структуры осуществления антикоррупционного мониторинга. Она представлена в форме специального правительственного Порядка, который регулирует региональный мониторинговый процесс[2].

Так, исследователи подчёркивают, что мониторинг является непрерывным процессом, выражающимся в осуществлении наблюдения, в проведении анализа, в построении прогноза и в оценке сведений о коррупции[3]. Однако в подзаконных актах Нижегородской области обозначен лишь временный (а не постоянный) механизм реализации антикоррупционного мониторинга. В частности, не реже 1 раза за 1 календарный год.

В связи с этим понятие антикоррупционного мониторинга нуждается в корректировке на законодательном уровне. Помимо потребности в установлении данной дефиниции в федеральном законодательстве, прослеживается тенденция к расширению её содержания. Так, мониторинг следует раскрыть в качестве системного сочетания комплексных и специальных мер, направленных на формирование сведений о реальном состоянии коррупции на определённой

---

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - N 52 (ч. 1). - ст. 6228; 2024, N 33 (Часть I), ст. 4928.

[2] Постановление Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 N 685 (ред. от 28.10.2022) "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области" // Правовая среда. - N 100(1086). - 08.10.2009: Нижегородские новости. - N 74(6431), 09.12.2022.

[3] См.: Фещенко П.Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 68; Малышева Т.В. Антикоррупционный мониторинг в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2012. № 2. С. 33.

территории, о качестве применения инструментов по противодействию коррупции в отдельных сферах общественных отношений и об эффективности действующего законодательства.

Обращаясь к законодательству зарубежных стран в области антикоррупционного мониторинга, необходимо выделить его правовые модели, которые сложились в мировой практике. Учёные используют в этом направлении организационный критерий, в силу которого мониторинг может осуществляться двумя группами органов[1]:

1) государственными и муниципальными органами и должностными лицами с общей антикоррупционной компетенцией, которые уполномочены противодействовать коррупции в рамках вопросов публичного управления (США, Швейцария, Дания и др.);
2) специализированными государственными и муниципальными органами, которые занимаются исключительно противодействием коррупции в управленческой практике и в частном секторе (Сингапур, Польша, Украина и др.).

Вместе с тем указанная градация организационного механизма антикоррупционного мониторинга в зарубежных странах претерпела трансформацию за последние годы, что значительно изменило его теоретическое осмысление. В частности, помимо органов власти, в антикоррупционном мониторинге отдельных государств задействованы общественные организации и индивидуальные лица, наделённые определённым объёмом правомочий[2].

---

[1] См.: Артемьев А.Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Москва, 2014. – С. 127. 443 с.

[2] См.: Степанов А.О. Зарубежный опыт противодействия коррупции в интересах сокращения теневой экономики и обеспечения экономической безопасности страны // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 24. С. 193-196; Гуляева Е.А. Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 127-132; Тимошенко В.В. Системы антикоррупционных мер и механизмы противодействия коррупции в России и в зарубежных странах // Вестник Юридического института МИИТ. 2020. № 4 (32). С. 79-90.

Некоторые авторы относят к данной категории также частные организации, поскольку в национальном законодательстве закреплены требования к реализации ими внутреннего антикоррупционного аудита и мониторинга[1].

Тем самым в ряде национальных правовых систем сложился принцип, в силу которого формальное соблюдение требований не является достаточным в предупреждении коррупции. Определяющее значение приобрела выработка внутреннего организационного механизма, построенного на законодательно закреплённых условиях, но адаптированного под специфику отрасли управления и сегмента экономики.

Собственно, разделение зарубежных правовых систем в плоскости антикоррупционного мониторинга завязано на выделении специализированных организационных механизмов. Исследователи проводят их градацию в традиционном ключе, ссылаясь на мировые антикоррупционные рейтинги[2] (например, индекс восприятия коррупции по измерениям Transparency International, российское отделение которого в 2015 г. признано Министерством юстиции РФ «иностранным агентом»).

Базируясь на сложившемся методологическом подходе, выделим три категории зарубежных правовых систем в области антикоррупционного мониторинга:

1) законодательство государств с широким диапазоном применения антикоррупционного мониторинга (Скандинавские страны, Швейцария, Сингапур, Канада и др.);
2) законодательство государств с узким диапазоном антикоррупционного мониторинга (США, Великобритания, ФРГ, Япония и др.);

---

[1] Кузнецова О.А. Противодействие коррупции в зарубежных странах: культурно-правовые аспекты. - Москва: РУДН, 2021. С. 46. 184 с.

[2] См.: Кобец П.Н., Ильин И.В. Анализ законодательных основ противодействия коррупции в ведущих зарубежных странах в начале двадцатый годов XXI столетия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 116-124; Рябцева Е.В. Практика предупреждения коррупции в органах государственной власти в зарубежных странах // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 16-30.

3) законодательство государств с формирующимся институтом антикоррупционного мониторинга (Индия, Польша, Бразилия, Российская Федерация и др.).

В первой группе государств национальный антикоррупционный мониторинг построен на активном внедрении международных стандартов и выработке собственных механизмов его осуществления, которые по мере развития предлагаются для адаптации в качестве универсального инструмента противодействия коррупции. Между тем каждая из данных национальных правовых систем имеет определённые особенности, которые необходимо проанализировать.

Например, в Сингапуре сформирован единый государственный орган, который специализируется на проведении антикоррупционного мониторинга, но преимущественно в правоохранительной плоскости. Бюро по расследованию случаев коррупции, несмотря на специфику предмета деятельности, реализует мониторинговые меры на постоянной основе. Оно проводит общие и специальные проверки в отношении отдельных должностных лиц, чьи полномочия в правовом плане признаны наиболее подверженными коррупционным рискам.

Сингапурское Бюро наделено правом отслеживать операции по банковским счетам, проводить допросы не только публичных служащих, но и частных лиц, замеченных в теневой экономической активности. Одновременно с контрольными полномочиями ему предоставлены уголовно-процессуальные функции: задержание и обыск, назначение различных экспертиз и т.д.[1] При этом, в отличие от европейских правовых систем, сингапурское Бюро не ограничено судебным контролем, т.е. вправе применять любые уголовно-процессуальные и административные меры без разрешения суда. Тем самым, как это провозглашено

[1] Цит. по: Астафьева Е.М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1 (702). С. 52-59.

в законодательстве Сингапура, обеспечивается полная независимость и самостоятельность специального института по противодействию коррупции[1].

В аспекте сингапурского опыта правового регулирования борьбы с коррупцией следует отметить такую особенность, как жёсткое реагирование государства на любые коррупционные проявления. Безграничные полномочия правоохранительных органов позволяют Сингапуру оперативно и эффективно выявить коррупционные нарушения в ущерб базовым правам человека, что отмечается отдельными специалистами[2]. В качестве проявления такого подхода можно привести юридическую обязанность должностных лиц в Сингапуре самостоятельно доказывать не только происхождение имущества, но и наличие (отсутствие) долговых обязательств.

Кроме того, эффективная сингапурская система антикоррупционного мониторинга построена на широкомасштабной информатизации всех государственных и муниципальных услуг, которая свела к минимуму непосредственное общение граждан и представителей организаций с публичными служащими. Помимо централизованного Бюро по противодействию коррупции, доступ к таким серверам, содержащим массив сведений, имеют другие органы власти, которые организационно друг другу не подчиняются. Тем самым достигается главная задача любого мониторингового процесса – борьба с высокой латентностью коррупции.

Внешне схожий механизм формируется в Польше. С 2006 г. существует Центральное бюро по противодействию коррупции, чья деятельность нередко подвергается критике со стороны общеевропейских регуляторов (например, в

---

[1] Act to provide for the more effectual prevention of corruption (Prevention of Corruption Act) [электронный ресурс] // Cap 241, 1993 Rev Ed. The closest version currently available is that of 01/03/2012. URL: http:// www.oecd.org/ (дата обращения 10.10.2024).

[2] Ефимов Г.В. Политический процесс в Республике Сингапур в период перехода от авторитаризма к демократии: общее и особенное. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Владивосток, 2010. С. 87.

отчётах ЕС[1]). Прежде всего, в отличие от сингапурского варианта, польский механизм антикоррупционного мониторинга ограничивается публичными финансами. Объектами проверок могут быть расходы официальных органов власти, включая муниципалитеты. Подотчётность Бюро одновременно польскому парламенту и отдельно премьер-министру исключает его независимость[2]. В то же время глава данного органа имеет «иммунитет» от уголовного преследования.

В современной Литве действует аналогичная структура, получившая наименование «Служба специальных расследований». Она специализируется на коррупционных правонарушениях с 1997 г. При этом антикоррупционный мониторинг выступает задачей всех государственных органов, занимающихся прогнозом коррупционных рисков в своих направлениях деятельности. Фактически литовская система мониторинга имеет ярко выраженные правоохранительные черты, в силу которых значение приобретает не предупреждение коррупции, а её пресечение, т.е. реализация уголовно-процессуальных мер.

Прямо противоположным примером выступает законодательство Швейцарии. Согласно общему международно-правовому требованию, в этой стране каждый орган публичного управления задействован в антикоррупционном мониторинге. Во многом он затрагивает две ключевые области: публичная служба и отдельные экономические отрасли, сопряжённые с повышенным коррупционным риском.

На фоне сингапурского опыта в Швейцарии нет единого органа, специализирующегося на расследовании коррупционных проявлений. Он заменён разветвлённой системой органов и организаций, включая правоохранительные

---

[1] Visit of the representatives of the Senate of the Czech Republic in the CBA [Электронный ресурс] https://cba.gov.pl/en/news/452,Visit-of-the-representatives-of-the-Senate-of-the-Czech-Republic-in-the-CBA.html (доступ – свободный), (дата обращения – 26.09.2021).

[2] Central Anti-Corruption Bureau [Электронный ресурс] https://cba.gov.pl/en/about-the-cba/what-we-do/5,What-we-do.html (доступ – свободный), (дата обращения – 26.09.2021).

структуры, с неизменным общественным контролем над их деятельностью[1]. Такой подход в значительной степени обеспечивает открытость и независимость антикоррупционного мониторинга.

Конкретизируя швейцарскую особенность, можно обратиться к статусу федеральной полиции, которая организационно не подчинена Управлению юстиции. При этом данные органы являются подразделениями единого Федерального департамента. Аналогичным образом действует прокуратура, которая отнесена к системе юстиции, но не подчиняется Федеральному департаменту юстиции и полиции. Отдельно от них функционирует ещё один Федеральный департамент внутренних дел[2]. Все указанные органы наделены полномочиями по реализации антикоррупционного мониторинга и могут действовать параллельно друг другу, иногда дублируя проверки.

Так, прокуратура Швейцарии вправе осуществлять выборочный мониторинг коррупционных проявлений, при этом не обязана раскрывать источники получения информации. Лишь при возбуждении уголовных дел следственные органы собирают доказательства в соответствии с общеевропейскими уголовно-процессуальными стандартами, а поддерживающая государственное обвинение прокуратура ссылается на проверенные сведения.

Таким же правом наделены суды кантонов Швейцарии. В рамках судебного антикоррупционного мониторинга они вправе истребовать сведения у всех государственных органов и организаций касательно использования бюджетных средств. Вместе с тем к частным финансам столько широкие судебные полномочия в Швейцарии не применяются. Ими могут заниматься только Государственный секретариат по экономике и Федеральное управление по

---

[1] Цит. по: Аракелян А.А. Опыт борьбы с коррупцией в Швейцарии // Синергия Наук. 2019. № 32. С. 910-914.

[2] Цит. по: Сакаева Р.Р. Опыт борьбы с коррупцией на государственной службе в Швейцарии // В сборнике: Правовое регулирование и организация деятельности органов и учреждений ФСИН России по противодействию коррупции: опыт, современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов научно-практического семинара. Под общей редакцией С.В. Косоноговой, Н.А. Мельниковой. 2016. С. 35-39.

экономическому снабжению[1]. Допустим вариант совместного контроля суда и названных органов исполнительной власти.

В швейцарском законодательстве прослеживается запрет на обширное подзаконное нормотворчество. В силу этого у органов исполнительной власти и у территориальных органов управления нет достаточных полномочий, чтобы вмешиваться в дела друг друга и в деятельность правоохранительных институтов. Тем самым сведено к минимуму административное усмотрение, которое оперативно устраняется со стороны независимых органов и должностных лиц, а также при участии активной части общественности, т.е. институтов гражданского общества, имеющих по законодательству схожие полномочия в области антикоррупционного мониторинга.

Вместе с тем швейцарское право не безупречно в развитии независимого антикоррупционного мониторинга. Консервативное разграничение финансов на публичные и частные не позволяет национальным органам полноценно предупреждать коррупционные действия. Во многом этот дефект продиктован незыблемостью сохранения банковской тайны, на которой построена известная во всём мире швейцарская финансовая система. В практическом плане крайне сложно раскрыть сведения об операциях по банковским счетам и вкладам, если нет весомых оснований в виде уголовного дела и санкции суда. Последний, как правило, отказывает в соответствующих запросах национальных правоохранительных органов.

В группе Скандинавских государств (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия), традиционно возглавляющих мировые рейтинги по противодействию коррупции, сложилась схожая распределённая система органов, занимающихся антикоррупционным мониторингом. При этом, в отличие от швейцарского законодательства, в данных странах ключевые документы,

---

[1] Private security companies: A status report [Электронный ресурс] https://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home/aktuell/news/2005/2005-12-050.html (доступ - свободный), (дата обращения – 23.09.2021).

необходимые для осуществления публичных закупок, выставляются в открытый доступ на специальных сайтах. Тем самым любой желающий вправе ознакомиться и проанализировать подобные сведения с последующей возможностью подать жалобу или петицию на сомнительные финансовые операции, которые ведут распорядители бюджета[1].

Однако проверка получателей бюджетных средств может проходить в Швеции и Дании лишь при участии судебных органов, которые в случае отказа частных организаций предоставить определённые сведения обязывают последних раскрыть необходимый объём информации.

Спецификой скандинавского механизма антикоррупционного мониторинга выступает раскрытие публичных реестров и кадастров, содержащих сведения о самых разнообразных имущественных объектах, включая бизнес-активы. Доступ к ним имеют не только специализированные должностные лица, а также рядовые граждане. Помимо этого, в Швеции и Финляндии сложилась широкая сеть общественных организаций, профессионально занимающихся анализом информации, поступающей в подобные реестры и кадастры.

Например, в Дании реестр тех компаний, которые замечены в коррупционных нарушениях, ведётся неправительственными организациями (Агентство по кредитованию экспортных операций, агентство DANIDA)[2]. В силу такого подхода данные общественные структуры нередко выступают источником дополнительной информации, которую запрашивают правоохранительные органы при расследовании случаев коррупции.

Если обратиться к североамериканскому опыту организации антикоррупционного мониторинга, то в США и Канаде прослеживается схожий

---

[1] Developing trends in combating corruption, money laundering and recovering criminal assets in Europe [Электронный ресурс] https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/developing-trends-in-combating-corruption-money-laundering-and-recovering-criminal-assets-in-europe/id2458503/ (доступ – свободный), (дата обращения – 23.09.2021).

[2] Цит. по: Дроздова Е.А., Лосева С.Н. Что можно имплементировать в законодательство Российской Федерации? Положительный опыт противодействия коррупции в Королевстве Дания // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 116-118.

механизм с уклоном в правоохранительную плоскость. Так, в США сложилась система органов исполнительной власти, наделённых широкими правоохранительными полномочиями. Для их реализации они наделены правом проведения независимых антикоррупционных проверок. При этом, в отличие от европейских правовых систем, в законодательстве США в области противодействия коррупции акцент сделан на финансовом и налоговом контроле.

Американская налоговая система на современном этапе позволяет оперативно выявлять теневые финансовые операции не только по безналичным расчётам (через банковские организации), но и наличными средствами в крупном объёме. Скрыть коррупционный доход от публичного контроля в США выступает сложной задачей, поскольку любой участник финансовой системы вправе запросить сведения о происхождении денежных купюр, их обороте в банках. Кроме того, кассовое обслуживание рядовых граждан сопряжено с повышенным интересом фискальных органов и организаций.

Налоговое и уголовное законодательство США требует от каждого налогоплательщика доказывать происхождение доходов и имущества. Если административные или правоохранительные органы выдвигают обоснованные подозрения в легальности полученных ценностей, у потенциального нарушителя имеется весьма короткий срок для предъявления доказательств (от 3 до 10 дней). При этом законодательство отдельных штатов может содержать дополнительные ограничения к подобным действиям[1].

Таким образом, невозможность оперативного подтверждения законности происхождения доходов и расходов является основанием для уголовной ответственности за налоговое мошенничество, причём даже для юридических лиц. В случае коррупционного характера полученных средств и имущества

[1] Цит. по: Осина Д.М. Риск-ориентированный подход и его особенности при проведении налогового контроля в США // Налоговед. 2019. № 3. С. 78-89.

проводится специальная финансовая проверка в уголовно-процессуальном порядке, что сближает правовые системы США и Сингапура.

Отличием американского законодательства в области антикоррупционного мониторинга от скандинавского служат ограниченные возможности общественных организаций и частных лиц по проведению схожих проверок. Фактически заниматься контролем могут все граждане, но его результаты приобретают юридическое значение лишь при участии уполномоченных государственных органов. Кроме того, нарушение порядка осуществления мониторинга чревато правовыми последствиями, вплоть до юридической ответственности за препятствование деятельности государственных и муниципальных служб, а также при вмешательстве в частные дела компаний.

Аналогичное законодательство сложилось в Канаде и в Великобритании. Именно на органы юстиции возложена функция координации действий субъектов антикоррупционного мониторинга и допуска к этим процессам частных лиц. Вместе с тем в названных странах общественные организации, аккредитованные в области противодействия коррупции, наделены смежными правомочиями по проведению различных проверок, получению доступа к финансовой документации, к сведениям о публичных служащих.

По законодательству ФРГ институты антикоррупционного мониторинга обязаны взаимодействовать друг с другом. Например, немецкая налоговая полиция должна предоставлять сведения для криминальной полиции[1]. Действует система плановых проверок должностных лиц каждые два года, при этом не имеет значения коррупционный риск. Любой публичный служащий подвержен постоянным мониторинговым мерам общего характера и в определённый момент времени обязан пройти специальную антикоррупционную проверку. Последняя,

[1] Вольфганг Дик, Андрей Гурков. Коррупция в Германии: успехи в борьбе с неистребимым злом [Электронный ресурс] https://p.dw.com/p/1ASeH (доступ - свободный), (дата обращения – 25.09.2021).

как правило, имеет перекрёстный характер, когда несколько органов проводят параллельный независимый анализ имущественного состояния чиновника.

В англо-американской правовой системе антикоррупционного мониторинга, равно как и в германской, прослеживается тенденция к сохранению у целого ряда должностных лиц «иммунитета» к проверочным мероприятиям. Считается, что специальный анализ имущественного состояния публичных служащих граничит с уголовно-процессуальными действиями, от которых ограждена целая категория субъектов государственного управления.

Указанный недостаток всецело решён в Японии за тем лишь исключением, что государство продолжает оказывать определяющее влияние на экономический оборот. Это проявляется, в частности, в широком спектре сфер деятельности, требующих оформления лицензий. В силу такого подхода частные компании демонстрируют слабые темпы внедрения собственного внутреннего мониторинга, что нередко сказывается на формировании коррупционных схем по легализации полученных доходов. В Японии стало традицией трудоустройство бывших государственных служащих или занятие ими бизнесом в сферах, которые ранее входили в предмет их управленческой деятельности.

Как и в США, по японскому законодательству общественный мониторинг бюджетных средств имеет ограниченный характер. Например, с 2001 г. не требуется раскрывать отчётность о финансировании Полицейского агентства и отдельных структур при Министерстве обороны.

Таким образом, правовые основы организации антикоррупционного мониторинга в различных странах предопределили устоявшиеся механизмы его реализации на фоне формирующихся в отдельных государствах национальных систем противодействия коррупции. Разграничение сфер публичного управления и ограждение интересов отдельных субъектов являются критериями обеспечения независимости мониторинговых мер. Поиск оптимальных моделей осуществления антикоррупционных проверок, анализ коррупции и прогноз её развития –

ключевые задачи любого государства, принимающего соответствующее законодательство.

Отсутствие дефиниции антикоррупционного мониторинга в федеральном законодательстве обосновывается разграничением предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации по вопросам формирования и осуществления антикоррупционной политики. В соответствии с существующим механизмом правового регулирования противодействия коррупции именно субъекты Российской Федерации призваны детализировать мониторинговые меры с учётом федеральных установок. Тем самым в законодательстве всех субъектов федерации сегодня присутствует рассматриваемая категория.

Вместе с тем в зарубежных странах заметен переход от мероприятий общего характера к специальным действиям, позволяющим предупредить и выявить коррупционные факты, осложнённые спецификой определённых общественных отношений. Такой подход позволяет достичь необходимого баланса интересов (административных, политических, экономических, социальных) посредством постепенного внедрения прозрачных процедур и их результатов. Доступ к собранным сведениям большой группы людей – рядовых или специализированных – признан международно-правовым принципом, который должен развиваться в российском законодательстве.

В связи с этим понятие антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации нуждается в корректировке на законодательном уровне. Помимо потребности в установлении данной дефиниции в федеральном законодательстве, прослеживается тенденцию к расширению её содержания. Так, мониторинг следует раскрыть в качестве системного сочетания комплексных и специальных мер, направленных на формирование сведений о реальном состоянии коррупции на определённой территории, о качестве применения инструментов по противодействию коррупции в отдельных сферах общественных отношений и об эффективности действующего законодательства.

§3. Антикоррупционный мониторинг в международной практике

Противодействие коррупции является не только внутригосударственной задачей, регламентированной нормами национального законодательства, но и объектом международно-правового регулирования. Интеграция стран в мировую финансовую систему предопределила потребность в координации и в сотрудничестве властей по выработке универсальных антикоррупционных механизмов, включая стандарты мониторинга.

В настоящее время система международных соглашений в этой области представлена различными нормативными документами, ратифицированными во многих государствах.

Так, основополагающее международно-правовое значение имеет Конвенция ООН против коррупции 2003 г.[1], которая напрямую не закрепила термин «антикоррупционный мониторинг», но в целом ряде положений указывает на необходимость его формирования в государствах-участниках конвенционных обязательств.

В частности, в п. 1 ст. 5 говорится о принципах государственного регулирования деятельности по противодействию коррупции, в которой акцент должен делаться на предупреждении подобных правонарушений. Одним из главных условий достижения данной задачи конвенционально объявлена самостоятельность тех органов и должностных лиц, которые обладают антикоррупционными полномочиями (п. 2 ст. 6).

Требование прозрачности представлено в этой Конвенции как основополагающая норма, определяющая весь механизм превентивного воздействия на коррупцию (п. 4 ст. 7). Различные правовые меры в данном

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ, 26.06.2006. N 26. ст. 2780.

направлении должны сопровождать не только процедуры избрания и назначения на публичные должности, но и весь процесс использования публичных финансов. Во многом такой принцип обеспечивается надлежащим информационным сопровождением антикоррупционной деятельности (ст. 10), а его результаты должны быть адресованы, прежде всего, населению.

Непосредственно мониторингу посвящены те положения Конвенции ООН против коррупции, которые устанавливают поэтапные задачи в достижении целей скоординированной антикоррупционной политики каждого государства.

Так, в ст. 9 относительно соблюдения норм антикоррупционного законодательства закреплено требование о достаточном внутреннем контроле, построенном на системном принципе. Управление публичными финансами строится исключительно на обеспечении контролирующих институтов своевременной отчётностью, в том числе сформированной на базе внутренних контрольных мероприятий (пп. d п. 2 ст. 9). Частным организациям адресованы схожие требования о внутреннем аудиторском контроле и сертификации, которые ориентированы на предупреждение коррупционных фактов (ст. 12).

Особый сектор антикоррупционного мониторинга по рассматриваемой Конвенции ООН представляют финансовые учреждения. В отношении них национальное законодательство должно содержать необходимые меры контроля, в том числе за движением капиталов и средств, принадлежащих публичным должностным лицам или связанных с ними (ст. 52). Собственно, государству принадлежит функция по приостановлению финансовых операций, если действия подконтрольных субъектов вызывают обоснованные подозрения (п. f ст. 2) с возможностью обращения за правовой помощью ко всем государствам-участникам данной Конвенции, что вынуждает их раскрывать определённый объём информации.

Исследователи неоднозначно оценивают указанные конвенционные нормы применительно к Российской Федерации на фоне ряда оговорок,

сопровождающих ратификацию данного международного договора[1]. Тем не менее в правовом плане принципы, сформулированные в Конвенции ООН против коррупции, должны быть в полной мере представлены в национальном законодательстве, что, в свою очередь, предопределило формирование российского механизма антикоррупционного мониторинга[2].

Вместе с тем на базе ООН также действуют другие международно-правовые обязательства по осуществлению мониторинга коррупции. Так, в положениях Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности[3] прослеживается правоохранительный характер данной меры. В ст. 2 подчёркивается возможность государства устанавливать контроль над использованием имущества, включая финансовые средства, имеющие сомнительное происхождение, т.е. принадлежащие лицам, заподозренным в организованной преступной деятельности, в том числе коррупционной направленности.

В качестве главенствующей меры, закреплённой в ст. 7 Палермской Конвенции, обозначен контроль над перемещением средств и имущества через государственные границы. Тем самым в законодательстве может быть закреплено обязательство любых лиц сообщать уполномоченным национальным органам о факте совершения трансграничных финансовых операций, осуществляемых в крупных размерах.

---

[1] См.: Орлова С.В. Некоторые проблемы имплементации статьи 35 Международной Конвенции ООН против коррупции в российское законодательство // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 84-87; Логвин Р.Б., Коновалова Е.А. О некоторых проблемах ратификации положений статьи 20 Конвенции ООН против коррупции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 33. С. 69-74; Канкулов А.Х., Керефов И.Р. Споры о ратификации Российской Федерацией ст. 20 Конвенции против коррупции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 46-48.

[2] См.: Суханов В.А. 10 лет Конвенции ООН против коррупции: успехи и вызовы // Власть. 2013. № 10. С. 182; Кунев Д.А. О правовой природе возврата преступных активов в интерпретации Конвенции ООН против коррупции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 277.

[3] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров, N 2, 2005, с. 3 – 33.

В остальных конвенционных положениях ООН, посвящённых противодействию коррупции, продублированы известные международно-правовые принципы. Основными из них выступают:

- необходимость криминализации данной группы правонарушений;

- принятие эффективных мер по их выявлению, а также по пресечению и предупреждению коррупционных фактов.

Следствием такого механизма международно-правового регулирования стало фрагментарное наполнение антикоррупционного мониторинга, поскольку большинство норм носят правоохранительный характер, т.е. направлены на унификацию и гармонизацию национального права в части криминализации коррупционных действий и их предупреждения, а не формирования и использования сведений о реальном состоянии коррупции[1].

Если воспринимать антикоррупционный мониторинг в системном виде, как это предлагает П.А. Кабанов, то значение приобретают сами меры (организационные, социальные, экономические, информационные, технические и др.), которые позволяют уполномоченным субъектам влиять на повышение эффективности деятельности по противодействию коррупции[2]. В таком виде в международных договорах можно выявить лишь отдельные положения, затрагивающие антикоррупционный мониторинг.

В частности, в ст. 1 Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности подчёркивается, что сотрудничество государств направлено именно на эффективное предупреждение преступлений. Такая цель предполагает обращение к антикоррупционному мониторингу, позволяющему в целостном виде оценить имеющиеся способы

---

[1] См.: Клим А.М. Криминологическое значение антикоррупционного мониторинга // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2015. С. 137-139.

[2] Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 27.

противодействия коррупции, результаты их применения, а также сопоставить предпринятые усилия с уровнем коррупции на определённой территории (страны, региона, муниципалитета). В п. b ч. 1 ст. 7 отмечается устремление стран-участниц данной Конвенции к обмену информацией, но лишь на тех условиях, которые определяются национальным законодательством.

Схожая норма сформулирована в п. b ч. 1 ст. 14 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Однако мониторинговый характер имеют положения ст. 48 в части обмена информацией о состоянии коррупционной преступности, о методах и средствах совершения соответствующих видов преступлений, а также об административных мерах, направленных на заблаговременное выявление коррупционных нарушений.

Кроме того, такие административные меры по требованию, изложенному в п. f ч. 1 ст. 48 Конвенции ООН против коррупции 2003 г., должны координироваться между национальными властями для достижения конвенционных целей. В качестве одной из форм подобной координации Конвенция 2003 г. предлагает заключение двухсторонних и многосторонних соглашений, а также достижение договорённостей как на межгосударственном уровне, так и между профильными правоохранительными органами.

Например, у Генеральной прокуратуры Российской Федерации имеются подобные соглашения с прокурорскими органами стран, ратифицировавших Конвенцию ООН против коррупции 2003 г.: Аргентинская Республика, Королевство Бельгия, Республика Болгария, Федеративная Республика Бразилия, Венгерская Республика, Федеративная Республика Германия и мн. др. Меморандумами, как формой межгосударственной договорённости, оформлено сотрудничество с такими странами, как Греческая Республика, Королевство Дания, Израиль, Королевство Испания, Республика Кипр, Республика Польша и рядом других. В частности, в указанных двухсторонних соглашениях и договорённостях очерчиваются условия взаимного обмена информацией об

организованной и коррупционной преступности, включая исследование национального опыта борьбы с ними.

Специальные положения Конвенции ООН против коррупции 2003 г., непосредственным образом затрагивающие сотрудничество в области антикоррупционного мониторинга, содержатся в ст. 61, посвящённой сбору, анализу и обмену информацией о коррупции. Государства-участники обязуются рассматривать возможности о проведении совместных мероприятий, направленных на исследование тенденций, наблюдаемых в национальном и транснациональном измерении, а также условий, способствующих или иным образом влияющих на совершение коррупционных преступлений.

Аналогичным образом ст. 61 устанавливает декларативные обязательства государств-участников Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в части использования методов, стандартов и определений, являющихся общими в деятельности по противодействию коррупции. Для этого конвенционная норма предусматривает обязанность национальных властей по «расширению статистических данных». Указанная формулировка может означать более широкое толкование объёма сведений, необходимых для сотрудничества, на фоне длительного процесса по заключению и ратификации новых или изменённых межгосударственных соглашений. Точнее было бы охарактеризовать подобную декларативную норму в качестве условия потенциально возможного расширения объёма информации без необходимости обращения к дополнительным формальным договорённостям.

Такое же условие действует в отношении аналитических знаний и информации о коррупции, включая оптимальные виды практики антикоррупционной работы. Альтернативной формой обмена подобным опытом ст. 61 называет международные и региональные организации.

Исследователи по-разному оценивают формулировки, использованные в ст. 61 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Так, одни авторы полагают, что обмен сведениями призван унифицировать антикоррупционный мониторинг в

международно-правовом измерении, однако к настоящему времени этот процесс только формируется[1]. Другие учёные отмечают, что антикоррупционный мониторинг является обязательством государств-участников Конвенции ООН против коррупции 2003 г., но регламентируется посредством национального законодательства[2]. Отчасти последний тезис гармонирует с конвенционными нормами ст. 61, поскольку в ней говорится лишь о возможности расширения статистических данных и не уточняется, что именно требуется увеличить в плане предоставления информации. Предполагается, что данный вопрос решается между государствами-участниками конвенционных обязательств в двухстороннем порядке.

Аналогичный подход прослеживается в части методов и средств измерения коррупции, а также опыта их применения каждым государством-участником Конвенции ООН против коррупции 2003 г. В силу того обстоятельства, что в данном международном договоре отсутствует конкретизация таких инструментов формирования сведений, можно предположить приоритет национально-правового режима основы антикоррупционного мониторинга – измерение реального состояния коррупции. Вместе с тем последующее использование собранных и проанализированных сведений затрагивается конвенционными положениями, а именно – обязательства по информационному обмену и совместному изучению возможностей применения эффективного опыта противодействия коррупции.

---

[1] См.: Никоноров Е.А., Никонорова Ю.В. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции как источник нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 99-101; Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции в правовой системе Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 4 (70). С. 129-137.

[2] См.: Поляков М.М. Применение основных положений Конвенции ООН против коррупции в органах государственного управления Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. С. 107-116; Губанова Е.В. Пути адаптации национального уголовного закона нормам Конвенции ООН против коррупции // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2010. Т. 23. № 2-4. С. 203-204.

Коррупция выступает объектом противодействия не только в универсальных международных договорах, но и в межгосударственных соглашениях регионального характера.

Российская Федерация в 2022 г. вышла из состава Совета Европы, однако на базе данной международной организации действует специальная Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.[1], которая, тем не менее, перестала быть обязательной в нашей стране. Анализ её норм также свидетельствует о фрагментарном упоминании инструментов антикоррупционного мониторинга в части информационного обмена между государствами-участниками. При этом специальных положений, посвящённых данной деятельности по сбору и анализу сведений о состоянии коррупции, об эффективности применения мер по противодействию ей, а также об исследовании причин, влияющих на антикоррупционную работу, в данной Конвенции не содержится.

На фоне конвенционных положений, действующих в рамках Совета Европы, модельный закон СНГ «О борьбе с коррупцией»[2] был подвержен редакции в 2008 г.[3], в результате которой в его нормах появилась дефиниция «антикоррупционный мониторинг» в известном широком понимании. Она включает в себя не только анализ и оценку сведений о коррупционных нарушениях, а также прогнозирование развития коррупции, но и работу с коррупциогенными факторами, включая исполнительный компонент национальных антикоррупционных стратегий, программ и планов.

---

[1] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Бюллетень международных договоров. - N 9. – 2009. - с. 15 – 29.

[2] Модельный закон о борьбе с коррупцией (принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. N 21. С. 70 - 84.

[3] Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 25 ноября 2008 № 31-20 «О новой редакции модельного закона "О противодействии коррупции"» // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2009. - N 43.

Организация антикоррупционного мониторинга провозглашена в ст. 6 модельного закона СНГ «О борьбе с коррупцией» в качестве полномочия государства. При этом в ст. 7 в составе целей и задач межгосударственного сотрудничества обозначены:

- анализ состояния коррупционной преступности;

- обмен информацией о мерах противодействия коррупции и повышение эффективности такой формы взаимодействия.

Ст. 13 данного модельного закона СНГ предоставляет на усмотрение государств создавать специальный национальный орган по противодействию коррупции, в функции которого, в том числе, входит проведение анализа эффективности соответствующих мер с целью сформировать предложения для совершенствования законодательной базы и подзаконных актов в области антикоррупционной политики. Также полномочием этого органа может быть разработка антикоррупционных стандартов, которые призваны воспрепятствовать явлениям, способствующим коррупции, т.е. регламентационная работа с коррупционными факторами.

Схожий функционал прослеживается на примере специальных подразделений, которые государства могут создавать в силу ст. 14 модельного закона СНГ. В частности, они вправе получать необходимый объём информации как от государственных органов, так и от иных организаций, включая сведения из публичных реестров и банков данных. Им отводится такая мониторинговая функция, как анализ эффективности антикоррупционных мер для того, чтобы осуществлять подготовку проектов о совершенствовании средств противодействия коррупции.

Отдельно в модельном законе СНГ определена роль органов прокуратуры, которые в соответствии с п. 7 ст. 9 призваны координировать деятельность субъектов противодействия коррупции. При этом оговаривается, что такая функция может осуществляться другим государственным органом, устанавливаемым по национальному законодательству.

Вместе с тем ст. 15 модельного закона СНГ конкретизирует полномочия прокуратуры в статусе субъекта, организующего антикоррупционную работу на государственном уровне. Большинство названных в данной норме мер имеют мониторинговый характер:

- аккумулирование информации о коррупционных фактах, что вписывается в рамки фиксации и исследования тенденций изменения состояния коррупции в стране;

- анализ применяемых антикоррупционных мер на предмет их эффективности;

- подготовка предложений, призванных усовершенствовать правовое регулирование деятельности по противодействию коррупции.

Помимо субъектного состава антикоррупционного мониторинга, модельный закон СНГ предусматривает специальные положения о содержании данной деятельности на национальном уровне. Так, п. 1 ст. 17 обязывает вести оперативный учёт и создавать централизованные банки данных о коррупционных фактах, включая реестры юридических лиц и граждан, причастных к коррупционным правонарушениям. Данные информационные ресурсы имеют целевое назначение – сбор, анализ и обобщение сведений о состоянии коррупции. При этом они должны базироваться в специализированных подразделениях государства, занимающихся антикоррупционной деятельностью.

Координационная деятельность Генеральной прокуратуры в части организации антикоррупционного мониторинга обозначена в п. 2 ст. 17 модельного закона СНГ. В частности, на базе этого органа должны формироваться и актуализироваться единые банки данных о мерах по противодействию коррупции. Информацию для указанной цели должны предоставлять не только органы прокуратуры, но и органы безопасности, внутренних дел, а также иные органы власти, обладающие полномочиями в области антикоррупционной деятельности. Вместе с тем международно-правовым обязательством выступает лишь факт существования подобного единого банка

данных, а порядок и сроки предоставления сведений для его функционирования определяются национальным законодательством.

Применительно к СНГ следует выделить специальный модельный закон 2013 г., посвящённый антикоррупционному мониторингу[1]. В нём подчёркивается, что допустимы три модели данного инструмента противодействия коррупции (абз. 2 ст. 1):

1) в качестве элемента правового мониторинга или мониторинга правоприменительной деятельности;
2) в качестве самостоятельного комплексного направления деятельности государства и общества;
3) в качестве специализированной меры противодействия коррупции в отдельных государственных и общественных сферах.

В понятийном смысле антикоррупционный мониторинг в модельном законе СНГ 2013 г. раскрывается в качестве «научно обоснованной комплексной плановой деятельности» (ст. 2). В силу этого изначально в данный термин заложено требование о наличии специальных знаний в области противодействия коррупции, а также программно-целевой подход, согласно которому мониторинговый процесс должен представлять собой последовательную поэтапную работу с определёнными информационными данными. В частности, она заключается в сборе, обобщении, анализе и оценке конкретных видов сведений.

В предметном виде антикоррупционный мониторинг по смыслу ст. 2 модельного закона СНГ 2013 г. подразделяется на следующие основные направления:

- эффективность национального антикоррупционного законодательства;

---

[1] Модельный закон об антикоррупционном мониторинге (принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Постановлением 39-21 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. N 60 (часть 2).

- эффективность предпринимаемых государством антикоррупционных мер;

- состояние официальной правоприменительной практики в области противодействия коррупции;

- оценка и восприятие уровня коррупции гражданами и институтами гражданского общества;

- антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.

Можно констатировать неполное понимание антикоррупционного мониторинга в модельном законе СНГ 2013 г. в связи с тем, что в него не включено исследование причин, влияющих не только на развитие коррупции, но и её минимизацию, а также локализацию. Также в обобщённом виде не прослеживается такого содержательного компонента антикоррупционного мониторинга, как исследование тенденций изменения реального состояния коррупции. Отчасти модельный закон СНГ 2013 г. сужает последнее до официальной правоприменительной практики, т.е. до судебных решений, а также дел, возбуждаемых правоохранительными органами по фактам совершения коррупционных преступлений и административных правонарушений.

В данном законе прослеживается разделение двух смежных категорий – субъектов и участников антикоррупционного мониторинга. В качестве первых выступают лишь органы, организации и должностные лица, уполномоченные государством на занятие мониторинговой деятельностью. В ст. 2 приведён их примерный перечень, в соответствии с которым в таком статусе выступают государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица данных органов, а также организации (предположительно – выполняющие лишь публичные функции, т.е. являющиеся государственными и муниципальными).

Участники антикоррупционного мониторинга по дефиниции ст. 2 модельного закона СНГ 2013 г. – это все иные лица, не вписывающиеся в понятийные рамки «субъектов», т.е. негосударственные акторы мониторингового процесса. Их примерный перечень представлен в более широком диапазоне:

- институты гражданского общества;

- научные организации;
- экспертные организации;
- общественные объединения;
- средства массовой информации;
- юридические лица;
- граждане.

Тем самым сужая участников мониторинга до официально уполномоченных государственных и муниципальных органов и должностных лиц, модельный закон СНГ 2013 г. наделяет государство полномочием в предоставлении аналогичных функций другим участникам правоотношений (ст. 8).

Такой подход вытекает из дефиниции, закреплённой в ст. 2 рассматриваемого модельного закона СНГ. В частности, антикоррупционный мониторинг выражается в оценке законодательства и государственных мер по противодействию коррупции. В то же время в данном определении можно выявить и другие мониторинговые направления, напрямую не связанные с государственной сферой. Так, граждане и институты гражданского общества включены в субъектный состав антикоррупционного мониторинга, т.е. могут выступать и в качестве источников информации, и в качестве элементов общественного мониторинга, и в качестве участников мониторингового процесса.

Примечательной особенностью модельного закона СНГ 2013 г. является подведение участников антикоррупционного мониторинга под требования национального законодательства, которые, например, могут затрагивать вопросы государственной и общественной аккредитации на право заниматься антикоррупционной экспертизой. Схожий характер имеет дефиниция ст. 2 в части участия граждан и организаций в мониторинговом процессе по собственной инициативе. Единственным ограничивающим условием в этом является соблюдение действующего национального законодательства об антикоррупционном мониторинге.

Отмеченная специфика модельного закона СНГ 2013 г. продиктована его целеориентированным характером, который сформулирован в ст. 3. Так, антикоррупционный мониторинг в своём целевом назначении сведён лишь к нормативным критериям противодействия коррупции: к систематизации и совершенствованию законодательства, функционированию соответствующей правовой системы, разработке и реализации антикоррупционных программ. В силу этого п. 2 ст. 3, перечисляя цели антикоррупционного мониторинга, называет преимущественно нормотворческую работу. Между тем выделяются в данной норме и другие мониторинговые цели:

- повышение открытости деятельности органов публичного управления;

- приобщение гражданского общества к принятию и реализации государственно-управленческих решений;

- обеспечение государственных органов и должностных лиц объективной информации о реальном состоянии коррупции.

При этом объём информационных ресурсов, необходимых для осуществления антикоррупционного мониторинга, представлен в ст. 6 модельного закона СНГ 2013 г. в широком спектре:

1) централизованная и отраслевая государственная статистическая отчётность;
2) специальные доклады от правоохранительных, контрольно-надзорных и прокурорских органов;
3) судебная практика;
4) административная практика;
5) сведения от международных организаций антикоррупционного мониторинга;
6) результаты социологических опросов;
7) специализированные научные исследования;
8) сведения от общественных и правозащитных организаций;
9) иные источники.

Субъекты антикоррупционного мониторинга по общему требованию модельного закона СНГ 2013 г. призваны обобщать указанный массив информационных данных и формировать единую информационную базу для мониторинговых мероприятий с одновременным обязательным обновлением имеющихся сведений.

Таким образом, мировой опыт организации антикоррупционного мониторинга демонстрирует как устоявшие механизмы его реализации, так и формирующиеся системы. Разграничение сфер публичного управления и ограждение интересов отдельных субъектов являются критериями обеспечения независимости мониторинговых мер. Поиск оптимальных моделей осуществления мониторинговых мер, анализ коррупции и прогноз её развития – принципиальные задачи любого государства, принимающего соответствующее законодательство.

Вместе с тем в международном праве заметен переход от мероприятий общего характера к специальным действиям, позволяющим предупредить и выявить коррупционные факты, осложнённые спецификой определённых общественных отношений. Такой подход позволяет достичь необходимого баланса интересов (административных, политических, экономических, социальных) посредством постепенного внедрения прозрачных процедур и их результатов. Доступ к собранным сведениям большой группы людей – рядовых или специализированных – признан международно-правовым принципом, который должен развиваться в российском законодательстве.

При этом анализ международно-правовых норм показал, что антикоррупционный мониторинг выступает преимущественно внутригосударственной задачей, вследствие чего он не получил должного универсального механизма правового регулирования. В региональных международных соглашениях предпринята попытка выработать единые стандарты осуществления мониторинга, однако в них прослеживается ярко выраженный организационный характер тех мер, которые направлены на измерение реального состояния коррупции.

В результате проведённого в рамках данной главы анализа теоретических и правовых основ антикоррупционного мониторинга следует заключить, что:

1. Национальные системы правового регулирования антикоррупционного мониторинга значительно различаются между собой, что, в свою очередь, далеко не всегда предопределяет эффективность антикоррупционного мониторинга в том или ином государстве. В результате антикоррупционный мониторинг может быть определён с двух методологических подходов:

- инструментальный подход выдвигает на передний план совокупность субъектов, уполномоченных заниматься измерением коррупции, её причин, результативности применения мер антикоррупционной политики по определённой методике и в соответствии с действующими нормами.

- системный подход воспринимает мониторинг в качестве комплекса различных мер (правовых, организационных, технических, технологических, идеологических и многих других), распределённых по многоуровневой системе уполномоченных субъектов (от специальных органов и должностных лиц до частных субъектов) в целях повышения эффективности противодействия коррупции на определённой территории.

2. В соотношении с понятием «антикоррупционный контроль» мониторинг приобрёл более специализированные черты, выступая лишь одной из тех мер, которые включаются в указанную систему действий. Тем самым контроль коррупции состоит из антикоррупционного контроля, осуществляемого в том числе посредством антикоррупционного мониторинга. Следует оговориться, что именно широкая трактовка мониторинга прослеживается в современном российском законодательстве. Принципиальное расхождение терминов «антикоррупционный контроль» и «антикоррупционный мониторинг» заключается в их эпизодическом и регулярном характере. Контроль связан со специальными проверками коррупционных обстоятельств и проявлений, поэтому он направлен на результаты коррупционного поведения. Напротив,

антикоррупционный мониторинг охватывает как результаты коррупционного поведения, так предпосылки к коррупционным действиям.

3. На понимание термина «антикоррупционный мониторинг» влияет разрастание нормативного материала, призванного упорядочить процесс по сбору, анализу и последующему использованию информации о состоянии коррупции, о факторах, способствующих её развитию, а также об эффективности существующих правовых мер по минимизации коррупционных проявлений на определённой территории или в определённой сфере общественных отношений.

4. Отсутствие дефиниции антикоррупционного мониторинга в федеральном законодательстве обосновывается разграничением предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации по вопросам формирования и осуществления антикоррупционной политики. В соответствии с существующим механизмом правового регулирования противодействия коррупции именно субъекты Российской Федерации призваны детализировать мониторинговые меры с учётом федеральных установок. Тем самым в законодательстве всех субъектов федерации сегодня присутствует рассматриваемая категория.

5. Выявленные содержательные особенности антикоррупционного мониторинга позволили классифицировать региональное законодательство на:

- законодательство субъектов федерации, в которых антикоррупционный мониторинг не выделен в качестве самостоятельного механизма противодействия коррупции, поскольку его меры адаптированы под отдельные сферы;

- законодательство субъектов Российской Федерации, в котором антикоррупционный мониторинг регламентирован фрагментарно;

- законодательство субъектов Российской Федерации, в котором предприняты попытки по выработке собственной правовой трактовки антикоррупционного мониторинга.

6. Понятие антикоррупционного мониторинга нуждается в корректировке на законодательном уровне. Помимо потребности в установлении данной дефиниции в федеральном законодательстве, прослеживается тенденцию к

расширению её содержания. Так, мониторинг следует раскрыть в качестве системного сочетания комплексных и специальных мер, направленных на формирование сведений о реальном состоянии коррупции на определённой территории, о качестве применения инструментов по противодействию коррупции в отдельных сферах общественных отношений и об эффективности действующего законодательства.

7. В международном праве фиксируется переход от общих мониторинговых мер к специальным, что позволит в будущем повысить эффективность предупреждения и выявления преступлений коррупционной направленности, осложнённые спецификой определённых общественных отношений. Это приближает антикоррупционный мониторинга к достижению баланса интересов (административных, политических, экономических, социальных) посредством постепенного внедрения прозрачных процедур и обнародованию их результатов.

ГЛАВА 2. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГВ КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

§1. Информационное обеспечение антикоррупционного мониторинга

Осуществление мониторинговых мер при противодействии коррупции невозможно без надлежащего информационного сопровождения. Многие исследователи сходятся во мнении, что информационная основа деятельности по борьбе с коррупционной преступностью представляет собой разновидность властного ресурса[1], позволяющего объективно оценивать обстановку в различных сферах общественной жизни[2] и адаптировать государственные усилия по выявлению, пресечению и предупреждению коррупционных проявлений[3].

Как любой другой ресурс власти, сведения о состоянии коррупции являются инструментом управления, при этом иногда они используются в противоправных целях, направленных на искажение данных, на занижение или завышение

---

[1] См.: Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография в 2 томах / Сулакшин С. С. и др. – Москва: Научный эксперт, 2008. - Т. 1. – С. 129; Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности: монография / Ю. Г. Наумов, Д. Л. Севастьянов, Ю. В. Латов, М. С. Русанов. – Москва: Изд-во РГАУ - МСХА, 2019. – С. 37; Уткин В.А. Оптимизация противодействия коррупции в правоохранительной деятельности: монография / В. А. Уткин. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – С. 44.

[2] См.: Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования: монография / П. А. Кабанов. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2015. – С. 51; Любкина Н.А. Коррупция в России: политико-правовые принципы и направления противодействия: монография. - Москва: Русайнс, 2017. – С. 70.

[3] См.: Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. - Москва: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – С. 81; Правовое регулирование финансового мониторинга: (российский и зарубежный опыт) / М. М. Прошунин. - Москва: Российская академия правосудия, 2010. – С. 281.

показателей с «ложно понятыми» целями[1]. Поэтому малейшие манипуляции со статистикой могут повлиять на принимаемые государственно-управленческие решения, а также предопределяют эффективность проводимой антикоррупционной политики и способны дезориентировать работу компетентных органов и должностных лиц.

Кроме того, увеличение внимания общественности к коррупционной тематике детерминирует взаимосвязь между информацией о совершённых противоправных поступках публичных служащих с социальной напряжённостью, которая может выражаться в открытых протестных акциях с участием большого числа граждан[2]. Тем самым значение государственных статистических данных среди общего информационного сопровождения деятельности по противодействию коррупции увеличивается, несмотря на стремительно снижающуюся монопольную роль институтов власти в их формировании.

Последнее десятилетие продемонстрировало регулярность общественной критики в отношении официальных статистических данных в области антикоррупционной деятельности[3]. Как правило, претензии со стороны граждан и общественных организаций затрагивают проблему некорректного отображения реального состояния коррупции в современной российской экономике и в публичном управлении[4].

---

[1] См.: Румянцева Е.Е. Механизмы противодействия коррупции / Е. Е. Румянцева. - 2-е изд., доп и испр. - Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – С. 81; Механизм противодействия коррупции: монография / Н.С. Пономарев. - Москва: Юрлитинформ, 2021. – С. 246.

[2] См.: Кротков В.О. Концептуализация политического протеста: теоретические основания и российская практика // Вестник МГОУ. 2021. № 2. С. 80-93; Шульц Э.Э. Протест в России 2017-2021: технологии и закономерности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. № 3. С. 312-328; Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 1-14.

[3] Абадиев А. М. Теневизация и дисфункциональность институционально-правового порядка как акторы развития коррупционных отношений // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 5. С. 14.

[4] Латов Ю.В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. № 4. С. 44.

Между тем принципы достоверности, полноты, качества и актуальности государственной антикоррупционной статистики действуют с самого начала использования подобных сведений в качестве информационной основы публичного управления. Специалисты отмечают, что каждое государство, невзирая на степень развития правовых инструментов противодействия коррупции, сталкивается с методологическими проблемами статистического сопровождения данной деятельности[1]. Поэтому регламентация рассматриваемых отношений в области формирования, верификации и применения официальной статистики должна происходить с целенаправленным усилением надёжности информации, используемой государством.

В качестве факторов, способствующих замедлению темпов развития статистических методов в антикоррупционном процессе, нередко выделяют затратность их модификации[2]. Субъективные мотивы самих участников мониторнигового процесса, занимающихся сбором и анализом соответствующих сведений, также выдвигается в виде барьера (человеческий фактор)[3]. Признание на политическом уровне проблемы по неудовлетворительному состоянию статистической деятельности является, как отмечают некоторые авторы, констатацией слабости сформированных государственных мер и наличием существенных дефектов в работе институтов противодействия коррупции, что для

---

[1] См.: Черемисина Н.В. Статистический учет теневой экономики региона: теория и практика: монография / Н. В. Черемисина. - Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. – С. 46.; Зорин А.В. Политическая преступность: криминологический анализ: монография / А. В. Зорин. - Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 51.

[2] Тришкин С.В. Правовое обеспечение и организация деятельности правоохранительных органов по учету преступлений коррупционного характера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2015. – С. 151.

[3] Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования: исследовательский отчет / Мария Шклярук и др.; Ин-т проблем правоприменения. - Санкт-Петербург: Норма, 2015. – С. 63.

Российской Федерации по-прежнему остаётся актуальной управленческой проблемой[1].

Примечательно, что основополагающие дефекты формирования и использования государственной статистики в области противодействия коррупции имеют в российском воплощении вневременной характер, поскольку и в дореволюционной, и в советской управленческой практике институционализировались такие их проявления, как[2]:

- дублирование статистических показателей;

- несовпадение методических приёмов на различных властных уровнях и в межведомственном соотношении;

- политизация статистического анализа.

Вместе с тем Дж. Скотт выделял такую тенденцию государственных стандартов по фиксации коррупционных проявлений, как «упрощение образа», под которым учёный подразумевал адаптацию сведений о реальности к административным интересам[3]. Тем самым ряд социально-экономических феноменов не учитываются при последующем использовании собранных информационных данных для формирования и корректировки законов и подзаконных актов.

В силу этого Дж. Скотт констатировал, что стремление государства к упрощению и к прогнозируемости коррупционных явлений приводит лишь к

---

[1] См.: Рукина, И.М. Коррупция и справедливость в современной экономике: монография / И. М. Рукина, Д. С. Петросян. - Москва: РУСАЙНС, 2020. – С. 71; Скоробогатова А.В. Институциональная коррупция в системе государственного управления: пути и механизмы противодействия в современном российском обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. - Москва, 2019. – С. 68.

[2] См.: Елисеева И.И. Очерки по истории государственной статистики России / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев. - Санкт-Петербург: Росток, 2016. – С. 125; Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: монография / А. В. Фадеев. - Москва: Юрлитинформ, 2015. – С. 66.

[3] Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. – New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 16.

фиксации наиболее значимых форм коррупции[1]. Однако несознательное игнорирование редуцируемых (менее значимых) коррупционных действий и факторов способно повлечь ошибки в сложившейся информационной системе противодействия коррупции.

Другой авторитетный исследователь, основатель праксеологического подхода в экономике и праве, Людвиг фон Мизес критиковал количественный инструментарий любой человеческой активности и предлагал акцентировать внимание на качественном содержании социально-экономических явлений, включая коррупцию[2]. В частности, поиск связей между полученными показателями выступает одной из функций государственной деятельности в области формирования статистики[3].

Собственно, попытка привести различные статистические показатели в сфере противодействия коррупции к единой системе активно критикуется большинством исследователей[4]. Сведения зачастую собираются в территориальных и отраслевых сегментах, что позволяет каждому правоохранительному органу и гражданским ведомствам обладать своей статистической методикой. Отсюда регулярно фиксируются несовпадения между региональными и федеральными показателями по состоянию коррупции; часты в этом плане межведомственные противоречия[5].

---

[1] Там же.

[2] Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 346.

[3] Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство / Антология под ред. Д. Антисери и М. Балдини. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 62.

[4] См.: Лобанова Е.А. Проблема эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 255-257; Шурухнов Н.Г. Коррупция в современной России: некоторые данные официальной статистики, факты, результаты опроса граждан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 207-210; Карманов М.В. Статистика и коррупция в современной России // Вопросы статистики. 2013. № 2. С. 83-86.

[5] См.: Елисеева И.И. Что происходит с российской государственной статистикой? // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 77; Моляренко О.А. Формирование государственной статистики: взгляд «снизу» // ЭКО. 2019. № 10 (544). С. 13.

Так, за 2023 г. было зарегистрировано 36 407 уголовных дел по факту совершения преступлений коррупционной направленности[1]. В сравнении с общим показателем преступности в стране (1 911 258) рассматриваемая группа преступлений составила 2%. Однако в своей динамике в диапазоне от 2019 г. по 2024 г. в официальной статистике фиксируется рост числа уголовных дел по рассматриваемой группе преступлений на 24 %:

- 30 991 уголовное дело в 2019 г.;
- 38 503 уголовных дела в 2024.

Если сравнить показатели по количеству лиц, выявленных в ходе расследования уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности, то в 2019 г. их насчитывалось 15 773 человека, а в 2024 г. – 17 932 человека. В свою очередь, раскрываемость преступлений коррупционной направленности увеличилась с 96,3% в 2019 г. до 98,2% в 2024 г.

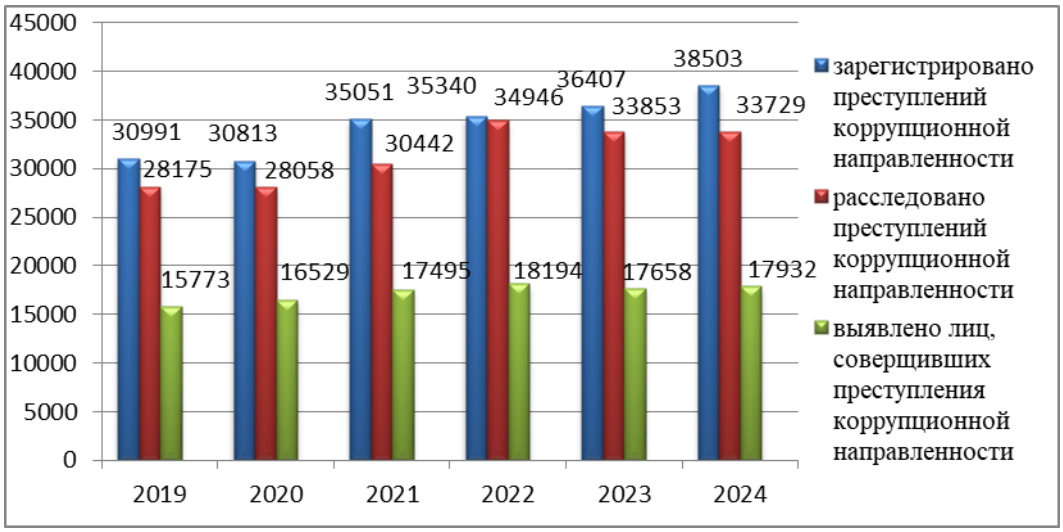

Рисунок 1. Статистические данные о числе зарегистрированных и расследованных преступлений коррупционной направленности, а также выявлено лиц, совершивших преступления коррупционной направленности[2]

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. по данным ФКУ «Главным информационно-аналитический центр МВД РФ // Опубликовано на официальном сайте МВД РФ [Электронный ресурс] https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (доступ – свободный), (дата обращения – 20.03.2025).

[2] Составлено автором на основе статистических данных ФКУ «Главным информационно-аналитический центр МВД РФ // Опубликовано на официальном сайте МВД РФ [Электронный ресурс] https://мвд.рф/news/item/47052005 (доступ – свободный), (дата обращения – 20.08.2024).

Ещё с 2021 г. в государственной антикоррупционной статистике наблюдается значительная динамика выявленных преступлений и лиц, причастных к их совершению. В частности, в 2020 г. количество уголовных дело по преступлениям коррупционной направленности составляло 30 813, а в 2021 г. уже 35 051[1]. При этом аналогичной динамики за 2022-2024 гг. не прослеживается, поскольку в 2022 г. данный показатель насчитывал 35 340 уголовных дел[2], в 2023 г. – 36 407[3], а в 2024 – 38 503[4]. Однако в общем десятилетнем периоде (2014-2024 гг.) отмеченное увеличение является максимальным показателем.

Согласно свежим статистическим данным, почти половина коррупционных преступлений в 2024 г. приходится на взяточничество (23 240)[5]. Тем самым МВД России отмечает, что количество подобных преступлений увеличилось по сравнению с аналогичным периодом в 2023 г. При этом на каждый третий выявленный случай взятки её размер колебался в диапазоне до 15 тыс. руб.

Что касается коррупционного ущерба лишь от выявленных преступлений, то за 2023 г. он насчитывал 15,9 млрд. руб., а средняя сумма взятки составляла 500 тыс. руб[6]. В 2024 г., по приблизительным данным Следственного комитета

---

[1] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2021 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.08.2024).

[2] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2022 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.08.2024).

[3] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2023 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.08.2024).

[4] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2024 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.03.2025).

[5] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. по данным ФКУ «Главным информационно-аналитический центр МВД РФ // Опубликовано на официальном сайте МВД РФ [Электронный ресурс] https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf /Доступ – свободный, (дата обращения – 20.03.2025).

[6] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2023 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.08.2024).

РФ, этот показатель достиг 14,2 млрд. руб.[1] При этом в Генеральной прокуратуре РФ постулируется ущерб от коррупции за пятилетний период (2019-2024 гг.) в объёме 760 млрд. руб.[2]

Примечательно в этом направлении региональное распределение статистических показателей. За 2024 г. наибольшее количество преступлений коррупционной направленности было выявлено в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Волгоградской области и Республике Татарстан[3].

Также среди субъектов Российской Федерации выделяется Ставропольский край. Согласно прокурорским данным, лишь Ставропольский край сохранил тенденции по выявлению коррупционных преступлений в сравнении между 2021 и 2024 гг. Такие субъекты федерации, как Москва и Республика Татарстан, возглавляли прокурорский рейтинг по установленным коррупционным фактам в 2020 г., но не продемонстрировали аналогичные статистические показатели за 2021 г. При этом данные регионы вновь оказались на лидирующих позициях в 2023 и в 2024 гг.

В этой связи необходимо обратиться к прежним тенденциям, зафиксированным в государственной антикоррупционной статистике. Например, антикоррупционный мониторинг в субъектах федерации фиксирует общий ущерб, причинённый региону соответствующими правонарушениями, которые были выявлены и пресечены за исследуемый период.

---

[1] Ущерб от коррупции в России в 2024 году составил 14,2 миллиарда рублей [Электронный ресурс] https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html /Доступ – свободный, (дата обращения – 22.03.2025).

[2] Генпрокурор России: на изъятое за пять лет у коррупционеров можно было построить 250 школ [Электронный ресурс] https://www.mk.ru/politics/2024/12/08/genprokuror-rossii-na-izyatoe-za-pyat-let-u-korrupcionerov-mozhno-bylo-postroit-250-shkol.html/Доступ – свободный, (дата обращения – 22.03.2025).

[3] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-декабрь 2024 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 05.04.2025).

В частности, в 2018 г. в показателях, опубликованных органами власти Республики Татарстан, коррупционный ущерб насчитывал 800 млн. рублей[1]. По данным комиссии, занимающейся координацией противодействия коррупции при Президенте Республики Татарстан, в том же 2018 г. было выявлено 200 тыс. коррупционных нарушений. Республиканская прокуратура объявила лишь о 2 807 официально зафиксированных коррупционных правонарушениях (административно-правового и уголовно-правового характера), при этом в данную статистику также были включены случаи коррупции без участия публичных служащих.

Примечательно, что суды, функционирующие в Республике Татарстан, в 2015 г. предоставили сведения по коррупционному ущербу в размере 554 млн. рублей[2]. При этом уже за 2018 г. были опубликованы официальные статистические данные, согласно которым вред от коррупции составил порядка 800 млн. рублей, но лишь половина соответствующих преступлений (400 эпизодов) была связана с незаконным распоряжением бюджетных средств республиканского и муниципального уровней[3].

На антикоррупционный мониторинг Татарстана пришлась незначительная доля выявленных нарушений: 1 тыс. случаев в области декларирования доходов, расходов и имущества публичных служащих, что составило лишь 0,5% от общего числа коррупционных нарушений, выявленных в Республике (200 тыс. нарушений)[4].

---

[1] В Татарстане подсчитали годовой ущерб от коррупции: 800 млн рублей [Электронный ресурс] Опубликовано на сайте Московский комсомолец. – Режим доступа: https://kazan.mk.ru/economics/2019/04/05/v-tatarstane-podschitali-godovoy-ushherb-ot-korrupcii-800-mln-rubley.html (дата обращения – 21.11.2021).

[2] Коррупционный Татарстан: взяточники вернули бюджету полмиллиарда. – Режим доступа: https://vpn.business-online.ru/article/146827/Доступ – свободный, (дата обращения – 02.11.2021).

[3] Ущерб от коррупционных преступлений в РТ составил 800 млн рублей. – Режим доступа: https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5ca7575e9a7947137dca509c/Доступ – свободный, (дата обращения – 02.11.2021).

[4] Там же.

Стоит отметить, что 16 августа 2021 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ, на основании которого начал действовать новый национальный план по противодействию коррупции[1]. Он рассчитан на период 2021–2024 гг., но обозначает 16 направлений реализации антикоррупционной деятельности. Среди них особо выделяется необходимость в повышении эффективности такой меры, как представление сведений об имущественном положении публичных служащих. Связана с ней текущая разработка предложений, направленных на укрепление запретов в области государственной службы в отношении виновных лиц, не получивших строгие уголовно-правовые наказания. Предполагается, что значение антикоррупционного мониторинга в сборе статистических данных должно повышаться, а выявленные в его рамках нарушения будут включаться в общую государственную статистику, учитываемую при разработке мер предупреждения коррупции.

Специалисты отмечают, что актуальная официальная статистика, формируемая в рамках регионального антикоррупционного мониторинга, не учитывает объём предотвращённого вреда от коррупционных действий[2]. Поэтому исследователи предполагают данный диапазон от 30 до 50%, который необходимо высчитывать от общего показателя по коррупционному ущербу[3].

Следует отметить, что во многих субъектах Российской Федерации в государственную статистику включаются т.н. «двойные коррупционные

---

[1] Указ Президента РФ от 16.08.2021 N 478 (ред. от 26.06.2023) "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. - N 34. - ст. 6170; 2023. - N 27. - ст. 4980.

[2] См.: Молчанова М.А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в корпорациях: данные статистики и сложности правоприменения // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3. С. 91-96; Ерохина Ю.В. Проблемы информационного обеспечения противодействия коррупции // Правовая информатика. 2014. № 3. С. 21-27.

[3] См.: Кандилов, В.П. Инструмент изучения «бытовой» и «деловой» коррупции в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2019. - № 4. - С. 5-9; Кулакова, М.Н. Предупреждение коррупционных преступлений уголовно-правовыми средствами (результаты прикладного исследования) // Бизнес. Образование. Право. - 2020. - № 1 (50). - С. 342-348; Вафин, Э.Я. Меры предупреждения коррупционных проявлений в отделении ПФР по Республике Татарстан // Economics. - 2018. - № 1 (33). - С. 27-29.

правонарушения»[1]. Данным термином обозначается единичный факт коррупции, влекущий юридическую ответственность для нескольких участников коррупционной сделки (для коррупционных заказчика и исполнителя, а также для посредников)[2]. Тем самым одно коррупционное действие оценивается в статистическом плане в качестве нескольких уголовных дел, что в определённой степени увеличивает статистический образ коррупционной преступности в отдельно взятом субъекте федерации.

Исследователи констатируют, что большинство социологических измерений, которые проводятся по заказу институтов противодействия коррупции в Российской Федерации, затрагивают в большей степени низовой уровень коррупции[3] и во многом объективно игнорируют коррупционные проявления в среднем и высшем организационных звеньях государственной власти[4].

Поэтому исследователи справедливо пришли к выводу, что определить конечный коррупционный ущерб при помощи лишь инструментов антикоррупционного мониторинга объективно не представляется возможным, поскольку данная задача приходится на уголовно-процессуальные стадии, когда

---

[1] Александрова, И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / И.А. Александрова. - Нижний Новгород, 2016. – С. 241.

[2] Шишкарёв, С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / С.Н. Шишкарёв. - Москва, 2010. С. 195.

[3] См.: Авдецкий А.Г. Об эффективности противодействия коррупции на уровне региональных элит // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 1 (80). - С. 137-141; Григорян, Д.К. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход / Д.К. Григорян, А.А. Крицкая, И.В. Киселев. –// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2018. - № 2 (93). - С. 140-145.

[4] См.: Алышова, А.Е. Проведение антикоррупционного мониторинга / А.Е. Алышова, Д.С. Парамонова // Новая наука: От идеи к результату. - 2016. - № 12-3. - С. 180-181; Мартынов, А.В. К вопросу о необходимости совершенствования государственного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.В. Мартынов, Т.К. Зарубицкая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2019. - № 1. - С. 143-156.

факт коррупции уже свершился, а обвиняемый подвергается следственным проверкам[1].

Поскольку антикоррупционный мониторинг выступает функцией большинства государственных органов, в управленческую практику вошло утверждение собственных форм отчётности, затрагивающих коррупционные нарушения.

Так, Форма №2-В-СКП (КОРР) Следственного комитета Российской Федерации[2] направлена на сбор сведений не только гражданских, но и военных следственных управлений и отделов. Преимуществом данного инструмента выступает формирование информационной базы о фактическом состоянии коррупции, но в рамках тех процессуальных действий, которые проводятся в силу возбуждённых уголовных дел по коррупционным преступлениям.

Между тем состав таких сведений не всегда сопряжён с их наличием к моменту формирования отчётности. Например, в рамках раздела 3 «Результаты расследования уголовных дел коррупционной направленности» требуется выявить материальную выгоду у лица, в отношении которого осуществляются следственные действия. Одновременно с этим у Следственного комитета РФ до сих пор не выработаны методические указания, необходимые для заполнения рассматриваемой формы, что вызывает риск ошибок, влияющих на некорректную фиксацию соответствующих показателей.

---

[1] См.: Головко И.И. Проблемы возмещения ущерба, причиненного преступлениями коррупционного характера // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 204-205; Кондратьев Ю.А. Проблемы совершенствования законодательства о возмещении ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 1. С. 57-64.

[2] Приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19.03.2009 N 7 "Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности "Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации" в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации".

Кроме того, сложность формирования отчётности по коррупционными преступлениям в рамках Следственного комитета РФ требует мониторинга и сверки. Наиболее наглядно это проявляется в формах федерального и ведомственного статистического наблюдения № 599 (1-КОРР) и № 2-В-СК (КОРР). В частности, в отчете по форме № 2-В-СК (КОРР) отображаются лишь показатели тех дел, которые направлены в суд, но не учитываются факты прекращения производства в силу нереабилитирующих оснований, а также в силу ст. 25.1 УПК РФ. Напротив, в отчете № 1-КОРР (599) данные показатели должны отображаться, что порождает расхождения между статистическими данными. При этом обнаружить указанные несоответствия представляется возможным лишь в рамках региональной и муниципальной статистики.

На этом фоне более корректным представляется подход Генеральной прокуратуры РФ в отношении методических указаний к заполнению Формы К[1], которая предусматривает охват не только коррупционных преступлений и административных правонарушений, но и иных нарушений. Последние раскрываются в п. 1.2 данной Инструкции[2] в качестве несоблюдения запретов, ограничений или обязанностей, предусмотренных антикоррупционным законодательством.

Тем не менее, указанная форма не полностью выполняет задачу по обобщению сведений относительно реализации антикоррупционных мер и причин, провоцирующих коррупционное поведение должностных лиц органов власти. В силу этого не получили отображение отдельные профилактические меры, к числу которых можно отнести специальную подготовку должностных

---

[1] Приказ Генпрокуратуры России от 25.02.2022 N 114 "Об утверждении и о введении в действие статистического отчета "О реализации органами прокуратуры Российской Федерации отдельных полномочий по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции" по форме К и Инструкции по его формированию".

[2] Инструкция по составлению статистического отчёта "Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности" по форме К и Инструкции по его составлению", утверждена Приказом Генпрокуратуры России от 25.02.2022 N 114.

лиц, а также мероприятия по антикоррупционному просвещению. Предполагается, что данные показатели должны формироваться отраслевыми органами исполнительной власти. Однако при обращении к Форме «Мониторинг-К», разработанной Министерством труда РФ, отмеченные графы отсутствуют.

Аналогичным образом представлены отдельные показатели в формах, утверждённых другими органами исполнительной власти. Например, в Приказе Росимущества от 07.05.2019 N 118[1] в разделе 01.12 имеются графы о количестве тех материалов, которые были направлены в результате служебных проверок в соответствующие правоохранительные или иные органы. При этом в данной форме не отражаются результаты подобных проверок, поскольку не по каждому направленному материалу компетентный орган признает факт совершения коррупционного правонарушения.

Общим дефектом форм отчётности по антикоррупционным мерам выступает отсутствие обратной связи от правоохранительных органов – к соответствующему гражданскому органу или организации. Не меньшее значение имеет доступность сведений о коррупционных рисках и об их минимизации (и локализации) всем вышестоящим органам власти, поскольку в настоящий момент данные сведения могут получать лишь сами органы и организации, проводящие антикоррупционные проверки.

Таким образом, дефекты, заложенные в формальных методиках сбора и анализа статистических данных о коррупционных нарушениях, детерминируются одновременным влиянием нескольких факторов:

1) периодические сокращения штата специалистов в территориальных подразделениях правоохранительных органов и гражданских ведомств без корректировки статистических методов, что сказывается на количестве

---

[1] Приказ Росимущества от 07.05.2019 N 118 "О порядке предоставления периодической отчетности территориальными органами Росимущества".

должностных лиц, ответственных за получение первичных сведений, и качестве собираемой информации;

2) дублирование статистических показателей вследствие избыточности собираемых данных, которые не получают должной аналитики;

3) фактическое игнорирование сведений, собираемых общественными организациями, занимающимися противодействием коррупции;

4) сложившиеся значительные межведомственные и территориальные информационные преграды.

Государственная статистика не может использоваться в качестве политически нейтрального инструмента, поскольку она необходима при определении степени эффективности существующих антикоррупционных программ и стратегий. Полученные официальные сведения позволяют оценить деятельность многих государственных органов и должностных лиц, что напрямую сопряжено с изменением бюджетного финансирования. В частности, результаты, показывающие рост выявленных коррупционных преступлений, доказывают эффективность работы правоохранительных органов. Одновременно с этим рост или снижение данного вида преступности по субъектам федерации либо подтверждают результативность действий региональных властей, либо опровергают её.

Антикоррупционная государственная статистика является разновидностью криминальной статистики, которая, в свою очередь, формируется исключительно в рамках сложившейся системы правоохранительных органов. Выступая органами государственной власти, они подвергаются оценке по тем показателям, которые сами же демонстрируют. Вместе с тем отдельные статистические данные формируют гражданские ведомства преимущественно по привлечению должностных лиц к дисциплинарной ответственности (статистика в области административной ответственности за правонарушения коррупционной направленности ведётся исключительно правоохранительными органами).

Отсюда в специальной литературе подчёркивается три направления, в которых развивается такая патология статистической деятельности, как недостоверность сведений о коррупционной преступности[1]:

- высокая латентность коррупционных действий, вызванная не только заинтересованностью сторон коррупционных отношений, но и сложно доказуемыми обстоятельствами их существования;

- селективный подход к собираемым сведениям и последующая административная фильтрация полученных данных (косвенное искажение отчётности);

- широкое административное усмотрение при формировании статистических показателей (прямое искажение отчётности).

Отличие второго и третьего направлений заключается в действиях сотрудников правоохранительных органов. Так, при косвенном влиянии на статистическую отчётность уголовное дело возбуждается не по той статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая предусматривает ответственность за коррупционный факт, а по смежному составу преступления. При прямом воздействии на отчётность данные в статистических карточках искажаются непосредственным образом, поскольку на их основе впоследствии создаётся общая ведомственная статистика.

---

[1] См.: Черепанова Е.В., Матулис С.Н. Правовые предпосылки унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 159-170; Орлова А.В., Галуцких М.С. Применение современных технологий в сфере статистической деятельности. Проблемы и перспективы развития государственной статистики // В сборнике: Роль статистики в развитии общества. Исторический опыт. Достижения. Перспективы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 2015. С. 183-187.

§2. Судебно-статистическая информация в измерении коррупционной преступности и её значение для антикоррупционного мониторинга

Формирование основных информационных данных, на которых строится антикоррупционный мониторинг, должно сопровождаться всеобъемлющим охватом. Он заключается в анализе различных источников и каналов получения соответствующих сведений, на базе которых образуется общее представление о состоянии коррупции на определённой территории (в муниципальном образовании, в субъекте федерации, в стране и в мире).

Помимо ведомственной статистики[1], особое значение приобретает судебно-статистическая информация о коррупционной преступности, поскольку именно суды призваны оценить каждый отдельно взятый факт коррупции, установить вину участников коррупционных отношений и определить степень их юридической ответственности[2].

Тем самым именно на национальную судебную систему приходится фиксация основных индикаторов, характеризующих результаты антикоррупционной политики. Осуждение к тому или иному наказанию, наложение иных мер государственного реагирования на субъектов коррупционных правонарушений (гражданско-правовых или административно-

---

[1] См.: Шишкарёв С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010. С. 215; Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014. С. 94; Черепанова Е.В., Матулис С.Н. Правовые предпосылки унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 159-170.

[2] См.: Мамедов И.А. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Рязань, 2011. С. 61; Чуманов А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России (вопросы теории и истории). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2007. С. 114; Гравина А.А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 5 (197). С. 88.

правовых) происходит посредством судебного (процессуального) воздействия[1]. Поэтому статистические данные, образующиеся в рамках судебной деятельности, должны предопределять корректировку и дальнейшее развитие антикоррупционного мониторинга.

Вместе с тем сложившаяся на региональном уровне управленческая практика демонстрирует несколько иной расклад в использовании судебной статистики при принятии государственных решений, в том числе в форме целевых антикоррупционных программ и стратегий. Главным образом, институты противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации акцентируют внимание на сведения, предоставляемые органами прокуратуры, и в меньшей степени задействуют данные судебно-статистической информации. Последняя должна всецело поглощаться прокурорской статистикой, однако фактически это происходит лишь фрагментарно в связи с несовпадением форм отчётности, расхождением во времени процессуальных действий, проводимых в рамках привлечения виновных лиц к юридической ответственности за преступления и иные правонарушения коррупционной направленности.

Чаще всего вводная часть большинства региональных государственных программ, описывающих различные мониторинговые меры, опирается на цифры прокурорских отчётов[2]. Во многом это обосновывается тем обстоятельством, что именно прокуратура призвана обобщать данные по многообразным составам

---

[1] См.: Филоненко Т.В. Применение законодательства о противодействии коррупции при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел // Законность. 2014. № 7 (957). С. 50; Ветров П.В. Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 111.

[2] См.: Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 "О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Республика Татарстан. - NN 74-75. - 14.04.2005; Постановление Правительства Республики Дагестан от 29.12.2018 N 206 (ред. от 12.10.2023) "Об утверждении государственной программы Республики Дагестан "О противодействии коррупции в Республике Дагестан" // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан http://pravo.e-dag.ru, 13.10.2023; Постановление Правительства Ульяновской области от 24.08.2022 N 478-П (ред. от 04.12.2024) "Об утверждении областной программы "Противодействие коррупции в Ульяновской области" // Ульяновская правда. - N 66(24537). - 09.09.2022; N 83(24752). - 20.12.2024.

коррупционных преступлений, соотносить их с административными правонарушениями коррупционной направленности и по возможности учитывать комплекс дисциплинарных нарушений, сопряжённых с коррупционными поведением публичных служащих и должностных лиц, в том числе в негосударственном секторе экономики[1].

Придание органам прокуратуры указанной функции отнюдь не случайно, поскольку на федеральном уровне именно Генеральная прокуратура обязана формировать, обобщать и представлять Президенту Российской Федерации отчёт о состоянии коррупционной преступности. Так, в п. 1 Национального плана противодействия коррупции[2] федеральному Правительству напрямую предписывается использовать прокурорские данные о практике реализации антикоррупционного законодательства по различным сегментам:

- о защите лиц, информирующих любой федеральный орган исполнительной власти о коррупционном факте (п.п. «д»);

- о выработке предложений по совершенствованию мер противодействия коррупции, в том числе наложению дополнительных запретов и ограничений (п.п. «и»).

Кроме того, непосредственно Генеральной прокуратуре в п. 5 Национального плана адресована функция по детализации сведений об экономическом положении публичных служащих на основе международных обязательств Российской Федерации и по согласованию с федеральным Правительством и Администрацией Президента. В п. 8 подчёркивается, что именно Генеральная прокуратура должна представлять ежегодный доклад для

---

[1] См.: Багмет А.М. Роль органов прокуратуры в организации выявления и противодействия организованной преступности и коррупции // Южноуральский юридический вестник. 2006. № 5. С. 56; Бахаев А.М. Место и роль прокуратуры в борьбе с коррупцией // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 48; Кожевников О.А. О роли прокуратуры в борьбе с коррупцией // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 2 (24). С. 159.

[2] Указ Президента РФ от 16.08.2021 N 478 (ред. от 26.06.2023) "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. - N 34. - ст. 6170; 2023. - N 27. - ст. 4980.

Президента Российской Федерации о результатах антикоррупционных проверок должностных лиц не только государственного, но и муниципального уровней.

Вместе с тем отмеченные особенности федеральной информационной базы в области противодействия коррупции вовсе не означают, что на региональном уровне требуется сохранение монопольного положения прокурорской статистики. Напротив, субъекты федерации выступают непосредственным исполнительским звеном в реализации антикоррупционных стратегий, что возлагает на них обязанность всеобъемлющим образом задействовать все имеющиеся статистические средства, включая судебно-статистическую информацию.

Различные авторы предпринимают попытки обосновать сложившуюся практику доминирования прокурорской статистики над судебной тем обстоятельством, что последняя имеет более узкую направленность[1]. Кроме того, до судебной стадии доходят далеко не все уголовные дела, возбуждённые по коррупционным преступлениям.

Так, по данным Следственного комитета Российской Федерации в период его становления в качестве самостоятельного правоохранительного института (отделённого от прокуратуры) за 2011-2013 гг. до суда удавалось довести меньше половины подобных дел. В частности, из 57 тыс. уголовных дел, связанных с коррупционными фактами, непосредственно судебному следствию подверглись лишь 22 тыс. дел[2]. За десятилетний период (2011-2021 гг.) указанная следственная статистика продемонстрировала более значимый тренд: из 200 тыс. уголовных

---

[1] См.: Калита И.А. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции. Диссертация на соискание кандидата юридических наук. Москва, 2013. С. 121; Корзун И.Г. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции (по материалам Дальневосточного федерального округа). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2011. С. 73.

[2] Бастрыкин: Более половины дел о коррупции не доходят до суда // Информационное агентство «РИА новости» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ria.ru/20131204/981903025.html (дата обращения – 27.11.2021).

дел по коррупционным преступлениям в суд поступают 5%[1]. При этом только за 2022 г. Следственный комитет РФ передал в суды 10 тыс. уголовных дел по анализируемой группе преступлений, что на 9% выше, чем в 2021 г.[2]

Отдельные исследователи на данном основании приходят к выводу, что поручать судам какие-либо задачи в области антикоррупционного мониторинга противоречит системе разделения властей, сложившейся в Российской Федерации[3]. В силу этого судебные инстанции не обязаны предоставлять специальные доклады, а равно участвовать в формировании и в корректировке административных мер[4].

Современную систему судебной статистики по коррупционным преступлениям образуют определённые организационные единицы, на которые возложено формирование статистической отчётности. К их числу относятся все суды, а также Судебный департамент при Верховном Суде РФ с его отдельными подразделениями. При этом в качестве инструментов первичного статистического учёта используются в комплексе документы, базы данных и отчёты, выступающие как результаты обработки имеющейся информации.

В правовом плане определён алгоритм взаимодействия между указанными элементами[5] с одновременным комплексом требований к содержанию

---

[1] Цит. по: Преступления без расследований и наказаний // Комсомольская правда [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27230/4357298/ (дата обращения – 27.11.2021).

[2] СК РФ в 2022 году направил в суд 10 тыс. дел о коррупции [Электронный ресурс] Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/17191971 (дата обращения – 05.05.2023).

[3] См.: Бухарев А.В. Особенности правового регулирования противодействия коррупции в судах общей юрисдикции // Администратор суда. 2012. № 1. С. 35; Цалиев А.М. О месте и роли судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции // Вестник Владикавказского научного центра. 2017. Т. 17. № 3. С. 28.

[4] См.: Рябцева Е.В. Организация противодействия коррупции на государственной гражданской службе в суде // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 59; Гущина Н.А. Независимость судей и проблемы коррупции в судах // Современное право. 2015. № 11. С. 85.

[5] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 N 124 "Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики".

статистической деятельности[1]. При этом единообразие методических подходов в судебной статистике наиболее наглядно прослеживается в общей структуре государственной статистики, поскольку для всех судов общей юрисдикции действуют универсальные требования[2] в отличие от органов исполнительной власти, где значение имеют территориальные и ведомственные особенности.

Общие и специальные показатели в структуре судебной статистики необходимы, прежде всего, при оценке эффективности самой судебной системы[3]. Они демонстрируют в определённом объёме её состояние и отдельные тенденции, влияющие на функционирование как судов общей юрисдикции, так и правоохранительных органов[4].

Например, статистика судимости за коррупционные преступления выступает совокупным результатом рассмотрения соответствующих уголовных дел, что позволяет считать её неотъемлемым элементом государственной системы, направленной на учёт коррупционных преступлений и осуждённых за них граждан. В структуре показателей, образующихся по итогам судебного рассмотрения дел о коррупционных фактах, необходимо выделять сведения об уголовном обвинении и о его судебной оценке[5]:

---

[1] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 N 65 (ред. от 25.06.2025) "Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости"; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2019 N 303 "Об утверждении статистической карточки на подсудимого".

[2] См.: Андрюшечкина И.Н. Использование нормативно-справочной информации судебного делопроизводства для задач ведения судебной статистики // Правовая информатика. 2019. № 3. С. 25; Васильев Д.С. Судебная статистика и корпоративная культура российских судов // Право и политика. 2020. № 12. С. 39.

[3] Закирова Л.Ф. Роль судебной статистики в юридическом процессе // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7 (41). С. 181.

[4] Газимагомедов М.А. Вопросы теории статистики судебных решений в уголовном процессе // Право и управление. 2021. № 2. С. 74.

[5] См.: Мазуров В.А. Приоритетные направления противодействия коррупционной преступности в современной России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 44; Нефедова К.А. Информирование о фактах

- совпадение мнения суда с предъявленным обвинением в совершении коррупционного преступления или смежного состава преступления;

- частичное совпадение позиций суда и следствия по вопросам квалификации преступного деяния;

- несовпадение позиций с необходимостью переквалификации или пересмотра доказательственной базы;

- несовпадение позиций с прекращением уголовного преследования.

Особое значение судебно-статистической информации для антикоррупционного мониторинга заключается в распределении коррупционных преступлений по составам, предусмотренным статьями УК РФ. В данном направлении прослеживаются тенденции коррупционной преступности, наличие доли специальных субъектов подобных преступлений и подход судов к уголовно-правовой квалификации коррупционных деяний.

Например, в 2024 г. в суды было направлено 5 803 уголовных дел по составу взяточничество[1], в 2023 – 5406, в 2022 г. - 4 229, в 2021 г. – 3 671, а в 2019 г. – 2 999[2].

Собственно, количество осуждённых по составу получения взятки в 2019 г. выразилось в 1742 человек. Из них на 1 023 осуждённых пришлись такие квалифицирующие признаки, как совершение коррупционного преступления группой лиц по предварительному сговору, с использованием вымогательства и

совершения коррупционных правонарушений как форма противодействия экономической преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 301.

[1] Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pravo.ru/courts_search/ (дата обращения – 27.11.2025).

[2] Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за 2022, 2021, 2020, 2019 гг.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 05.05.2023).

крупный размер взятки. Виновными в посредничестве во взяточничестве оказались 418 граждан[1].

В специальной литературе подчёркивается, что динамика отмеченной судебно-статистической информации демонстрирует очевидные противоречия между данными, формируемыми судебной системой, и показателями, которые обнародуются правоохранительными органами[2]. В частности, обобщённая статистика Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и МВД РФ свидетельствует о высокой эффективности выявления коррупционных преступлений. Вместе с тем по судебно-статистическим сведениям указанный тезис не получает своего подтверждения.

Другой негативной динамикой, фиксируемой специалистами в области судебной статистики, являются основополагающие доказательства, на основании которых выносятся обвинительные приговоры[3]. Они же предопределяют движение уголовных дел по коррупционным преступлениям, в частности, их прекращение без передачи в суд.

Во многом и обвинение, и судебное следствие строятся на факте признания подсудимым своей вины. Это обстоятельство свидетельствует о снижении профессионализма сотрудников следственных органов, что, в свою очередь,

---

[1] Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pravo.ru/courts_search/ (дата обращения – 27.11.2021).

[2] См.: Капранов А.В., Капранова Ю.В. Система показателей в сфере противодействия коррупции // В сборнике: Актуальные проблемы экономики, управления и права. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2020. С. 52-58; Русинова Д.А. Противодействие коррупции и показатели его эффективности // В сборнике: Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Под научной редакцией В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск, 2021. С. 206-207.

[3] См.: Караева А.А., Столбоушкин А.В. Проблемные аспекты расследования преступлений коррупционной направленности // Вопросы науки и образования. 2020. № 13 (97). С. 26-33; Подольная Н.Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 139-147.

провоцирует увеличение числа дел о коррупционных преступлениях, которые после поступления в суд подвергаются переквалификации на другие статьи УК РФ[1]. Аналогичные детерминирующие связи можно обнаружить в аспекте возвращения судами материалов таких уголовных дел прокурорам в рамках ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[2].

Указанные проблемы соотношения судебно-статистической и следственно-статистической информации о коррупционных преступлениях вызваны разницей оценок эффективности деятельности судов и следственных органов. Так, основным показателем результативности любого правоохранительного органа выступает доля раскрытых им преступлений и административных правонарушений. Рассматривая следственно-дознавательскую работу, можно заключить, что она выражена в количестве уголовных дел, которые по итогам предварительного расследования были направлены в суды. Помимо тяжких и особо тяжких преступлений, учёными фиксируется тенденция к увеличению числа возбуждённых уголовных дел по коррупционным составам УК РФ[3]. Данное

---

[1] См.: Сидоренко Э.Л. О некоторых проблемах квалификации взяточничества в свете внедрения международной стратегии противодействия коррупции // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 177-184; Аронова А.О. Проблемные аспекты квалификации и применения уголовного законодательства в области коррупции // В сборнике: Наука и инновации XXI века. Сборник статей по материаламV Всероссийской конференции молодых ученых. В 3-х томах. 2018. С. 87-89; Бондарь А.Г. Процессуальные особенности и проблемные вопросы квалификации мошенничества с «окраской коррупции» // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 279-280.

[2] См.: Давыдова Н.Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2019. № 6. С. 26-29; Демидченко Ю.В., Кагульян Э.А. Актуальные практические проблемные аспекты института возвращения уголовного дела прокурору // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10 (113). С. 127-129; Куряхова Т.В. Установление фактических обстоятельств как условие возвращения судом уголовного дела для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2019. № 2 (43). С. 46-49.

[3] См.: Сазонов Г.В. Особенности возбуждения уголовных дел по фактам коррупционных преступлений // В сборнике: Информационное общество и государственно-правовая система: правовая характеристика, соотношение, взаимосвязь. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 48-50; Епихин А.Ю. Основные тенденции

обстоятельство, в целом, объясняет указанную нами диспропорцию между статистикой предварительного расследования и судебной системы, которую признают высшие должностные лица российских правоохранительных органов.

Вместе с тем судебная статистика по преступлениям коррупционной направленности сегодня учитывается лишь на уровне общестатистических сведений, собираемых органами прокуратуры, и в силу этого не является предметом управленческой деятельности органов и должностных лиц, уполномоченных формировать меры антикоррупционного мониторинга. Это подтверждается содержанием проанализированных региональных и федеральных программ в области противодействия коррупции, где статистические данные представлены лишь показателями, выявленными органами прокураторы. При этом именно судебная статистика показывает степень результативности (что не является синонимом эффективности) реализуемой антикоррупционной политики, когда выявленное лицо признаётся виновным с назначением установленного законом наказания.

Таким образом, судебная статистика по коррупционным преступлениям способствует, но не предопределяет установление эффективности деятельности правоохранительных органов. В обобщённом виде показатели, из которых формируется статистическая отчётность российских судов, свидетельствуют о количественном и качественном применении норм процессуального и материального права. Одновременно с этим значение судебных статистических данных растёт в силу частых законодательных изменений (введение новых составов коррупционных преступлений, расширение или сужение предмета преступления, появление новых квалифицирующих признаков, оформление доказательств и др.).

противодействия коррупции в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 110-113.

Выявленная в данном параграфе диспропорция в статистических показателях свидетельствует о значительной разнице в формировании судебно-статистической и следственно-статистической информации преступлениях коррупционной направленности, поскольку для правоохранительных органов индикатором эффективности является доля раскрытых правонарушений, в то время как для судов сложилась иная система критериев.

В силу такого подхода судебно-статистическая информация призвана сформировать достоверное, полное и научно-обоснованное представление о государственной статистике в области противодействия коррупции, об эффективности мер пресечения коррупционных нарушений, об оценке реального коррупционного ущерба. Перечисленные параметры всецело вписываются в предмет антикоррупционного мониторинга, призванного обеспечить институты государственного управления информационными ресурсами, достаточными для принятия соответствующих нормативных решений.

§3. Экспертные оценки в антикоррупционном мониторинге

Профилактика преступлений коррупционной направленности, на которую должен быть ориентирован антикоррупционный мониторинг, немыслима без наличия эмпирических исследований в области её детерминантов, текущего и прогнозируемого состояния, а также различных последствий, вызываемых как самой коррупционной преступностью, так и применением мер по противодействию ей[1]. Аналогичным образом необходимо формирование

[1] См.: Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 4 (57). С. 33-42; Зенин С.С. Меры предупреждения (профилактики) коррупции: нормативно-теоретические основы // Юридический мир. 2019. № 1. С. 48-53; Фазлетдинов Р.И. Теоретические аспекты профилактики и борьбы с коррупцией в России // Юридический факт. 2019. № 71. С. 7-10.

мониторинговых мер, которые направлены на выявление и пресечение преступлений коррупционной направленности.

Учитывая специфику отношений, образующих коррупционную преступность, и факторов, предопределяющих развитие коррупции, требуется обязательное участие экспертов различного профиля: от узких (при оценке технических и цифровых средств легализации коррупционных капиталов) до широких направлений специализации.

Так, ежегодной традицией в рамках Торгово-промышленной палаты РФ стало обнародование результатов комплекса экспертных исследований, объединённых общим названием «Бизнес-барометр коррупции». В частности, в 2024 г. в социологическом опросе участвовали 20 319 респондентов из всех федеральных округов (в 2023 - 39 763), причём свыше 60% из них занимаются предпринимательством от трёхлетнего периода и более[1].

Экспертные оценки доказывают, что высоко-коррумпированной сферой остаются государственные закупки, что составило порядка 40,2% респондентов в 2024 г. и 31,73% в 2022 г. Это сопряжено с закрытием форматов проведения конкурсных мероприятий. 35,8% опрошенных в 2024 г. (37,68% в 2022 г.) указали на сферу получения разрешительной документации, включая лицензирование и сертификацию, как на вторую по коррупционной поражённости сферу общественных отношений.

В свою очередь, третью позицию, по выявленным экспертным социологическим исследованиям, занимает контрольно-надзорная деятельность (34,5% в 2024 г. и 37,82% в 2022 г.).

---

[1] ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2024 год [Электронный ресурс] https://www.gosrf.ru/tpp-rf-predstavila-rezultaty-issledovaniya-biznes-barometr-korrupczii-za-2024-god (доступ – свободный), (дата обращения – 20.03.2025).

Примечательным показателем в представленной экспертной статистике является оценка респондентами возможности снижения коррупции действующими мерами[1]:

- 33,8% полагают это «частично возможным»;

- 22,27% считают такие меры недостаточными;

- 20,34% выразили уверенность в их эффективности;

- 23,59% не стали отвечать на данный вопрос.

Вместе с тем снижение коррупции непосредственно в экономической сфере достижимо, согласно социологическим исследованиям, посредством ужесточения юридической ответственности (44,79% респондентов), включая уголовную ответственность(26,96%), формирования нетерпимости к преступлениям коррупционной направленности в различных секторах (38,68% респондентов), в том числе путём повышения юридической грамотности (23,53%), установление системы поощрительных и стимулирующих мер для граждан, способствующих выявлению коррупционных фактов (37,17%)[2].

Применение экспертных оценок сопровождает сегодня практически любую управленческую деятельность[3], к числу которой относится противодействие коррупции. Задействование лиц, обладающих не только профильным образованием, но и определённым опытом исследовательской работы, является обязательным этапом реализации антикоррупционного мониторинга, поскольку

---

[1] См.: ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2023 год [Электронный ресурс] https://news.tpprf.ru/ru/news/5239282/Доступ – свободный, (дата обращения – 20.03.2025).

[2] Там же.

[3] См.: Позднякова Е.В. Административно-правовая трансформатика: безопасность граждан и профилактика коррупции. Москва: Московский гуманитарный университет, 2015. С. 91; Маркова О.А., Кошелев М.С. Проблемы организации профилактики коррупции в государственных органах // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 11. С. 40.

знания и навыки экспертов способствуют объективации государственно-управленческих решений на всех уровнях власти[1].

Кроме того, экспертные оценки должны активно внедряться в основную деятельность негосударственных организаций, нуждающихся в консультации независимого специалиста для всеобъемлющего представления о реальном положении дел[2], в том числе о состоянии корпоративной коррупции[3].

Вместе с тем прямого законодательного закрепления указанного метода в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации не прослеживается. В большей степени использование экспертных оценок сконцентрировано в таком механизме противодействия коррупции, как антикоррупционная экспертиза[4]. Однако данная мера сужена до оценки лишь нормативного материала (проектов нормативных актов)[5], вследствие чего не затрагивает фактическую деятельность подконтрольных субъектов. В частности,

---

[1] См.: Нараев В.Н., Аркин П.А., Гуркин А.Б. Профилактика проявления коррупции. Возможные последствия для общества. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики , 2008. С. 37; Новосельцева М.М. Экономико-правовые меры по профилактике коррупции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-4 (49). С. 33.

[2] См.: Потапов И.Н. Механизмы противодействия коррупции в негосударственном секторе экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 138-141; Полукаров А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в негосударственном секторе предоставления социальных услуг // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 6. С. 71-84.

[3] См.: Шашкова А.В. Правовые инновации в противодействии корпоративной коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 40-42; Шашкова А.В. Механизмы противодействия корпоративной коррупции // Политика и общество. 2016. № 9 (141). С. 1256-1264.

[4] Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. - N 29. - ст. 3609; 2024. - N 41. - ст. 6059.

[5] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 N 96 (ред. от 27.04.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации, 08.03.2010, N 10, ст. 1084; 2017, N 29, ст. 4374; Приказ Минфина России от 12.09.2019 N 145н "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства финансов Российской Федерации".

она не распространяется на ненормативные решения органов публичного управления и должностных лиц, а также на их действия (бездействие).

В специальной литературе отмечается, что подобный предмет экспертных оценок закладывается в антикоррупционный мониторинг[1], что отчасти прослеживается в действующем законодательстве субъектов Российской Федерации.

Так, в п. 3 ст. 11 Закона Республики Татарстан N 34-ЗРТ "О противодействии коррупции в Республике Татарстан"[2] закреплено проведение регулярных социологических исследований общественного мнения, но на основании соответствующего решения республиканского Кабинета Министров. При этом в п. 1 рассматриваемой статьи сформулирована наиболее широкая дефиниция антикоррупционного мониторинга, в которой заложены признаки экспертных оценок:

1) наблюдение, анализ и прогноз за коррупционными явлениями и процессами очевидным образом реализуются на основании научных методов, что изначально требует экспертного включения в соответствующие мониторинговые формы деятельности;
2) исследование условий развития коррупции и эффективности влияния на её минимизацию мер антикоррупционной политики предопределяет наличие научно-обоснованных средств, использование которых невозможно без участия экспертов;

---

[1] См.: Астанин В.В. Научно-экспертное сопровождение противодействия коррупции в системе мониторинга правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 48-52; Сидоренко Э.Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 17-25; Баркатунов В.Ф., Подосинников Е.Ю. Мониторинг и экспертная оценка исполнения отдельных положений национального плана по противодействию коррупции // Политика, экономика и инновации. 2017. № 1 (11). С. 6.

[2] Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О противодействии коррупции в Республике Татарстан" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2006, N 5, ст. 1464; Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. N 27 (Часть I). ст. 0772.

3) социальная диагностика мер противодействия коррупции, несмотря на специализированный предмет подобной деятельности, предполагает использование знаний из разных областей современной науки (не только социологии, но и экономики, психологии, юриспруденции, конфликтологии, кибернетики и многих других научных направлений).

Вместе с тем в законодательстве Республики Татарстан особо подчёркивается, что любые мониторинговые мероприятия возможны через специальный орган исполнительный власти, который может определяться исключительно Главой Республики Татарстан (п. 2 ст. 11 анализируемого Закона). Аналогичным образом сформулировано требование о разработке порядка реализации республиканского антикоррупционного мониторинга. При этом в других нормативных положениях не содержится условий о привлечении экспертов и экспертных организаций.

Примечательной особенностью законодательства Республики Татарстан следует признать отсутствие специального подзаконного нормативного акта, регламентирующего указанный порядок осуществления мер антикоррупционного мониторинга. К настоящему времени действуют два практически идентичных друг другу нормативных акта, принятых в 2011 г. Президентом Татарстана[1] и Кабинетом Министров[2], которые при этом посвящены общему мониторингу

---

[1] Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 N УП-148 (ред. от 26.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2011, N 3, ст. 284; Собрание законодательства Республики Татарстан, 08.08.2023, N 59, ст. 1772.

[2] Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 N 463 (ред. от 04.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по

эффективности работы органов исполнительной власти (республиканского и федерального уровней в территориальном сегменте) и местного самоуправления. Внутри данного мониторинга заложены отдельные антикоррупционные исследования, однако без детализации тех параметров, которые перечислены в ст. 11 Закона Республики Татарстан N 34-ЗРТ.

Значительную конкретизацию мер, образующих институт антикоррупционного мониторинга в Республике Татарстан, можно обнаружить в муниципально-правовых актах[1]. В них закреплено привлечение экспертных групп для проведения различных оценок реализации законодательства по противодействию коррупции и определению общего состояния управленческой практики с учётом влияния коррупциогенных факторов.

Собственно, акцентирование внимания на муниципальный уровень расценивается рядом исследователей как положительный опыт формирования мониторинговых мер в сферах, подверженных высокому коррупционному риску[2]. Такой подход, в целом, не противоречит обозначенным законодательным нормам.

реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 06.07.2011, N 25, ст. 1081; Собрание законодательства Республики Татарстан, 14.07.2023, N 52, ст. 1551.

[1] См., например: Постановление Главы муниципального образования "Новошешминский муниципальный район" от 30.12.2013 N 53 "О проведении антикоррупционного мониторинга мероприятий по противодействию коррупции в органах местного самоуправления Новошешминского муниципального района" // Шешминская новь, N 6, 29.01.2014; Постановление Главы муниципального образования "Бавлинский муниципальный район" от 25.06.2013 N 110 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Бавлинского муниципального района Республики Татарстан" // Слава труду, N 63, 21.08.2013; Решение Бугульминского горсовета от 21.02.2013 N 5 "О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга на территории муниципального образования город Бугульма Бугульминского муниципального района".

[2] См.: Гафарова В.А. Опыт применения программно-целевого метода борьбы с коррупцией в Республике Татарстан // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). С. 217; Ахунов Д.Р. Пробелы противодействия коррупции, обусловленные современными условиями урбанизации (на примере Республики Татарстан) // В сборнике: Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции. Материалы Всероссийского круглого стола. 2019. С. 85.

Вместе с тем их прямая реализация предполагает существование специализированного республиканского органа исполнительной власти, который в том числе должен привлекать экспертов не только для оценки эффективности антикоррупционного мониторинга, но и для формирования его общих и специальных мер.

Несколько иной правовой подход наблюдается в законодательстве Нижегородской области. Так, в Законе N 20-З "О противодействии коррупции в Нижегородской области"[1] экспертные оценки указаны в качестве обязательного элемента нескольких антикорупционных направлений.

В частности, в п. 4 ст. 7 антикоррупционная экспертиза не ограничивается лишь проектами нормативно-правовых актов, включая в себя мониторинг их последующего применения (по существу, антикоррупционный мониторинг). При этом, согласно ст. 10 рассматриваемого Закона, подобным мониторингом вправе заниматься не только экспертные организации, назначенные областным Правительством, но и институты гражданского общества, и отдельные граждане. Вместе с тем по расширительному толкованию приведённых норм вовсе не следует, что данные лица считаются экспертами. Равно как и наоборот отмеченная нормативная конструкция не отменяет общественной экспертизы в рамках реализуемого антикоррупционного мониторинга.

Одновременно с этим в указанном Законе Нижегородской области выделена специальная статья 15, которая посвящена включению в процесс реализации антикоррупционного мониторинга экспертных органов. Так, региональные органы власти и муниципальные органы могут создавать специализированные совещательные и экспертные образования, в том числе из числа граждан и организаций, которые профилируются на исследовании коррупционных проблем.

---

[1] Закон Нижегородской области от 07.03.2008 N 20-З (ред. от 26.12.2024) "О противодействии коррупции в Нижегородской области" // Правовая среда, N 21(904), 20.03.2008; Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 27.12.2024.

В связи с этим в п. 2 ст. 15 подчёркивается, что экспертные органы не призваны заменить собой институты общественного антикоррупционного контроля. Отсюда можно вывести правовое разграничение экспертных оценок на ведомственные, общественные и частные.

Институциональный образ экспертных структур в системе органов власти Нижегородской области свидетельствует об их постепенном включении в разряд современных региональных механизмов антикоррупционной экспертизы и антикоррупционного мониторинга. При этом в Законе Нижегородской области N 20-З прямо говорится о рекомендательном характере тех заключений, которые принимают подобные объединения. Вместе с тем они могут учитываться не только при разработке, но и при корректировке антикоррупционных программ областного и муниципального уровней.

Отмеченная особенность нижегородского областного законодательства, впрочем, не снимает ряд правовых проблем, существующих в подзаконных актах. Например, в Постановлении Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 N 685, посвящённом антикоррупционному мониторингу, говорится лишь о такой форме, как социологический опрос[1]. В нормах данного постановления не содержится положений об использовании экспертных оценок, кроме как в части мониторинга средств массовой информации, который возложен на межведомственную группу, а не на соответствующих медиа-экспертов.

Следует признать, что правовой образ экспертных оценок заметно отличается от управленческой практики, сформировавшейся в современной региональной системе противодействия коррупции. Как правило, результаты экспертных исследований активно используются в совещательных структурах, которые функционируют при губернаторах.

---

[1] Постановление Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 N 685 (ред. от 28.10.2022) "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области" // Правовая среда. - N 100(1086). - 08.10.2009: Нижегородские новости. - N 74(6431), 09.12.2022.

Аналогичный институциональный дизайн сложился на федеральном уровне, когда Совет по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации докладывает о состоянии антикоррупционной политики в стране, а также формулирует рекомендации для дальнейших президентских поручений в данной области[1].

Сама по себе экспертная оценка в антикоррупционном мониторинге – это вид заключения одного эксперта или экспертной группы, наделённых специальными полномочиями по проведению исследования общих и частных вопросов о состоянии коррупции на определённой территории[2], об осуществлении отдельных мер по противодействию коррупции[3], об отношении населения и специальных категорий граждан (предпринимателей разного масштаба, публичных служащих, работников определённых сфер и др.) к антикоррупционным действиям, предпринимаемым институтами власти[4].

Каждый эксперт является носителем информации (источником сведений[5]), способствуя и органам власти, и должностным лицам, и отдельным государственным (муниципальным) и негосударственным организациям в преодолении коррупционных проявлений или минимизировании

---

[1] См.: Ледащев С.В. Об отдельных направлениях борьбы с коррупцией (по материалам заседания Совета по противодействию коррупции при Президенте РФ) // Ученые записки. 2016. № 1 (17). С. 203-204.

[2] Душков Д.А., Орлова Е.А., Шитова Е.П. Экспертная оценка мер по совершенствованию методов борьбы с коррупцией в современной России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 3 (21). С. 13.

[3] Ефимовский А.В., Молчанова М.В., Стремоухова И.В., Стебенева Е.В. Анализ основных коррупциогенных факторов и приоритетных мер противодействия коррупции (на основе исследования экспертных оценок) // В книге: Основные направления предупреждения коррупционных правонарушений сотрудников органов внутренних дел. Ефимовский А.В., Молчанова М.В., Стремоухова И.В., Клишков В.Б., Стебенева Е.В., Юренкова В.А. методическое пособие. Санкт-Петербург, 2015. С. 6-26.

[4] Клеймёнов Е.А., Чепиков Е.В. Отдельные аспекты проблемы коррупции в Дальневосточном федеральном округе в экспертных оценках // В сборнике: Социокультурные аспекты деятельности силовых структур. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 48.

[5] Захарова В.В. Нормативные правовые акты как источник специальных знаний в деятельности эксперта и специалиста. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. С. 67.

коррупциогенных факторов, препятствующих нормальному развитию их основной деятельности.

В литературе принято различать экспертные оценки по критерию количества специалистов, задействованных в исследовательском процессе, и принципам организации групповой экспертной аналитики[1]. В частности, в индивидуальных экспертных оценках представлены заключения одного или нескольких специалистов, при этом осуществляющих исследования по отдельности. На практике они используются в условиях дефицита кадров, вызванного объективными обстоятельствами (сложностью сферы, в которой необходимо провести оценку, отдалённостью региона, финансовыми возможностями органов и организаций, заказывающих экспертизу).

При проведении коллективных экспертных оценок результат исследований является совокупным мнением нескольких специалистов, сформированным предварительно между ними как коллективом экспертов.

При осуществлении экспертных оценок в рамках антикоррупционного мониторинга используются специальные методы, к числу которых относятся[2]:

- ассоциативный метод, позволяющий исследовать коррупционные явления и процессы, которые имеют общие признаки и формы;
- метод парных сравнений способствует выработке альтернативных знаний о коррупционных проявлениях, которые при комплексном подходе демонстрируют предпочтительный вариант (например, коррупциогенных факторов, условий совершения коррупционных действий, эффективности отдельных мер и т.п.);

---

[1] Смирнова Т.В. Особенности и методика применения экспертного исследования при оценке эффективности противодействия коррупции // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 3. С. 277.

[2] Цит. по: Шарапова И.Д. Современное состояние и перспективы развития экспертной профилактики при противодействии коррупции // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 235-238; Мирошниченко О.И., Филоненко Т.В. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 136-143.

- метод фокальных объектов содействует исследованию новых или скрытых коррупционных проявлений посредством транслирования на них признаков, свойственных аналогичным формам или видам коррупции;
- метод «медианной точки» позволяет выработать альтернативные варианты решения недостатков мер по противодействию коррупции за счёт сопоставления наиболее предпочтительных и наименее пригодных средств. Тем самым при пересечении прогнозируемых способов образуется средний вариант, учитывающий положительные и отрицательные стороны возможного урегулирования проблемы.

Исследователи выделяют целый ряд специальных методов, которые применяются в современных экспертных оценках, необходимых для реализации и развития антикоррупционного мониторинга[1]. Вместе с тем использование определённого метода зависит от решения того органа власти, который заказывает проведение экспертизы. По приведённым примерам из действующего законодательства субъектов Российской Федерации видна зависимость инициирования проведения экспертных исследований в рамках проводимой региональной антикоррупционной политики. Помимо этого, органы исполнительной власти и губернаторы субъектов федерации предопределяют вектор осуществления экспертных оценок, что обосновывает рекомендательный характер экспертных заключений.

В качестве достоинств использования экспертных оценок для антикоррупционного мониторинга можно отнести возможность федеральной и региональной властей иметь широкое представление о сложившейся обстановке (масштабах коррупции) и результативность реализации ранее принятых управленческих решений, в том числе их корректировка в подзаконных

---

[1] См.: Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 5 (58). С. 17-26; Красникова Е.В., Павловская Н.В. Мониторинг состояния коррупционной преступности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 59-65.

нормативных актах. Полученные экспертные данные укрепляют надёжность формируемой информационной базы, которая способствует более эффективному пресечению коррупции.

Во многом отмеченные позитивные стороны экспертных оценок в антикоррупционном мониторинге достигаются при помощи проведения специализированных эмпирических исследований не только по имеющимся материалам (предоставленным органами власти), но и за счёт выдвижения экспертами собственных гипотез, требующих подтверждения при сборе и анализе сведений практического характера. Вместе с тем органы власти должны выработать регламенты проведения подобных экспертиз, чтобы нормировать сроки их проведения, последовательность действий привлечённых экспертов и форму предоставляемых результатов исследований.

Таким образом, актуальность экспертно-аналитических оценок в антикоррупционном мониторинге вызвана потребностью в объективации подходов к эффективности мер по противодействию коррупции и качеству деятельности органов государственного и муниципального управления. Ориентация экспертных исследований на проблемы, сопровождающие антикоррупционную работу, позволит своевременно сформировать и применить информацию о реальном состоянии коррупции в масштабах муниципального образования, субъекта федерации и Российской Федерации, в целом.

Поэтому в качестве задач экспертных оценок в антикоррупционном мониторинге выступает не только сравнительный анализ состояния коррупции в публичных сферах, но и измерение коррупционных рисков в отдельных сегментах экономики, включая предоставление различных государственных и муниципальных услуг.

В результате проведённого в рамках главы исследования необходимо выделить ряд принципиальных выводов и положений, касающихся развития информационной основы антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации и в субъектах федерации:

1. Значение антикоррупционного мониторинга в сборе статистических данных должно повышаться, а выявленные в его рамках нарушения будут включаться в общую государственную статистику, учитываемую при разработке мер предупреждения коррупции. Дефекты, заложенные в формальных методиках сбора и анализа статистических данных о коррупционных нарушениях, детерминируются одновременным влиянием нескольких факторов:

а) периодические сокращения штата специалистов в территориальных подразделениях правоохранительных органов и гражданских ведомств без корректировки статистических методов, что сказывается на количестве должностных лиц, ответственных за получение первичных сведений, и качестве собираемой информации;

б) дублирование статистических показателей вследствие избыточности собираемых данных, которые не получают должной аналитики;

в) фактическое игнорирование сведений, собираемых общественными организациями, занимающимися противодействием коррупции;

г) сложившиеся значительные межведомственные и территориальные информационные преграды.

2. Государственная статистика не может использоваться в качестве политически нейтрального инструмента, поскольку она необходима при определении степени эффективности существующих антикоррупционных программ и стратегий. Полученные официальные сведения позволяют оценить деятельность многих государственных органов и должностных лиц, что напрямую сопряжено с изменением бюджетного финансирования. В частности, результаты, показывающие рост выявленных коррупционных преступлений, доказывают эффективность работы правоохранительных органов. Одновременно с этим рост или снижение данного вида преступности по субъектам федерации либо подтверждают результативность действий региональных властей, либо опровергают её.

3. Способом, призванным в перспективе снизить влияние негативных факторов на формирование государственной антикоррупционной статистики, является распределённая система анализа данных, построенная на взаимной перепроверке не только сводных отчётов (административных данных), но и первичных сведений. Вместе с тем внедрение подобного механизма в Российской Федерации замедляется монопольным положением прокуратуры, формирующей статистические показатели и публикующей соответствующие сведения, что закреплено на международно-правовом уровне (например, в модельном законе СНГ 2013 г.).

4. На национальную судебную систему приходится выработка основных показателей, характеризующих результаты антикоррупционной политики. Осуждение к тому или иному наказанию, наложение иных мер государственного реагирования на субъектов коррупционных правонарушений (гражданско-правовых или административно-правовых) происходит посредством судебного (процессуального) воздействия. Поэтому статистические данные, образующиеся в рамках судебной деятельности, должны предопределять корректировку и дальнейшее развитие антикоррупционного мониторинга.

5. Отмеченные в главе особенности федеральной информационной базы в области противодействия коррупции вовсе не означают, что на региональном уровне требуется сохранение монопольного положения прокурорской статистики. Напротив, субъекты федерации выступают непосредственным исполнительским звеном в реализации антикоррупционных стратегий, что возлагает на них обязанность всеобъемлющим образом задействовать все имеющиеся статистические средства, включая судебно-статистическую информацию. Проблемы соотношения судебно-статистической и следственно-статистической информации о коррупционных преступлениях вызваны разницей оценок эффективности деятельности судов и следственных органов. Данное обстоятельство, в целом, объясняет диспропорцию между статистикой

предварительного расследования и судебной системы, которую признают высшие должностные лица российских правоохранительных органов.

6. Судебная статистика по коррупционным преступлениям способствует, но не предопределяет установление эффективности деятельности правоохранительных органов. В обобщённом виде показатели, из которых формируется статистическая отчётность российских судов, свидетельствуют о количественном и качественном применении норм процессуального и материального права. Одновременно с этим значение судебных статистических данных растёт в силу частых законодательных изменений (введение новых составов коррупционных преступлений, расширение или сужение предмета преступления, появление новых квалифицирующих признаков, оформление доказательств и др.). В силу такого подхода судебно-статистическая информация призвана сформировать достоверное, полное и научно-обоснованное представление о государственной статистике в области противодействия коррупции, об эффективности мер пресечения коррупционных нарушений, об оценке реального коррупционного ущерба. Перечисленные параметры всецело вписываются в предмет антикоррупционного мониторинга, призванного обеспечить институты государственного управления информационными ресурсами, достаточными для принятия соответствующих нормативных решений.

7. В выработке направлений антикоррупционного мониторинга требуется обязательное участие экспертов различного профиля: от узких (при оценке технических и цифровых средств легализации коррупционных капиталов) до широких направлений специализации. Вместе с тем прямого законодательного закрепления указанного метода в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации не прослеживается. Следует признать, что правовой образ экспертных оценок заметно отличается от управленческой практики, сформировавшейся в современной региональной системе противодействия коррупции. Как правило, результаты экспертных исследований активно

используются в совещательных структурах, которые функционируют при губернаторах.

8. Экспертная оценка в антикоррупционном мониторинге представляет собой вид заключения одного эксперта или экспертной группы, наделённых специальными полномочиями по проведению исследования общих и частных вопросов о состоянии коррупции на определённой территории, об осуществлении отдельных мер по противодействию коррупции, об отношении населения и специальных категорий граждан (предпринимателей разного масштаба, публичных служащих, работников определённых сфер и др.) к антикоррупционным действиям, предпринимаемым институтами власти.

ГЛАВА 3. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

§1. Институциональное обеспечение национальной системы антикоррупционного мониторинга

Эффективность реализации мер антикоррупционного мониторинга не мыслима без прочной системной основы, которая предполагает выделение нескольких организационных уровней с соответствующим институциональным наполнением. Между тем содержательные особенности категории «институт» в гуманитарных науках значительно различаются, что предопределяет понимание этого термина в рамках деятельности по противодействию коррупции.

Базовое концептуальное обоснование институтов сформулировал Т. Веблен в социологической направленности[1]. В частности, под ними понималась система устоявшихся на протяжении длительного периода времени общественных отношений с очерчиванием конкретных субъектов[2].

Схожий подход наблюдается в экономических науках с постепенным переходом к формальной составляющей, где институты воспринимаются в качестве норм, призванных упорядочить определённый круг общественных отношений[3].

---

[1] Веблен, Т. Теория праздного класса. Пер. с английского / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – С. 6, 200-202.

[2] См.: Сафонов А.Л., Орлов А.Д. К вопросу о построении институционально-формационной теории // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 128-139; Фомина Ю.А. Развитие методологии институциональной теории на основе системного подхода // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2006. № 4. С. 47-51.

[3] Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Перевод с англ. / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 17, 21; North, D. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 1. P. 97.

Отсюда можно вывести юридическое понимание институтов[1], выражающееся не только в формализации правил, но и в правореализационной составляющей, т.е. с учётом тенденций, наблюдаемых в практике регулирования определённых правоотношений[2].

Применительно к политико-управленческой сфере институты стали отождествляться с организациями, с организованными структурами, построенными на разделении функций и укреплении системных связей[3]. Именно такой подход возобладал в отношении институтов по противодействию коррупции с акцентом на наличие специальных полномочий (выявлять, пресекать и предупреждать коррупционное поведение)[4]. Отсюда в политических и правовых исследованиях прослеживается попытка разграничить формальные и неформальные институты по критерию наличия государственного признания их статуса[5].

---

[1] См.: Анохина А.А., Донская Е.Н. Институциональная теория права и правовой культуры // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 1 (30). С. 62-65; Воротилин Е.А. Онтология права в теории институционализма // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 5. С. 42-47; Западнюк Е.А. Правовой аспект нового институционализма // Вестник экономической интеграции. 2013. № 7 (64). С. 111-116.

[2] См.: Кондуров В.Е., Краевский А.А. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 6. С. 95-144; Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex russica (Русский закон). 2020. № 4 (161). С. 103-116.

[3] См.: Махмудов А.С. Категория «институт» в системе нового институционализма в политологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 9 (159). С. 49-56; Жуковский А.Г. Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1. С. 940-955.

[4] См.: Абдулаев А.Х. Особенности исторической эволюции государственных институтов в сфере противодействия коррупции в России // Вопросы политологии. 2017. № 3 (27). С. 25-34; Литовченко Д.Ю. Институты борьбы с коррупцией и легализацией доходов, полученных преступным путем в Российской Федерации: проблемы и противоречия // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-6. С. 101-105; Езерская А.И. Институт контрольной власти в современной России как средство борьбы с коррупцией // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 8 (133). С. 242-248.

[5] См.: Боталова Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях системной трансформации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург,

Отмеченная особенность затронула понимание институтов антикоррупционного мониторинга, которые раскрываются в качестве органов и организаций с государственным и негосударственным статусом, наделённых специальными полномочиями по измерению реального состояния коррупции, а также по формированию информационных баз данных для проведения аналитической работы, призванной скорректировать действующую нормативно-правовую базу[1].

Специфика формирования российской системы институтов антикоррупционного мониторинга детерминирована малым количеством органов власти, обладающих соответствующими полномочиями[2]. В большей степени информационную основу мониторинга составляют данные, полученные в ходе правоохранительной деятельности, а сбор сведений осуществляется по итогам привлечения виновных лиц к определённому виду юридической ответственности.

Несмотря на то обстоятельство, что мониторинговые функции в области противодействия коррупции принадлежат законодательным и судебным органам, их осуществление на практике сведено к минимуму. Наиболее распространённым подтверждением этому тезису в литературе приводится институт парламентского контроля, который в Российской Федерации и в субъектах федерации не получил широкомасштабного применения[3].

2011. С. 84; Романова В.В. К вопросу о методах совершенствования института борьбы с коррупцией в Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. № S2. С. 174-177.

[1] См.: Трунцевский Ю.В. Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля // В сборнике: Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 256-260; Мохоров Д.А. Специализированный антикоррупционный орган как элемент общественного контроля в системе управления вузом // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 257-258; Левакин И.В. Полномочия внутренних систем антикоррупционного контроля государственных органов // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 4. С. 32-35.

[2] См.: Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 N 326 (ред. от 17.06.2024) "О структуре федеральных органов исполнительной власти" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. - N 20. - ст. 2590; 2024. - N 26. - ст. 3639.

[3] См.: Спиридонов А.А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени

В части парламентского мониторинга отмечается, что подобные функции имеют ярко выраженный специализированный характер, обязывающий создавать отдельные институты, к числу которых относятся счётные палаты[1]. Например, Счётная палата Республики Татарстан наделена полномочиями по сбору сведений об антикоррупционных мерах, результаты которых (при наличии признаков правонарушения) необходимо предоставлять правоохранительным органам (как правило, в органы прокуратуры, которые, в свою очередь, определяют подследственность по нормам УПК РФ)[2].

Такая же институциональная особенность прослеживается в полномочиях контрольно-счётных палат Республики Марий Эл[3], Калининградской области[4] и Забайкальского края[5]. При этом передача сведений о результатах проведения мониторинговых мер обязывает правоохранительные органы своевременно известить счётные палаты о предпринятых действиях. Предполагается, что такое

кандидата юридических наук. Москва, 2008. 225 с.; Якимова Е.М. Правовое регулирование института парламентских расследований в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск, 2010. 185 с.

[1] См.: Лолаева А.С. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 124; Дудко И.Г. Доктринальные и законодательные проблемы парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 2 (10). С. 128а-132; Савченко М.С., Свистунова Л.Ю. Проблемы развития парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 3 (24). С. 80-85.

[2] Закон Республики Татарстан от 07.06.2004 № 37-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) «О Счетной палате Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2011. - № 10. - ст. 1207; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - N 27 (Часть I). - ст. 0772.

[3] Закон Республики Марий Эл от 03.01.1997 N 13-З (ред. от 19.10.2023) "О Государственной счетной палате Республики Марий Эл" // Собрание законодательства Республики Марий Эл. - 21.02.1997. - N 2. - стр. 11-23; Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф (дата обращения – 19.10.2023).

[4] Закон Калининградской области от 19.11.2021 N 23 (ред. от 27.09.2023) "О контрольно-счетной палате Калининградской области" // Комсомольская правда – Калининград. - N 124-с. - 29.12.2021; N 76. (дата обращения 03.10.2023).

[5] Закон Забайкальского края от 02.11.2011 N 579-ЗЗК (ред. от 05.03.2024) "О Контрольно-счетной палате Забайкальского края" // Забайкальский рабочий. - N 220. - 08.11.2011; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru (дата обращения - 06.03.2025).

системное взаимодействие объективирует информационно-статистические показатели. Кроме того, антикоррупционный мониторинг, реализуемый счётными палатами субъектов федерации, имеет узкую направленность: он ограничивается анализом коррупции в бюджетной сфере и построен преимущественно на сведениях, собранных в ходе специального антикоррупционного аудита.

По аналогии с парламентскими формами, антикоррупционный мониторинг, проводимый судами, так же имеет ограниченный диапазон применения. В большей степени судебные органы концентрируется на сведениях о коррупционных преступлениях и административных правонарушениях. Вместе с тем действующие нормы уголовно-процессуального законодательства позволяют судебным инстанциям участвовать в отдельных мониторинговых мероприятиях (п. 4 ст. 29 УПК РФ). Так, они обладают полномочием информировать другие органы власти о коррупционных фактах, о которых стало известно в ходе рассмотрения любого дела.

Равным образом судебные органы собирают статистические данные криминологического характера, в том числе о факторах, способствующих росту коррупционных правонарушений как в отдельно взятой организации (органе), так и применительно к определённой сфере или территории (муниципальное образование). Как известно, исследование причин, детерминирующих коррупцию, в полной мере вкладывается в понятие антикоррупционного мониторинга на региональном уровне. В то же время в сравнении с другими правоохранительными органами спектр судебного антикоррупционного анализа значительно сужен, вследствие чего исследователи рассматривают их в качестве источников информации, необходимой для формирования соответствующих баз данных[1].

---

[1] См.: Цалиев А.М. О роли и месте судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции // Российский судья. 2017. № 2. С. 54-57; Ветров П.В. Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 110-115; Филоненко Т.В. Применение

Действующее федеральное законодательство очерчивает пирамидальную структуру институтов антикоррупционного мониторинга[1], во главе которой выделен Президент РФ, а технико-правовое обеспечение данной функции реализует специализированное подразделение Администрации Президента (в частности, это Управление по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции)[2]. Главной правовой особенностью данного института выступает его независимость от всех других звеньев, составляющих систему антикоррупционного мониторинга, что позволяет выполнять соответствующие функции даже в тех случаях, когда они дублируют деятельность других органов и организаций.

Тем не менее в нормах Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в институциональном плане не очерчивается предметная мониторинговая деятельность Президента РФ, но определены направления, в которых глава государства непосредственно получает сведения о состоянии коррупции и мерах, способствующих её минимизации. Это касается анализа информации о лицах, претендующих на определённую государственную должность, а также о лицах, выполняющих служебные функции на определённых государственных должностях.

В формально-юридическом смысле к данному уровню антикоррупционного мониторинга отнесена Администрация Президента РФ, руководящие должности федеральных органов, главы субъектов федерации и ряд других, что соответствует вертикальной структуре органов исполнительной власти,

---

законодательства о противодействии коррупции при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел // Законность. 2014. № 7 (957). С. 48-51.

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - N 52 (ч. 1). - ст. 6228; 2024, N 33 (Часть I), ст. 4928.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 N 368 (ред. от 26.06.2023) "Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. - N 22. - ст. 3920; 2023. - N 27. - ст. 4980.

сложившейся в РФ. В правовом плане Управление по противодействию коррупции Президента РФ не ограничено в полномочиях, направленных на взаимодействие со всеми другими институтами антикоррупционного мониторинга, что выражается в получении необходимых сведений, в том числе от общественных организаций (абз. 1 п. 6 Положения об Управлении)[1].

На уровне субъектов РФ, включённых в общую систему антикоррупционного мониторинга, прослеживается дублирование подобного варианта распределения полномочий.

Например, в Татарстане функционирует Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан[2]. Несмотря на тот факт, что его статус определён действующим региональным законодательством[3], сами мониторинговые меры формулируются непосредственно Президентом Республики Татарстан, как это сложилось на федеральном уровне. Данный институт организационно не подчинён Администрации Президента РФ, но юридически обязан выполнять её поручения, в том числе по информационному обеспечению. Отсюда можно сделать вывод о единой вертикали институтов, формирующих меры антикоррупционного мониторинга на федеральном и региональном уровнях с территориальным распределением функций.

Переход к всеобъемлющему антикоррупционному мониторингу можно проследить на примере Управления Главы Республики Марий Эл по профилактике коррупционных и иных правонарушений[4]. Фактически данный

---

[1] Там же.

[2] Указ Президента Республики Татарстан от 13.10.2015 N УП-986 (ред. от 23.09.2023) "О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2015. - N 78. - ст. 2688; Собрание законодательства Республики Татарстан. - 03.10.2023. - N 73 (Часть II). - ст. 2236.

[3] См.: Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан».

[4] Указ Главы Республики Марий Эл от 15.10.2015 № 287 (ред. от 06.07.2022) «Об утверждении Положения об управлении Главы Республики Марий Эл по профилактике коррупционных и иных правонарушений» // Официальный интернет-портал Республики Марий

региональный институт занимается верификацией сведений, характеризующих деятельность республиканских органов и организаций. Специалисты отмечают, что подобные структуры в субъектах РФ призваны акцентировать внимание на сведениях об антикоррупционной работе муниципалитетов[1].

Менее широким спектром представлен антикоррупционный мониторинг, реализуемый правоохранительными институтами. Смещение полномочий в их пользу обосновывается действующим российским законодательством тем, что любое коррупционное проявление признается правонарушением. При этом подавляющее большинство составов, характеризующих коррупционное поведение, сконцентрированы в УК РФ, что предопределяет особый порядок выявления и пресечения преступных актов. В свою очередь, именно они получают сведения о реальном состоянии коррупции.

При этом, как отмечают некоторые исследователи, антикоррупционный мониторинг вовсе не сводится к его законодательно установленным рамкам и выступает комплексным правовым институтом, в состав которого входят нормы из разных отраслей права, в том числе уголовного и уголовно-процессуального[2]. Проецируя данный подход на сложившуюся российскую систему институтов антикоррупционного мониторинга, следует детальнее проанализировать полномочия отдельных правоохранительных органов.

Эл марийэл.рф, 19.10.2015; Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф, 07.07.2022.

[1] См.: Шорник Е.А., Зыков Д.Д. Теоретические аспекты организации и проведения антикоррупционного мониторинга в органах местного самоуправления // В сборнике: Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 2019. С. 306-308.

[2] См.: Сергеева С.А. Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга реализации государственной политики регламентации закупок (на примере г. Москвы). Монография. – Москва: КноРус, 2020. 138 с.; Наумов Ю.Г., Севастьянов Д.Л., Латов Ю.В., Русанов М.С. Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности. - Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2019. 150 с.

Центральное место в данном направлении занимают органы прокуратуры, что подтверждается акцентуацией многих государственных программ, принятых в субъектах РФ в части антикоррупционного мониторинга[1]. Во многом это обосновывается тем обстоятельством, что именно прокуратура призвана обобщать данные по многообразным составам коррупционных преступлений, соотносить их с административными правонарушениями коррупционной направленности и по возможности учитывать комплекс дисциплинарных нарушений, сопряжённых с коррупционными поведением должностных лиц, в том числе в негосударственном секторе экономики[2]. Тем самым в распоряжении органов прокуратуры находятся информационные данные о широком спектре нарушений, необходимых для формирования государственных мониторинговых стратегий и тактик.

На федеральном уровне по вопросам противодействия коррупции Генеральная прокуратура напрямую подчиняется Президенту РФ. Так, в п. 1 Национального плана противодействия коррупции[3] федеральному Правительству напрямую предписывается использовать прокурорские данные о практике реализации антикоррупционного законодательства по различным вопросам, включая выработку предложений о совершенствовании существующих мер.

На Генеральную прокуратуру возложена функция уточнения сведений, необходимых для осуществления мониторинга с учётом норм международного

---

[1] См.: Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 "О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Республика Татарстан. - NN 74-75. - 14.04.2005; Постановление Правительства Республики Дагестан от 29.12.2018 N 206 (ред. от 12.10.2023) "Об утверждении государственной программы Республики Дагестан "О противодействии коррупции в Республике Дагестан" // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан http://pravo.e-dag.ru, (дата обращения 13.10.2023).

[2] См.: Багмет А.М. Роль органов прокуратуры в организации выявления и противодействия организованной преступности и коррупции // Южноуральский юридический вестник. 2006. № 5. С. 56-58; Бахаев А.М. Место и роль прокуратуры в борьбе с коррупцией // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 48-49; Кожевников О.А. О роли прокуратуры в борьбе с коррупцией // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 2 (24). С. 157-160.

[3] Указ Президента РФ от 16.08.2021 N 478 (ред. от 26.06.2023) "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. - N 34. - ст. 6170; 2023. - N 27. - ст. 4980.

права, но по поручению Правительства РФ и Администрации Президента РФ (п. 5 Национального плана). Из данных, поступающих от региональных подразделений прокуратуры, Генеральная прокуратура формирует ежегодный доклад о состоянии коррупции непосредственно для Президента РФ.

Помимо осуществления дознания, органы, функционирующие в системе Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД РФ), выполняют ряд мониторинговых задач[1]. Так, Договорно-правовой департамент МВД РФ занимается анализом статистической информации о состоянии коррупции и участвует в выработке законотворческих предложений, реализуемых через федеральное Правительство[2]. При этом данное подразделение непосредственно осуществляет антикоррупционную экспертизу действующих нормативно-правовых актов и их проектов.

В функции Договорно-правового департамента МВД РФ входит мониторинг региональных законодательных инициатив, так или иначе затрагивающих сферу внутренних дел. Данное подразделение занимается оценкой фактического воздействия нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность всех органов внутренних дел, что предполагает работу с материалами, характеризующими реальное состояние коррупции, в том числе учёт судебных решений

Как правило, на уровне субъектов РФ региональные подразделения МВД являются непосредственными участниками антикоррупционного мониторинга. Так, представители МВД Республики Марий Эл включены в состав

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2011 № 248 (ред. от 02.04.2025) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 10. - ст. 1334; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, (дата обращения 02.04.2025).

[2] Приказ МВД России от 21.07.2011 N 865 (ред. от 07.03.2023) "Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации" // Текст приказа опубликован на официальном сайте МВД РФ: https://мвд.рф/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Polozhenie (дата обращения - 28.03.2025).

Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве Республики[1], что на практике выражается в сборе и анализе сведений о состоянии коррупционной преступности в регионе. Законодательно предусмотрена обязанность МВД взаимодействовать с другими органами (и исполнительной власти, и законодательной власти), а также с органами прокуратуры и с Главным федеральным инспектором по Республике Марий Эл в части формирования и реализации антикоррупционного мониторинга.

Фактически существование подобных межведомственных комиссий повлияло на выработку такой институциональной особенности, как необходимость согласования мониторинговых мер правоохранительных органов с другими органами. Например, для внедрения методик измерения коррупции, не предусмотренных ежегодным планом действий по противодействию коррупции, региональные структуры МВД РФ вынуждены предварительно информировать действующий состав данных комиссий. Подобное взаимодействие с разными институтами способствует выработке совместного подхода к реализации задач антикоррупционного мониторинга.

Схожий вектор мониторинговых мероприятий должны проводить региональные следственные управления Следственного комитета РФ[2]. Они считаются специальными ведомствами по расследованию преступлений, в том числе коррупционного характера, что значительно ограничивает диапазон сведений, формируемых для общей системы антикоррупционного мониторинга[3].

---

[1] Постановление Правительства Республики Марий Эл от 16.03.2010 № 62 (ред. от 24.06.2023) «О Межведомственной комиссии при Правительстве Республики Марий Эл по профилактике правонарушений» // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

[2] Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 1. - ст. 15; 2025. - N 12. - ст. 1203.

[3] См.: Сазин С.Т. Деятельность Следственного комитета по борьбе с коррупцией как механизм защиты прав и свобод человека и гражданина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С.

Поэтому в части функционального предназначения данные органы во многом схожи со статусом региональных управлений МВД РФ.

На фоне МВД РФ и Следственного комитета РФ система органов Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) наделена максимально узкими мониторинговыми полномочиями, которые не получили нормативного закрепления на федеральном уровне[1]. Общим признаком между ними является функция по непосредственной работе с коррупционными преступлениями, т.е. сбором информации, необходимой для национальной системы антикоррупционного мониторинга. При этом органы ФСБ должны взаимодействовать с другими органами государственной власти, что проявляется во включении представителей региональных управлений ФСБ в состав специализированных советов по безопасности, формируемых субъектами федерации. В частности, данный Совет функционирует при Главе (Раисе) Республики Татарстана в качестве консультативного органа[2].

В институциональном плане органы ФСБ занимаются специальным антикоррупционным мониторингом, затрагивающим информацию о коррупции в других правоохранительных органах, а также в отдельных органах регионального и муниципального уровней[3]. В силу такой особенности данное ведомство обладает определённой степенью самостоятельности в сборе соответствующих

251-256; Багмет А.М. Противодействие Следственным комитетом Российской Федерации коррупции в государственных органах // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 21-24.

[1] Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 15. - ст. 1269; 2024. - N 33 (Часть I). - ст. 4945.

[2] Указ Президента Республики Татарстан от 13.09.1999 № УП-719 (ред. от 28.03.2023) «Об образовании Совета Безопасности Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – № 184. - 14.09.1999; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - № 26. - ст. 0652.

[3] См.: Дронов Р.В. Совершенствование деятельности органов ФСБ в сфере противодействия коррупции // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. № 2. С. 24-26; Быков С.А. Функции ФСБ России в борьбе с коррупцией и организованной преступностью // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. № 3. С. 5-8.

сведений с учётом того обстоятельства, что ФСБ находится в непосредственном подчинении Президента РФ.

Таким образом, можно констатировать, что институциональное обеспечение современной системы антикоррупционного мониторинга сопровождается разрозненными нормативно-правовыми актами преимущественно подзаконного характера, устанавливающими разные методики измерения состояния коррупции и анализа имеющейся информации. Следствие такого подхода в субъектах РФ не сложились единые стандарты проведения мониторинговых мероприятий, которые могли бы разрабатываться координационными органами при главе региона. Наиболее оптимальными вариантом решения данной проблемы предлагается принятие кодифицированного акта, определяющего единую методику измерения коррупции, причин, влияющих на её изменение, локализацию, минимизацию и устранение в территориальном масштабе, а также оценку эффективности проводимой антикоррупционной политики.

§ 2. Организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга

Сложившаяся в РФ институциональная система антикоррупционного мониторинга предопределила особенности его организации в предметном и территориальном значении, что, в свою очередь, повлияло на выбор инструментов реализации мониторинговых мер. Несмотря на внешнее разнообразие структур, занимающихся формированием информационной базы для совершенствования мер по противодействию коррупции в субъектах РФ, в организационном измерении они имеют общие черты с федеральным уровнем.

Такое требование отчасти продиктовано действующим российским законодательством, которое не разграничивает общую систему противодействия коррупции от специальной системы антикоррупционного мониторинга. Учитывая то обстоятельство, что в Федеральном законе № 273-ФЗ мониторинговые меры

отображены лишь фрагментарно, а их нормативные основы сконцентрированы преимущественно в региональном законодательстве, складывается дуалистический образ организационно-методических признаков.

Вместе с тем в ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ косвенно прослеживаются определённые отличия между указанными системами. В частности, ч. 5 ст. 5 предусматривает необходимость координации деятельности по противодействию коррупции между федеральными, региональными и местными органами в форме объединений, в состав которых должны включаться представители соответствующих ведомств. Именно таким координационно-административным образованиям предоставлены полномочия по обобщению и анализу сведений о состоянии коррупции. Примечательно, что сами они выступают лишь в качестве субъекта управления, принимающего соответствующие решения, реализацией которых призваны заниматься другие уполномоченные органы.

Исследователи отмечают, что подобный организационный механизм изначально преследовал цель сформировать распределённую систему органов и должностных лиц, тем самым придав её звеньям в определённой степени независимый статус[1]. Однако существующий порядок разграничения полномочий и необходимость согласования не только запланированных действий по измерению коррупции, но и проведению оценки реализации других мер, фактически обеспечили организационную вертикаль между РФ и субъектами федерации[2].

---

[1] См.: Гуцев П.Ю. Государственная власть субъектов Российской Федерации в системе противодействия коррупции. Монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2008. 131 с.; Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 4. С. 5-13; Калижанова М.М. Место и роль органов правосудия и прокуратуры в системе противодействия коррупции // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 11. С. 184-190.

[2] См.: Азаров М.С. Мониторинг информационного обеспечения противодействия коррупции в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Информационное право. 2011. № 1. С. 23-27; Сидоренко Э.Л. Мониторинг коррупции в России:

Формула, заложенная в ч. 5 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ, в полной мере спроецирована на организационную структуру антикоррупционного мониторинга в субъектах федерации, где центральное место занимает координационный совет (комиссия, комитет), функционирующий при высшем органе исполнительной власти (главе региона), а в его состав включены представители как гражданских ведомств, так и правоохранительных органов. При этом ч. 4.1 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ обязывает любой орган (государственный или муниципальный) информировать соответствующие кадровые службы других органов власти и организаций о выявленных коррупционных фактах, связанных с их деятельностью.

Ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ при определении системного взаимодействия между федеральными органами, занимающимися антикоррупционным мониторингом, конкретизирует лишь функции Генеральной прокуратуры. Именно на неё (непосредственно на Генерального прокурора и подчинённых ему прокуроров) возлагаются координационные полномочия в отношении всех правоохранительных органов, включая ФСБ, органы внутренних дел и таможенные органы.

Формирование единообразной системы правового регулирования антикоррупционного мониторинга на всех уровнях территориального управления сопряжено с разработкой общих для всех субъектов РФ нормативно-правовых актов, призванных упорядочить основные организационные отношения. Сами организационно-методические основы представляют собой совокупность правовых норм, регламентирующих не только институциональное взаимодействие и иерархию субъектов, уполномоченных осуществлять антикоррупционный мониторинг, но и комплекс инструментов и приёмов применения мониторинговых мер, что потребует принятия единого федерального

первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 155-162.

нормативно-правового акта, устанавливающего принципы такого организационно-методического обеспечения.

Тем не менее субъекты федерации, обязанные соблюдать отмеченные организационные особенности, наделены правом формировать дополнительные институты антикоррупционного мониторинга.

Например, в рамках правительства Московской области создано Главное управление региональной безопасности, среди задач которого прослеживается антикоррупционный мониторинг[1]. Его возглавляет министр по безопасности и противодействию коррупции, назначаемый губернатором.

В Тульской области функционирует специализированное Министерство по контролю и профилактике коррупционных нарушений[2], которое непосредственно занимается реализацией мер по антикоррупционному мониторингу. При этом требование ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ о необходимости существования подобных структур исключительно на основе взаимодействия с другими органами государственной власти в полной мере отразилось на статусе данного ведомства. В частности, оно выступает в большей степени в качестве исполнительного звена по реализации решений об определённых мониторинговых мерах и аккумулировании информационных данных не только для Администрации области, но и для высших федеральных органов власти.

Помимо организационной составляющей, продиктованной федеральным законодательством, в субъектах РФ прослеживается дублирование методов антикоррупционного мониторинга. Примечательно, что отдельные авторы

---

[1] Постановление Губернатора Московской области от 16.10.2015 № 444-ПГ (ред. от 16.04.2025) «Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Московской области» // Информационный вестник Правительства Московской области. - № 1. - 29.01.2016; Официальный Интернет-портал Правительства Московской области http://www.mosreg.ru, (дата обращения 12.11.2024).

[2] Постановление правительства Тульской области от 31.01.2019 № 37 (ред. от 23.01.2025) «Об утверждении Положения о министерстве по контролю и профилактике коррупционных нарушений в Тульской области» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации http://npatula.ru, (дата обращения 24.01.2025).

отмечают широкую степень самостоятельности органов по противодействию коррупции в выборе инструментария по измерению коррупции[1].

Исследователи традиционно классифицируют все методы осуществления антикоррупционного мониторинга на универсальные и специальные в зависимости от распространённости их применения[2].

В первую группу включены методы, позволяющие в процессе мониторинга получить общие сведения о состоянии коррупции в регионе[3]. Так, основополагающий характер имеет метод сравнительного анализа, с помощью которого проводится ретроспективная оценка степени распространения коррупции за программный период. Как правило, он имеет узкий временной диапазон – от 1 календарного года до трёх лет (по сроку реализации региональных антикоррупционных программ).

Специалисты отмечают, что существующий механизм реализации данного метода значительно устарел и нуждается в качественной переработке в связи с

---

[1] См.: Алексеев С.Л. Механизм реализации антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 13-19; Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С. Превенция противодействия коррупции через систему мер и методов антикоррупционного контроля // В сборнике: Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике в условиях цифровизации. Материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Казань, 2021. С. 26-32.

[2] См.: Молотков Ю.И. Мониторинг как инструмент управления антикоррупционным процессом на уровне субъекта РФ и муниципального района // Развитие территорий. 2016. № 3-4 (6). С. 41-45; Фещенко П.Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 66-71; Казачкова З.М., Казачков В.А. Мониторинг региональных антикоррупционных программ в свете общенациональной антикоррупционной политики // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 58-65.

[3] См.: Бакалдина Е.С., Биджиев В.И. Использование правовые методов противодействия коррупции в системе государственного управления РФ // Научный прогресс. 2016. № 1 (1). С. 55-56; Халяпин В.В., Шахворостов Г.И. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах // Регион: государственное и муниципальное управление. 2015. № 3 (3). С. 8; Белоусов А.А. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2019. Т. 19. № 3. С. 95-97.

невозможностью установления достоверных фактов[1]. Например, под мониторинг не подпадает целый комплекс имущественных объектов, обладающих высокой стоимостью, но не отнесённых к обязательной государственной регистрации. Последняя распространяется лишь на объекты недвижимости, транспортные средства, доли в уставных капиталах коммерческих организаций и отдельные виды ценных бумаг. Отчетность по иным приобретениям не ведётся, а верификация полученных сведений осуществляется в ходе расследования коррупционного правонарушения.

Такая особенность аналитического метода в сравнении разных инструментов измерения коррупции позволяет сделать вывод об ограниченности мониторинговых мер. Кроме того, сбор сведений о реальном состоянии коррупции лишь правоохранительными органами снижает эффективность превентивного воздействия на коррупцию, отчасти способствуя сохранению коррупционных условий в административно-политической среде.

Документарный метод формирования информационных баз о состоянии коррупции и предпринятых мерах противодействия коррупции предполагает исследование непосредственных юридических фактов, образующих в своей совокупности состояние коррупции. Преобладание данного метода в практике правоохранительных органов продиктовано требованиями УПК РФ, следствием чего выступает увеличение объёма материалов уголовного дела, расследуемого по факту коррупции. При этом для осуществления мониторинга требуется лишь формализованная информация, т.е. сведения, облечённые в соответствующую форму отчётности о коррупционных нарушениях, факторах и мерах.

Вопреки представлениям отдельных авторов, доминирование документационных проверок по-прежнему является определяющим способом

---

[1] См.: Буторин Е.А. Сбор и проверка деклараций о доходах государственных служащих, как элемент противодействия коррупции // Научная мысль. 2021. Т. 16. № 2-1 (40). С. 33-37; Каришина И.Е. Повышение качества проверки сведений о расходах как средство предотвращения коррупции // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 22. С. 134-138.

фиксации коррупционных фактов[1]. Если переход на цифровые технологии в административной практике позволяет ускорить процессы по обработке сведений и минимизировать человеческий фактор[2], то в уголовно-процессуальном отношении данная трансформация в РФ преждевременна ввиду отсутствия единых реестров и кадастров.

Помимо этого, антикоррупционный мониторинг, проводимый правоохранительными органами, заключается не только в сборе проверенных сведений о коррупционных фактах (их перепроверка), но и в получении новых данных, которые либо подтверждают, либо опровергают степень распространения коррупции на определённой территории и в определённой сфере. В силу этого увеличение или уменьшение коррупционного риска, которое должны фиксировать органы, занимающиеся профилактикой коррупции, всецело строится на анализе отчётности правоохранительных структур.

Такой характер мер антикоррупционного мониторинга продиктован проблемой совпадения в одном лице субъекта и объекта противодействия коррупции на уровне исполнительной власти. Наиболее наглядно это прослеживается в субъектах РФ, когда высший орган исполнительной власти инициирует и контролирует измерение коррупции в отношении входящих в его систему звеньев. Аналогичным образом построен внутренний мониторинг в отраслевых региональных органах.

Проведение социологических опросов также относится к группе универсальных методов антикоррупционного мониторинга, необходимых для

---

[1] См.: Васильев М.К. Организационно-методические аспекты документальных проверок организаций подразделениями ОВД по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 300-306; Лаврентьева О.О. Административная проверка как способ противодействия коррупции в системе государственной службы // Полицейская деятельность. 2012. № 3. С. 16-19.

[2] См.: Воронцов С.А., Овчинников А.И., Кравченко А.Г., Сеник А.А. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государства, права и экономики: концептуальные и институциональные аспекты. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. 178 с.; Воронцов С.А., Понеделков А.В. Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 124-131.

реализации административных функций органов по противодействию коррупции, для сбора достаточных информационных данных в целях разработки проектов нормативно-правовых актов и государственно-управленческих решений, а также для корректировки антикоррупционных стратегий. Все региональные государственные программы в области борьбы с коррупцией построены на статистических показателях, собранных за определённый период и влияющих на вектор развития антикоррупционной деятельности (акцентуации на определённых мерах профилактики и пресечения коррупционного поведения административными методами).

Вместе с тем такой универсальный метод, как наблюдение за определёнными сферами государственного и муниципального управления, в большей степени имеет формальный характер. При этом для его применения законодательство не требует наличие соответствующей методики измерения.

Так, в п. 18 Указа Президента РФ № 309 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции"[1] сделана отсылка на ч. 3 ст. 7 Федерального закона № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности"[2]. Основанием проведения соответствующих мероприятий служит запрос от уполномоченного субъекта из федеральной системы противодействия коррупции. Тем самым оперативное наблюдение, равно как и иные оперативно-розыскные меры, служат информационным основанием для принятия управленческих решений (о назначении на определённые должности, о соблюдении антикоррупционных запретов и др.).

Программные методы антикоррупционного мониторинга в субъектах РФ во многом идентичны названным методам, используемым на федеральном уровне.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2013 N 309 (ред. от 11.11.2024) "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - N 14. - ст. 1670; 2024. - N 47. - ст. 7098.

[2] Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оперативно-розыскной деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - N 33. - ст. 3349; 2023. - N 1 (часть I). - ст. 85.

Так, согласно Постановлению Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 г.[1] анализ применяется в ежегодном сборе информации о соблюдении антикоррупционных запретов, установленных административным и уголовным законодательством для целого ряда лиц (государственных и муниципальных служащих, отдельных руководителей публичных организаций, а также организаций, задействованных в реализации государственных и муниципальных функций). Также он используется при синтезе обращений, поступающих от граждан, и при мониторинге закупок для государственных и муниципальных нужд.

Проведение на регулярной основе специальных социологических опросов населения с возможным определением целевых групп является обязательным методом формирования антикоррупционного мониторинга и его последующей корректировки высшими органами государственной власти Республики Татарстан. В этой связи такой метод конкретизирован под мониторинг противодействия деловой коррупции в форме организации приёма лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Причём общение с данными субъектами возложено не только на органы местного самоуправления, но и на все республиканские органы власти.

Примечательно, что на федеральном уровне подобной конкретизации данного метода не наблюдается. Однако общение между представителями предпринимательского сектора с высшими федеральными органами власти происходит не только через представительные институты (общественные объединения, ассоциации, фонды, обладающие соответствующим правом), но и специально созданные подразделения (Уполномоченный по правам

---

[1] Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 № 512 (ред. от 08.10.2024) "Об утверждении государственной программы "Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 - 2025 годы " // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2014. - № 58-59. - ст. 1789; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - N 73 (Часть II). - ст. 2241.

предпринимателей, рабочая группа по вопросам совместного участия в противодействии коррупции представителей бизнес-сообщества и органов государственной власти при президиуме Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции). Вне мониторинга законодательство допускает прямое обращение предпринимателей в соответствующие федеральные структуры.

На примере региональной практики организации антикоррупционного мониторинга можно проследить отдельные специальные методы, задействованные в практике органов исполнительной власти и местного самоуправления. Отсюда можно прийти к выводу, что непосредственного применения в работе правоохранительных органов такие методы не получили в силу их узкой направленности.

Например, в Республике Татарстан, как в целом ряде субъектов РФ (Нижегородская область, Республика Башкортостан, Камчатский край, Пензенская область и др.), постепенно внедряется метод оценки коррупционных рисков. Последние трактуются в правовом смысле в качестве тех сфер государственного[1] и муниципального управления[2], которые подвержены

---

[1] См., например: Приказ Минэкономики Республики Татарстан от 10.11.2021 N 442 "Об утверждении Перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан в Министерстве экономики Республики Татарстан, замещение которых связано с коррупционными рисками, при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей"; Приказ Управления Гостехнадзора Республики Татарстан от 11.08.2021 N 01-05/205-пр "Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан в Управлении Гостехнадзора Республики Татарстан, замещение которых связано с коррупционными рисками, при замещении которых государственные гражданские служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей".

[2] См., например: Решение Алексеевского районного Совета от 16.02.2016 N 34 (ред. от 22.06.2018) "Об утверждении перечня должностей муниципальной службы Алексеевского муниципального района, замещение которых связано с коррупционными рисками".

наибольшему количеству коррупционных проявлений (по итогам мониторинга), а также видов деятельности, в отношении которых установлен публичный контроль[1] (ЖКХ, образование, здравоохранение, транспорт и др.). Подобная оценка должна производиться на систематической основе, что предполагает регулярный пересмотр степени риска, т.е. осуществляется постоянно, являясь основополагающим признаком мониторинга.

Впрочем, не все методы антикоррупционного мониторинга можно однозначно идентифицировать в рамках рассмотренной классификации. Некоторые из них с разной степенью эффективности применяются и на федеральном, и на региональном, и на муниципальном уровне, но с определённой долей специфики. Наглядным примером такого метода служит государственно-общественное партнёрство, которое нередко обозначается исследователями в качестве «общественного мониторинга»[2].

Большинство субъектов РФ обязаны отслеживать состояние институтов гражданского общества в части их вовлечения в процесс по противодействию коррупции. Данная задача, как правило, реализуется посредством мониторинга сообщений, которые напрямую исходят от рядовых граждан и организаций через специальные каналы связи (в Республике Татарстан действует система «Народный контроль», различные «горячие линии» и «телефоны доверия»).

---

[1] Постановление Мэра г. Набережные Челны от 29.11.2011 N 764 (ред. от 18.06.2013) "Об утверждении Реестра наиболее коррупционно опасных сфер деятельности органов местного самоуправления и организаций города, оказывающих муниципальные услуги населению, юридическим лицам, также перечня должностей муниципальной службы и организаций города, оказывающих муниципальные услуги населению, юридическим лицам, замещение которых связано с повышенным коррупционным риском в органах местного самоуправления и организациях города муниципального образования город Набережные Челны".

[2] См.: Кабанов П.А. Общественный мониторинг деятельности органов публичной власти как форма общественного контроля в сфере противодействия коррупции // Следователь. 2014. № 11. С. 25-30; Кирпиков А.Н., Нугаев Ф.Ш. Институт общественного наблюдения как инструмент государственного финансового контроля // Научное обозрение. 2016. № 10. С. 161-164; Лютов В.А. Общественный контроль как один из ключевых механизмов противодействия коррупции // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 6-4. С. 179-182.

Вместе с тем учёт мнения общественности является наиболее затратным способом антикоррупционного мониторинга, требующим не только развития соответствующих технологических средств, но и кадровых ресурсов по их обработке и объективизации. В этой связи в уголовно-процессуальном плане анонимные сообщения не имеют юридической значимости и не могут служить основанием для проведения проверок, что сказалось на институциональном дизайне регионального общественного мониторинга.

Так, во многих субъектах РФ общественные организации, задействованные в антикоррупционном мониторинге, должны иметь специальное полномочие, подтверждённое различными административными процедурами (аккредитация, сертификация, включение в особый реестр и т.п.). Например, в Республике Марий Эл реализация общественного мониторинга заключается в усилении внимания к средствам массовой информации и к деятельности лишь отдельных общественных организаций[1].

Достижением многих регионов считается нормативное закрепление обязанности органов власти включать в состав общественных советов и комиссий, в том числе специализированной направленности (при правоохранительных органах), представителей гражданского общества. Как правило, это члены отдельных общественных объединений, уполномоченных на осуществление мониторинга, а также индивидуальные эксперты, аккредитованные тем или иным органом исполнительной власти (преимущественно финансовыми органами) на проведение антикоррупционного аудита.

В формально-юридическом смысле участвовать в деятельности по противодействию коррупции, в том числе в антикоррупционном мониторинге, может широкий круг субъектов: от граждан до общественных объединений.

---

[1] Доклад о деятельности в области противодействия коррупции в Республике Марий Эл в 2018 году// Опубликован на официальном сайте государственной гражданской службы Республики Марий Эл [Электронный ресурс] http://mari-el.gov.ru/publicservice/Pages/info_anticorrup.aspx (доступ – свободный), (дата обращения – 22.01.2022).

Данный вариант содержится в законодательстве Республики Татарстан, Саратовской области, Свердловской области, Республики Саха и ряда других российских регионов. Вместе с тем имеются примеры нормативного ограничения участников государственно-общественного партнёрства при реализации антикоррупционного мониторинга.

В частности, ст. 5 Закона от 22.09.2015 № 127-З «Об общественном контроле в Нижегородской области»[1] наделяет подобными полномочиями лишь тех, кто перечислен в диспозиции данной нормы:

- общественные палаты и советы, функционирующие в муниципалитетах и при отраслевых органах власти;

- общественные инспекции;

- группы общественного контроля.

Они правомочны реализовать отдельные мониторинговые задачи только теми методами, которые предписаны административными актами (программами и стратегиями), и исключительно по основаниям, сформулированным в федеральном законодательстве. При этом прозрачного механизма признания правосубъектности общественных неправительственных организаций в статусе участников антикоррупционного мониторинга в законодательстве Нижегородской области не сложилось.

Таким образом, организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга в РФ представляют собой централизованную систему сбора информации административно-правового и уголовно-процессуального характера об определённых категориях лиц, сферах, подверженных частым коррупционным проявлениям, а также об отношении общественности к существующим мерам противодействия коррупции. Несмотря на доминирование федерального элемента

---

[1] Закон Нижегородской области от 22.09.2015 № 127-З (ред. от 07.02.2025) «Об общественном контроле в Нижегородской области» // Нижегородские новости. - № 144 (5707). - 08.12.2015; Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, (дата обращения 07.02.2025).

в правовом регулировании методических и организационных средств, в законодательстве сохраняются пробелы, провоцирующие дефицит нормативного обеспечения в реализации мониторинговых мер. Вследствие этого ряд субъектов РФ предпринимают попытки восполнить правовой вакуум посредством детализации существующих методов антикоррупционного мониторинга. Решение указанной проблемы может послужить выработка единого нормативно-правового акта федерального уровня, устанавливающего общие принципы организации антикоррупционного мониторинга и особенности выбора средств его осуществления в зависимости от территориальных, ведомственных, отраслевых и иных факторов, детализированных нормативно-правовыми актами субъектов РФ.

§ 3. Основные направления совершенствования антикоррупционного мониторинга в Российской Федерации

В специальной литературе отмечается, что сложившийся институт антикоррупционного мониторинга в российской системе противодействия коррупции должен соответствовать трём системным критериям, позволяющим добиться эффективности[1]:

1) прочная нормативно-правовая база, максимально регламентирующая процесс осуществления мониторинга;
2) действующие контрольные механизмы над осуществлением мониторинговых мер;

[1] См.: Павлушкин А.В. Реализация механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 66-79; Кошкина И.В. Антикоррупционный мониторинг – как превентивная мера противодействия коррупции // Экономика, социология и право. 2017. № 1. С. 88-90.

3) обеспечение независимости и прозрачности антикоррупционных проверок, сбора и анализа сведений, а также обобщения информации для принятия и корректировки стратегий по противодействию коррупции.

Следует подчеркнуть, что каждое из указанных направлений сопровождается соответствующим уровнем развития правового регулирования отношений, опосредующих антикоррупционный мониторинг. Без должной законодательной основы и детализирующего подзаконного нормотворчества применительно к данной деятельности невозможно достижение принципа независимости, на котором строится система противодействия коррупции любого государства[1]. При этом указанное требование обозначено в Федеральном законе № 273-ФЗ в качестве юридической обязанности тех органов, должностных лиц и организаций, которые отнесены к категории субъектов, ведущих борьбу с коррупцией.

Вместе с тем теоретические наработки в области антикоррупционного права демонстрируют расхождение позиций учёных по вопросам трансформации законодательной базы.

Так, в одних зарубежных исследованиях говорится о необходимости сохранения статичности правовых норм, регулирующих вопросы противодействия коррупции, в связи с длительностью формирования правосознания, выработки правоприменительной практики и достижения правовых целей[2].

---

[1] См.: Шитова Е.П. Факторы успешного противодействия коррупции в органах государственной власти: мировой опыт // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 2 (24). С. 20-29; Павлов С.Н. Правовые способы обеспечения самостоятельности органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 88-95

[2] См.: Lambsdorff J.G., Taube M., Schramm M. The new institutional economics of corruption. – Routledge, 2004. – Vol. 64. - 272 p.; Kim S., Kim H.J., Lee H. An institutional analysis of an e-government system for anti-corruption: The case of OPEN // Government Information Quarterly. – 2009. – Vol. 26. – №. 1. – pp. 42-50; Huntington S. P. Modernization and corruption // Political corruption: Concepts and contexts. – 2002. – pp. 253-263.

Другие иностранные теоретики констатируют неизбежность нормативных изменений по причине динамики самих коррупционных отношений: появления новых форм коррупции, усложнения коррупционных цепочек, виктимизации коррупционных правонарушений и специфики коррупционных проявлений в различных сферах общественной жизни[1].

Российские исследователи констатируют, что основные субъекты антикоррупционной политики не придают должного значения инструментальной части антикоррупционного мониторинга, который призван оценить результативность деятельности по противодействию коррупции[2]. Вследствие этого отдельные авторы предлагают принять специальный федеральный закон, посвящённый антикоррупционному мониторингу на основе принципа единого правового пространства[3].

Помимо этого, целесообразно разработать на федеральном уровне комплекс подзаконных нормативно-правовых актов, уточняющих принципы применения методики измерения коррупции, анализа её факторов и оценки результативности применения антикоррупционных мер. Тем самым, по справедливому замечанию

---

[1] См.: Misangyi V. F., Weaver G. R., Elms H. Ending corruption: The interplay among institutional logics, resources, and institutional entrepreneurs // Academy of Management Review. – 2008. – Vol. 33. – №. 3. – pp. 750-770; Johnston M. Fighting systemic corruption: Social foundations for institutional reform // The European Journal of Development Research. – 1998. – Vol. 10. – №. 1. – pp. 85-104; Rojas M. Corruption and Weak Institutions // Well-Being in Latin America. – Springer, Cham, 2020. – pp. 155-164.

[2] См.: Шорохов В.Е. Противодействие коррупции и антикоррупционная политика. Москва: Русайнс, 2022. С. 60; Петренко А.В. Антикоррупционная политика как направление государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 1 (54). С. 65; Грибанов Е.В. Антикоррупционная политика государства и технологии предупреждения коррупционных преступлений // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 7.

[3] Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 152.

российских учёных, появится общий национальный перечень показателей антикоррупционного мониторинга[1].

Так или иначе, отсутствие в федеральном законодательстве дефиниции антикоррупционного мониторинга и фрагментарное регулирование его отдельных мер (преимущественно в части сбора информации) предопределило такие недостатки, как пробелы и диссиметрии в праве, а также юридические коллизии.

Критическое отношение к статичности правовых норм, направленных на упорядочение антикоррупционного мониторинга, обосновывается отдельными авторами тем обстоятельством, что наличие одних лишь законов не гарантирует высокую эффективность деятельности по измерению коррупции[2]. Вместе с тем сами нормы могут содержать определённые дефекты, провоцирующие институциональную отсталость, что наглядно прослеживается в региональной практике анализа реального состояния коррупции и использования архаичных методов выявления и профилактики коррупционного поведения.

В частности, проблема формализации антикоррупционного мониторинга выражается в неэффективной реализации такой меры, как сбор сведений посредством декларирования государственными и муниципальными служащими своего имущественного положения (доходов, расходов, имущества, участия близких родственников в предпринимательской деятельности и др.). И на федеральном, и на региональном уровнях прослеживается тенденция к избирательной оценке информации, свидетельствующей о нарушении коррупционных запретов и ограничений. Так, в одних случаях неправильно оформленная должностным лицом декларация может стать основанием для

---

[1] Кабанов П.А. Цели антикоррупционного мониторинга как диагностического инструмента региональной антикоррупционной политики: сравнительно-правовое исследование // Административное и муниципальное право. 2013. № 8 (68). С. 827.

[2] См.: Nasuti P. Administrative Cohesion and Anti-Corruption Reforms in Georgia and Ukraine // Europe-Asia Studies. – 2016. – Vol. 68. – №. 5. – pp. 847-867; De Waal T. Fighting a culture of corruption in Ukraine // Carnegie Europe. – 2016. – Vol. 18. – p. 2016; Hoffmann L. K., Patel R. N. Collective action on corruption in Nigeria: A social norms approach to connecting society and institutions. – London: Chatham House, 2017. – pp. 1-53.

уголовной ответственности, а в других – лишь дисциплинарной[1]. Приобретая массовый характер, данные факты влияют на формирование необъективной ведомственной статистики, которая, в свою очередь, приводит к неверному представлению о реальном состоянии коррупции в определённых сферах и на определённых территориях.

Аналогичным образом в законодательстве сформулирован механизм формирования информационных баз: это полномочие предоставлено лишь отдельным субъектам в зависимости от уровня власти и исключительно по тем основаниям, которые определены нормами права. Как правило, порядок распределения подобных полномочий построен по вертикальному типу, когда глава субъекта РФ, председатель регионального правительства либо руководители отдельных органов исполнительной власти вправе поручить специальным органам оценку сведений о коррупционных фактах. Тем самым происходит правовое совпадение объекта и субъекта антикоррупционного мониторинга.

Например, ст. 3 Закона Республики Татарстан от 19.07.2017 N 57-ЗРТ[2] прямо закрепляет монопольное право Главы (Раиса) РТ инициировать проверку соответствующих сведений в отношении лиц, занимающих муниципальные должности или претендующих на их занятие. Тем самым другие институты противодействия коррупции не могут самостоятельно организовывать данные антикоррупционные проверки, что подчёркивается в названной норме фразой: «решение принимается отдельно в отношении каждого гражданина».

---

[1] Прокуратура обвинила депутатов в коррупции — правительство заявило, что увольнять их не за что [Электронный ресурс] https://ngs.ru/more/65567461/Доступ – свободный, (дата обращения – 20.01.2022).

[2] Закон Республики Татарстан от 19.07.2017 N 57-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение муниципальных должностей, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности, должность главы местной администрации по контракту" // Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2017. - N 55 (часть I). - ст. 2010; 2023. - N 27 (Часть I). - ст. 0772.

Кроме того, сведения собираются лишь в тех пределах, которые обозначены в законах субъектов РФ. Так, в Республике Татарстан в качестве таковых могут быть сведения, поступающие из 4 источников: от органов власти, занимающихся противодействием коррупции (включая правоохранительные органы), от руководящих органов политических партий и других общественных организаций, от общественных палат (федерального и регионального уровней), а также от официальных средств массовой информации (зарегистрированных либо на федеральном, либо на региональном уровне)[1]. Если соответствующая информация о коррупционном факте поступает от других лиц, не названных в указанном перечне (от граждан или от организаций), то она может приобрести юридическое значение только через уполномоченные структуры (например, при обращении в правоохранительные органы)[2].

Ещё одним ограничительным условием реализации мониторинговых полномочий служат сами сведения. Например, в части расходов государственных служащих, нарушающих правовые запреты, могут рассматриваться лишь те действия, которые верифицируемы через систему государственных реестров и кадастров[3]. При этом факт совершения коррупционного нарушения сужен временными рамками отчётного периода, в качестве которого рассматривается

---

[1] Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 № 512 (ред. от 08.10.2024) "Об утверждении государственной программы "Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 - 2025 годы " // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2014. - № 58-59. - ст. 1789; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - N 73 (Часть II). - ст. 2241.

[2] Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О противодействии коррупции в Республике Татарстан" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2006, N 5, ст. 1464; Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. N 27 (Часть I). ст. 0772.

[3] Постановление Правительства Забайкальского края от 19.04.2013 № 140 (ред. от 19.10.2022) "Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных учреждений Забайкальского края, и лицами, замещающими эти должности" // Первоначальный текст документа опубликован в издании "Азия-Экспресс". - № 19. - 08.05.2013.

текущий и предыдущий год, а сама имущественная сделка должна превышать доходы подконтрольного лица за последний трёхлетний цикл[1]. В результате из-за дефектов антикоррупционного аудита, призванного сформировать информационную базу, нарушается назначение антикоррупционного мониторинга, в котором не учитываются многие теневые экономические операции, опосредующие коррупционный оборот.

Акцент в антикоррупционном мониторинге на незначительные (формальные) нарушения законодательства и игнорирование очевидно масштабных коррупционных проявлений значительным образом снижает эффективность данного института в РФ. Наглядно этот дефект проявляется при обнаружении средствами массовой информации иностранного капитала у лиц, занимающих государственные или муниципальные должности, а также бизнес-активов, принадлежащих близким родственникам. Формально подобные обстоятельства не учитываются в информационных ресурсах, обеспечивающих мониторинговые мероприятия, но фактически они муссируются в социуме, формируя негативное отношение к институтам противодействия коррупции.

Более того, такой характер правового регулирования мониторинговых мер сводит его к зависимости от работы правоохранительных органов, ограниченных рамками уголовно-процессуального законодательства. В частности, это означает, что органы предварительного расследования могут выявлять коррупционные интересы либо в рамках возбуждённого уголовного дела на основании постановления следователя (ч. 1 ст. 164 УПК РФ), либо по судебному решению (ч. 2 ст. 164 УПК РФ), либо в пределах доследственной проверки (ст. 144 УПК

---

[1] Закон Санкт-Петербурга от 19.03.2018 № 128-27 (ред. от 23.11.2023) "О проверке достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых Губернатору Санкт-Петербурга гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности в Санкт-Петербурге, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности в Санкт-Петербурге, должность главы местной администрации по контракту" // Опубликован на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] http://www.gov.spb.ru (доступ – свободный), (дата обращения - 10.02.2025).

РФ), что очерчивает информационную базу утверждёнными формами отчётности. Фактические обстоятельства коррупционных нарушений, как правило, остаются за пределами мониторинга.

В отличие от форм антикоррупционного мониторинга, предусмотренного региональным законодательством, мониторинговые меры федерального уровня (при соблюдении императивных требований к их реализации) представляют собой более широкий масштаб действий, направленных на измерение состояния коррупции. Например, недоступные институтам субъектов РФ базы данных в полной мере становятся предметом оценки специальных служб.

Описанный недостаток в правовой науке получил название «диссиметрия права»[1], когда при общем постулировании в законодательстве равенства и обязательности антикоррупционных запретов и ограничений закладывается возможность детализации объектно-субъектного состава регулируемых правоотношений[2].

В результате наблюдается концентрация полномочий по расширению диапазона применения антикоррупционного мониторинга в федеральных органах, поскольку правовое регулирование их деятельности на региональном уровне невозможно. В зарубежной литературе данная модель получила наименование «азиатского» механизма[3], при котором только органы противодействия

---

[1] См.: Рязанова М.Н. Виды дефектов права: к истории проблемы // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2021. Т. 17. С. 18-24; Якушева Н.Е. Дефекты ограничения прав: способы выявления и устранения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 770-773.

[2] См.: Кожевников О.А. Борьба с коррупцией должна начинаться с устранения дефектов антикоррупционного законодательства // Право и образование. 2010. № 3. С. 74-83.

[3] См.: Søreide T., Rose-Ackerman S. Corruption in state administration // Research handbook on corporate crime and financial misdealing. – Edward Elgar Publishing, 2018. pp. 195–218; Locatelli G. et al. Corruption in public projects and megaprojects: There is an elephant in the room! // International Journal of Project Management. – 2017. – Vol. 35. – №. 3. – pp. 252-268.

коррупции способны сформировать надлежащие информационные базы, необходимые для осуществления мониторинга[1].

Указанная правовая особенность предопределила проблему кадровых ресурсов, необходимых для проведения исследований, направленных на измерение реального состояния коррупции. В частности, на региональном уровне значительно различаются возможности в развитии у сотрудников антикоррупционных навыков. Если отдельные субъекты РФ обладают достаточными финансами для их обучения в специализированных учреждениях, в том числе в мировых учебных центрах, то в большинстве регионов данные варианты имеют усечённый характер. Тем не менее, подготовка и переобучение специалистов в большей степени регламентируется федеральным законодательством, что накладывает обязанность федерального бюджета обеспечить реализацию данной функции в равной степени всем региональным подразделениям.

Таким образом, можно обнаружить дисбаланс в кадровых возможностях между региональными и федеральными органами антикоррупционного мониторинга, включая их технические возможности по измерению коррупции, обобщению и использованию полученных сведений в управленческой практике.

Специалисты констатируют, что нормативное расширение полномочий по реализации мониторинговых мер правоохранительными органами напрямую сказывается на их дефиците у иных органов исполнительной власти, призванных предупреждать наступление коррупционных последствий[2].

---

[1] См.: Branco M. C., Delgado C., Turker D. Liability of foreignness and anti-corruption reporting in an emerging market: The case of Turkish listed companies // Journal of Cleaner Production. – 2019. – Vol. 232. – pp. 118-126; Low C.K., Low T.Y. Corporate Criminal Liability and Section 17A of the Malaysian Anti-Corruption Commission Act // Singapore Academy of Law Journal. – 2020. [Электронный ресурс] https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3526595 (доступ – под паролем), (дата обращения – 10.02.2025).

[2] См.: Алексеев С.Л. Механизм реализации антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 13-19; Поляков М.М. Антикоррупционный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 75-81.

Поднятая проблема упирается в выбор национальной модели противодействия коррупции, когда уголовно-процессуальные полномочия либо принадлежат соответствующим правоохранительным органам, либо разделяются между ними и органами антикоррупционного мониторинга, что наблюдается далеко не во многих современных правовых системах. Тем самым, по нашему мнению, трансформация российского законодательства в таком направлении нецелесообразна. В свою очередь, данный вывод обнажает потребность в усилении нормативной основы использования информационно-статистических ресурсов, собранных в ходе осуществления следственной, прокурорской и судебной деятельности, при принятии региональных и федеральных антикоррупционных программ.

Вместе с тем при законодательно закреплённом разделении региональных совещательных органов в области противодействия коррупции от региональных подразделений правоохранительных органов фактическую работу по измерению коррупции ведут органы исполнительной власти. Формально ни одна комиссия (совет, комитет), выполняющая координационные функции в области антикоррупционного мониторинга, не включена в структуру исполнительной власти. Это означает, что их правовой статус, в отличие от статуса иных органов, в полной мере не регламентирован, а существующие в административном законодательстве инструменты объективизации деятельности исполнительной власти на них не распространяются.

Различия в правовом регулировании антикоррупционного мониторинга в субъектах РФ повлияли на необходимость унификации порядка проведения отдельных мониторинговых мер. Так, в большинстве регионов проведение плановых антикоррупционных измерений в отношении государственных органов и организаций ограничено определёнными временными рамками. Учитывая постоянный характер любого мониторинга, представляется целесообразным снять указанный барьер в реализации антикоррупционных задач.

Помимо этого, в региональном законодательстве значительно сужаются полномочия лиц, реализующих мониторинговые меры. Как правило, не конкретизирована юридическая ответственность руководителей государственных и муниципальных органов и организаций за непредоставление соответствующих отчётов, содержащих сведения о состоянии коррупции и результатах применения антикоррупционных мер, за исключением мер дисциплинарного воздействия.

Следует констатировать, что отмеченные в начале данного параграфа критерии обеспечения эффективности антикоррупционного мониторинга сводятся к соответствующим направлениям его совершенствования в РФ, при этом обобщающим средством выступает корректировка действующего законодательства. Распространение полномочий по сбору и анализу сведений о реальном состоянии коррупции на органы исполнительной власти и на координационные образования, функционирующие при главах субъектов РФ, представляется преждевременным в силу уголовно-правового характера самих коррупционных действий. При этом использование информационных ресурсов, которыми располагают правоохранительные органы, предусмотрено федеральным и региональным законодательством, но не сопровождается своей активностью со стороны указанных административных структур в рамках превентивного противодействия коррупции. Поскольку субъекты РФ обладают правом дополнять существующую систему мониторинговых мер, необходимо закрепить в законодательстве, регламентирующем антикоррупционную деятельность, обязанность таких органов согласовывать свои управленческие решения в данном направлении с координационными советами (комиссиями, комитетами), функционирующими при главе региона (при высшем органе исполнительной власти субъекта федерации).

По итогам проведённого в рамках данной главы анализа следует обозначить ряд принципиальных выводов и предложений, характеризующих институциональные, организационные и методические проблемы развития

антикоррупционного мониторинга в системе государственной политики по противодействию коррупции:

1. Институты антикоррупционного мониторинга понимаются в качестве органов и организаций с государственным и негосударственным статусом, наделённых специальными полномочиями по измерению реального состояния коррупции, а также по формированию информационных баз данных для проведения аналитической работы, призванной скорректировать действующую нормативно-правовую базу.

2. Судебные органы собирают статистические данные криминологического характера, в том числе о факторах, способствующих росту коррупционных правонарушений как в отдельно взятой организации (органе), так и применительно к определённой сфере или территории (муниципальное образование). Как известно, исследование причин, детерминирующих коррупцию, в полной мере вкладывается в понятие антикоррупционного мониторинга на региональном уровне. В то же время в сравнении с другими правоохранительными органами спектр судебных антикоррупционных оценок значительно сужен, вследствие чего исследователи не причисляют их к системе антикоррупционного мониторинга.

3. Смещение мониторинговых полномочий по сбору информации в пользу правоохранительных органов обосновывается действующим российским законодательством тем, что любое коррупционное проявление признается правонарушением. При этом подавляющее большинство составов, характеризующих коррупционное поведение, сконцентрированы в УК РФ, что предопределяет особый порядок выявления и пресечения преступных актов. Специфика расследования коррупционных преступлений изначально сопряжена с потребностью в специализированной отчётности, которая во многом формируется методами антикоррупционного мониторинга.

4. Фактическое существование региональных межведомственных комиссий по противодействию коррупции повлияло на выработку такой институциональной

особенности, как необходимость согласования действий различных органов друг с другом. В результате можно констатировать, что институциональное обеспечение современной системы антикоррупционного мониторинга сопровождается пробелами в правовом регулировании и конфликтом полномочий, которые во многом перекрещиваются между различными институтами и координационными объединениями, функционирующими при высших органах исполнительной власти субъектов РФ (советами, комиссиями, комитетами). Они по-прежнему имеют размытую правовую базу.

5. Несмотря на внешнее разнообразие структур, занимающихся формированием и осуществлением мониторинговых мер в субъектах РФ, в организационном измерении они имеют общие черты с федеральным уровнем. Такое требование отчасти продиктовано действующим российским законодательством, которое не разграничивает общую систему противодействия коррупции от специальной системы антикоррупционного мониторинга. Учитывая то обстоятельство, в Федеральном законе № 273-ФЗ мониторинговые меры отображены лишь фрагментарно, а их нормативные основы сконцентрированы преимущественно в региональном законодательстве, складывается дуалистический образ организационно-методических признаков.

6. Субъекты федерации, обязанные соблюдать отмеченные организационные особенности, наделены правом формировать дополнительные институты антикоррупционного мониторинга. Подобные проявления наблюдаются далеко не во всех российских регионах, что позволяет судить о наличии определённой организационной специфики в некоторых субъектов РФ. На примере региональной практики организации антикоррупционного мониторинга можно проследить отдельные специальные методы, задействованные в практике органов исполнительной власти и местного самоуправления. Отсюда можно прийти к выводу, что непосредственного применения в работе органов власти такие методы не получили в силу их узкой направленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования антикоррупционный мониторинг, выступая правовой категорией, представляет собой одно из направлений, включённых в систему действий по реализации антикоррупционного контроля. Такое понимание позволило прийти к выводу о соотношении терминов «контроль коррупции» (обобщающая категория), «антикоррупционный контроль» (специальная категория) и «антикоррупционный мониторинг» (особая категория).

В связи с этим понятие антикоррупционного мониторинга нуждается в корректировке на законодательном уровне. Помимо потребности в установлении данной дефиниции в федеральном законодательстве, прослеживается тенденция к расширению её содержания. Так, мониторинг следует раскрыть в качестве системного сочетания комплексных и специальных мер, направленных на формирование сведений о реальном состоянии коррупции на определённой территории, о качестве применения инструментов по противодействию коррупции в отдельных сферах общественных отношений и об эффективности действующего законодательства.

Мировой опыт организации антикоррупционного мониторинга демонстрирует как устоявшие механизмы его реализации, так и формирующиеся системы. Разграничение сфер публичного управления и ограждение интересов отдельных субъектов являются критериями обеспечения независимости мониторинговых мер. Поиск оптимальных моделей осуществления мониторинговых мер, анализ коррупции и прогноз её развития – принципиальные задачи любого государства, принимающего соответствующее законодательство.

Вместе с тем в международном праве заметен переход от мероприятий общего характера к специальным действиям, позволяющим предупредить и выявить коррупционные факты, осложнённые спецификой определённых общественных отношений. Такой подход позволяет достичь необходимого баланса интересов (административных, политических, экономических,

социальных) посредством постепенного внедрения прозрачных процедур и их результатов. Доступ к собранным сведениям большой группы людей – рядовых или специализированных – признан международно-правовым принципом, который должен развиваться в российском законодательстве.

При этом анализ международно-правовых норм показал, что антикоррупционный мониторинг выступает преимущественно внутригосударственной задачей, вследствие чего он не получил должного универсального механизма правового регулирования. В региональных международных соглашениях предпринята попытка выработать единые стандарты осуществления мониторинга, однако в них прослеживается ярко выраженный организационный характер тех мер, которые направлены на измерение реального состояния коррупции.

Способом, призванным в перспективе снизить влияние негативных факторов на формирование государственной антикоррупционной статистики, является распределённая система анализа данных, построенная на взаимной перепроверке не только сводных отчётов (административных данных), но и первичных сведений. Вместе с тем внедрение подобного механизма в РФ замедляется монопольным положением прокуратуры, формирующей статистические показатели и публикующей соответствующие сведения, что закреплено на международно-правовом уровне (например, в модельном законе СНГ 2013 г.).

Отмеченные в работе особенности федеральной информационной базы в области противодействия коррупции вовсе не означают, что на региональном уровне требуется сохранение монопольного положения прокурорской статистики. Напротив, субъекты федерации выступают непосредственным исполнительским звеном в реализации антикоррупционных стратегий, что возлагает на них обязанность всеобъемлющим образом задействовать имеющиеся статистические средства, включая судебно-статистическую информацию. Проблемы соотношения судебно-статистической и следственно-статистической информации о

коррупционных преступлениях вызваны разницей оценок эффективности деятельности судов и следственных органов. Данное обстоятельство, в целом, объясняет диспропорцию между статистикой предварительного расследования и судебной системы, которую признают высшие должностные лица российских правоохранительных органов.

На национальную судебную систему приходится выработка основных показателей, характеризующих результаты антикоррупционной политики. Осуждение к тому или иному наказанию, наложение иных мер государственного реагирования на субъектов коррупционных правонарушений (гражданско-правовых или административно-правовых) происходит посредством судебного (процессуального) воздействия. Поэтому статистические данные, образующиеся в рамках судебной деятельности, должны предопределять корректировку и дальнейшее развитие антикоррупционного мониторинга.

Судебные органы собирают статистические данные криминологического характера, в том числе о факторах, способствующих росту коррупционных правонарушений как в отдельно взятой организации (органе), так и применительно к определённой сфере или территории (муниципальное образование). Как известно, исследование причин, детерминирующих коррупцию, в полной мере вкладывается в понятие антикоррупционного мониторинга на региональном уровне. В то же время в сравнении с другими правоохранительными органами спектр судебных антикоррупционных оценок значительно сужен.

Смещение мониторинговых полномочий по сбору информации в пользу правоохранительных органов обосновывается действующим российским законодательством тем, что любое коррупционное проявление признается правонарушением. При этом подавляющее большинство составов, характеризующих коррупционное поведение, сконцентрированы в УК РФ, что предопределяет особый порядок выявления и пресечения преступных актов. Специфика расследования коррупционных преступлений изначально сопряжена с

потребностью в специализированной отчётности, которая во многом формируется методами антикоррупционного мониторинга.

Субъекты федерации, обязанные соблюдать отмеченные организационные особенности, наделены правом формировать дополнительные институты антикоррупционного мониторинга. Подобные проявления наблюдаются далеко не во всех российских регионах, что позволяет судить о наличии определённой организационной специфики в некоторых субъектов РФ. На примере региональной практики организации антикоррупционного мониторинга можно проследить отдельные специальные методы, задействованные в практике органов исполнительной власти и местного самоуправления. Отсюда можно прийти к выводу, что непосредственного применения в работе органов власти такие методы не получили в силу их узкой направленности.

В выработке направлений антикоррупционного мониторинга требуется обязательное участие экспертов различного профиля: от узких (при оценке технических и цифровых средств легализации коррупционных капиталов) до широких направлений специализации. Вместе с тем прямого законодательного закрепления указанного метода в действующих нормативно-правовых актах РФ не прослеживается. Следует признать, что правовой образ экспертных оценок заметно отличается от управленческой практики, сформировавшейся в современной региональной системе противодействия коррупции. Как правило, результаты экспертных исследований активно используются в совещательных структурах, которые функционируют при губернаторах.

Фактическое существование региональных межведомственных комиссий по противодействию коррупции повлияло на выработку такой институциональной особенности, как необходимость согласования действий различных органов друг с другом. В результате можно констатировать, что институциональное обеспечение современной системы антикоррупционного мониторинга сопровождается пробелами в правовом регулировании и конфликтом полномочий, которые во многом перекрещиваются между различными

институтами и координационными объединениями, функционирующими при высших органах исполнительной власти субъектов РФ (советами, комиссиями, комитетами). Они по-прежнему имеют размытую правовую базу.

Список использованных источников

Нормативно-правовые акты:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - N 26. -ст. 2780.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2005. - N 2. - с. 3 – 33.
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Бюллетень международных договоров. - N 9. – 2009. - с. 15 – 29.
4. Модельный закон об антикоррупционном мониторинге (принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Постановлением 39-21 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 2014. - N 60 (часть 2).
5. Модельный закон о борьбе с коррупцией (принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 1999. - N 21. - С. 70 - 84.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. - N 11. - ст. 1416.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 2002. - N 1. - ст. 1; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. - N 12. - ст. 1205.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - N 25. - ст. 2954; 2025. - N 9. - ст. 860.
9. Федеральный закон от 03.07.2016 N 324-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. - N 27 (часть II). - ст. 4257.
10. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 1. - ст. 15; 2025. - N 12. - ст. 1203.
11. Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. - N 29. - ст. 3609; 2024. - N 41. - ст. 6059.
12. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. - N 7. - ст. 776; 2022. - N 29 (часть III). - ст. 5237.
13. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - N 52 (ч. 1). - ст. 6228; 2024, N 33 (Часть I), ст. 4928.
14. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"

// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - N 40. - ст. 3822; 2024. - N 51. - ст. 7865.

15. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 07.07.2025) "О системе государственной службы Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - N 22. - ст. 2063; 2024. - N 8. - ст. 1037.
16. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) "О некоммерческих организациях" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - N 3. - ст. 145; 2024. - N 10. - ст. 1307.
17. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оперативно-розыскной деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - N 33. - ст. 3349; 2023. - N 1 (часть I). - ст. 85.
18. Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ (ред. от 28.02.2025) "О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - N 17. - ст. 1455; 2024. - N 1 (часть I). - ст. 45.
19. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 15. - ст. 1269; 2024. - N 33 (Часть I). - ст. 4945.
20. Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 N 326 (ред. от 17.06.2024) "О структуре федеральных органов исполнительной власти" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. - N 20. - ст. 2590; 2024. - N 26. - ст. 3639.
21. Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 N 368 (ред. от 26.06.2023) "Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. - N 22. - ст. 3920; 2023. - N 27. - ст. 4980.

22. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 N 478 (ред. от 26.06.2023) "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. - N 34. - ст. 6170; 2023. - N 27. - ст. 4980.
23. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2013 N 309 (ред. от 11.11.2024) "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. - N 14. - ст. 1670; 2024. - N 47. - ст. 7098.
24. Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2011 № 248 (ред. от 25.07.2025) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 10. - ст. 1334; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 25.07.2025.
25. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 N 96 (ред. от 27.04.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - N 10. - ст. 1084; 2017. - N 29. - ст. 4374.
26. Приказ Минфина России от 12.09.2019 N 145н "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства финансов Российской Федерации" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
27. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.03.2019 N 57 (ред. от 18.03.2025) "Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение

в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации" // Опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru доступ – свободный (дата обращения: 24.03.2025).

28. Приказ МВД России от 21.07.2011 N 865 (ред. от 07.03.2023) "Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации" // Текст приказа опубликован на официальном сайте МВД РФ: https://мвд.рф/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Polozhenie (дата обращения - 28.03.2025).
29. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 N 124 "Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
30. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 N 65 (ред. от 25.06.2025) "Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
31. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2019 N 303 "Об утверждении статистической карточки на подсудимого" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант

плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

32. Приказ Росимущества от 07.05.2019 N 118 "О порядке предоставления периодической отчетности территориальными органами Росимущества" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
33. Приказ Генпрокуратуры России от 25.02.2022 N 114 "Об утверждении и о введении в действие статистического отчета "О реализации органами прокуратуры Российской Федерации отдельных полномочий по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции" по форме К и Инструкции по его формированию"// Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
34. Приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19.03.2009 N 7 "Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности "Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации" в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: федеральное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
35. Закон Калининградской области от 19.11.2021 N 23 (ред. от 27.09.2023) "О контрольно-счетной палате Калининградской области" // Комсомольская правда – Калининград. - N 124-с. - 29.12.2021; N 76. - 03.10.2023.

36. Закон Санкт-Петербурга от 19.03.2018 № 128-27 (ред. от 23.11.2023) "О проверке достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых Губернатору Санкт-Петербурга гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности в Санкт-Петербурге, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности в Санкт-Петербурге, должность главы местной администрации по контракту" // Опубликован на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] http://www.gov.spb.ru (доступ – свободный), дата обращения - 10.01.2025.
37. Закон Республики Татарстан от 19.07.2017 N 57-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение муниципальных должностей, должности главы местной администрации по контракту, и лицами, замещающими муниципальные должности, должность главы местной администрации по контракту" // Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2017. - N 55 (часть I). - ст. 2010; 2023. - N 27 (Часть I). - ст. 0772.
38. Закон Нижегородской области от 22.09.2015 № 127-З (ред. от 07.02.2025) «Об общественном контроле в Нижегородской области» // Нижегородские новости. - № 144 (5707). - 08.12.2015; Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 07.02.2025.
39. Закон Забайкальского края от 02.11.2011 N 579-ЗЗК (ред. от 05.03.2024) "О Контрольно-счетной палате Забайкальского края" // Забайкальский рабочий. - N 220. - 08.11.2011; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru (дата обращения - 06.03.2024).
40. Областного закона Ленинградской области от 17.06.2011 N 44-оз (ред. от 10.02.2023) "О противодействии коррупции в Ленинградской области" // Вестник Законодательного собрания Ленинградской области. - вып. 3. - 15.07.2011; Вести. - N 19. - 10.03.2023.

41. Закон Камчатского края от 18.12.2008 N 192 (ред. от 28.11.2022) "О противодействии коррупции в Камчатском крае" // Официальные Ведомости, N 221-225, 30.12.2008; N 228-229, 08.12.2022.
42. Закона Псковской области от 17.07.2008 N 784-оз (ред. от 13.06.2024) "О противодействии коррупции в органах государственной власти Псковской области и органах местного самоуправления" // Псковская правда. - N 188-189. - 24.07.2008; N 24, 21.06.2024.
43. Закон Нижегородской области от 07.03.2008 N 20-З (ред. от 26.12.2024) "О противодействии коррупции в Нижегородской области" // Правовая среда, N 21(904), 20.03.2008; Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 27.12.2024.
44. Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 N 34-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) "О противодействии коррупции в Республике Татарстан" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2006, N 5, ст. 1464; Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. N 27 (Часть I). ст. 0772.
45. Закон Республики Татарстан от 07.06.2004 № 37-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) «О Счетной палате Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2011. - № 10. - ст. 1207; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - N 27 (Часть I). - ст. 0772.
46. Закон Республики Марий Эл от 03.01.1997 N 13-З (ред. от 19.10.2023) "О Государственной счетной палате Республики Марий Эл" // Собрание законодательства Республики Марий Эл. - 21.02.1997. - N 2. - стр. 11-23; Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф (дата обращения – 19.10.2023).
47. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.01.2019 № 10 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в государственных учреждениях Краснодарского края и организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед

исполнительными органами государственной власти Краснодарского края, а также за реализацией в этих учреждениях и организациях мер по профилактике коррупционных правонарушений» // Кубанские новости. - № 30. - 04.03.2019.

48. Постановление Губернатора Московской области от 16.10.2015 № 444-ПГ (ред. от 16.04.2025) «Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Московской области» // Информационный вестник Правительства Московской области. - № 1. - 29.01.2016; Официальный Интернет-портал Правительства Московской области http://www.mosreg.ru, 16.04.2025.
49. Указ Главы Республики Марий Эл от 15.10.2015 № 287 (ред. от 06.07.2022) «Об утверждении Положения об управлении Главы Республики Марий Эл по профилактике коррупционных и иных правонарушений» // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф, 19.10.2015; Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф, 07.07.2022.
50. Указ Президента Республики Татарстан от 13.10.2015 N УП-986 (ред. от 23.09.2023) "О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2015. - N 78. - ст. 2688; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 12.05.2025. - N 73 (Часть II). - ст. 2236.
51. Указ Президента Республики Татарстан от 19.03.2015 № УП-298 «О внесении изменений в состав Комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности Республики Татарстан и состав Совета при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов

республиканских органов исполнительной власти. - 10.04.2015. - № 27-28. - ст. 0964.

52. Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 N УП-148 (ред. от 26.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Ведомости Государственного Совета Татарстана, 2011, N 3, ст. 284; Собрание законодательства Республики Татарстан, 08.08.2023, N 59, ст. 1772.
53. Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 N УП-127 "О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан" // Республика Татарстан. - NN 74-75. - 14.04.2005.
54. Указ Президента Республики Татарстан от 13.09.1999 № УП-719 (ред. от 28.07.2023) «Об образовании Совета Безопасности Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – № 184. - 14.09.1999; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - № 26. - ст. 0652.
55. Постановление Правительства Ульяновской области от 24.08.2022 N 478-П (ред. от 04.12.2024) "Об утверждении областной программы "Противодействие коррупции в Ульяновской области" // Ульяновская правда. - N 66(24537). - 09.09.2022; N 83(24752). - 20.12.2024.
56. Постановление правительства Тульской области от 31.01.2019 № 37 (ред. от 23.01.2025) «Об утверждении Положения о министерстве по контролю и профилактике коррупционных нарушений в Тульской области» // Сборник

правовых актов Тульской области и иной официальной информации http://npatula.ru, 24.01.2025.

57. Постановление Правительства Республики Дагестан от 29.12.2018 N 206 (ред. от 12.10.2023) "Об утверждении государственной программы Республики Дагестан "О противодействии коррупции в Республике Дагестан" // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан http://pravo.e-dag.ru, 13.10.2023.
58. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 № 512 (ред. от 08.10.2024) "Об утверждении государственной программы "Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 - 2025 годы " // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2014. - № 58-59. - ст. 1789; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2023. - N 73 (Часть II). - ст. 2241.
59. Постановление Правительства Забайкальского края от 19.04.2013 № 140 (ред. от 19.10.2022) "Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей государственных учреждений Забайкальского края, и лицами, замещающими эти должности" // Первоначальный текст документа опубликован в издании "Азия-Экспресс". - № 19. - 08.05.2013.
60. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 N 463 (ред. от 04.07.2023) "О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а

также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами" // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 06.07.2011, N 25, ст. 1081; Собрание законодательства Республики Татарстан, 14.07.2023, N 52, ст. 1551.

61. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 16.03.2010 № 62 (ред. от 24.06.2023) «О Межведомственной комиссии при Правительстве Республики Марий Эл по профилактике правонарушений» // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
62. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.12.2009 N 883 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы отдельных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
63. Постановление Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 N 685 (ред. от 28.10.2022) "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области" // Правовая среда. - N 100(1086). - 08.10.2009: Нижегородские новости. - N 74(6431), 09.12.2022.
64. Приказ Минэкономики Республики Татарстан от 10.11.2021 N 442 "Об утверждении Перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан в Министерстве экономики Республики Татарстан,

замещение которых связано с коррупционными рисками, при замещении которых государственные гражданские служащие Республики Татарстан обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

65. Приказ Управления Гостехнадзора Республики Татарстан от 11.08.2021 N 01-05/205-пр "Об утверждении перечня должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан в Управлении Гостехнадзора Республики Татарстан, замещение которых связано с коррупционными рисками, при замещении которых государственные гражданские служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
66. Приказ Минсельхозпрода Республики Татарстан от 20.05.2019 N 108/2-пр "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

67. Приказ Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан от 15.04.2019 N 17 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
68. Решение Алексеевского районного Совета от 16.02.2016 N 34 (ред. от 22.06.2018) "Об утверждении перечня должностей муниципальной службы Алексеевского муниципального района, замещение которых связано с коррупционными рисками" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).
69. Постановление Главы муниципального образования "Новошешминский муниципальный район" от 30.12.2013 N 53 "О проведении антикоррупционного мониторинга мероприятий по противодействию коррупции в органах местного самоуправления Новошешминского муниципального района" // Шешминская новь. - N 6. - 29.01.2014.
70. Постановление Главы муниципального образования "Бавлинский муниципальный район" от 25.06.2013 N 110 "Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Бавлинского муниципального района Республики Татарстан" // Слава труду. - N 63. - 21.08.2013.
71. Решение Бугульминского горсовета от 21.02.2013 N 5 "О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга на территории муниципального образования город Бугульма Бугульминского муниципального района" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале

«Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

72. Постановление Мэра г. Набережные Челны от 29.11.2011 N 764 (ред. от 18.06.2013) "Об утверждении Реестра наиболее коррупционно опасных сфер деятельности органов местного самоуправления и организаций города, оказывающих муниципальные услуги населению, юридическим лицам, также перечня должностей муниципальной службы и организаций города, оказывающих муниципальные услуги населению, юридическим лицам, замещение которых связано с повышенным коррупционным риском в органах местного самоуправления и организациях города муниципального образования город Набережные Челны" // Документ опубликован не был, размещён на справочно-правовом портале «Консультант плюс: региональное законодательство [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/regbase (доступ - под паролем).

Судебная практика:

73. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. - № 9; Российская газета. - № 296. - 31.12.2019.
74. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 08.12.2010 "О некоторых вопросах практики рассмотрения судами дел о преступлениях коррупционной направленности" // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».
75. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв.

Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».

76. Обзор практики применения судами в 2014 - 2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. - № 8.
77. Обзор практики по рассмотрению в 2012 - 2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2014) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2014. - № 9.
78. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года N 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. - № 12.
79. Постановление Верховного Суда РФ от 01.07.2019 N 18-АД19-25 «Дело направлено на новое рассмотрение, поскольку вопрос о том, была ли включена замещаемая должность в соответствующий перечень должностей, замещение которых связано с коррупционными рисками, судом исследован не был» // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».
80. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 N 4-КГ19-89 «О признании незаконными заключения служебной проверки и приказа об увольнении,

восстановлении на службе, взыскании компенсации морального вреда, денежного довольствия за период вынужденного прогула, расходов на оплату услуг представителя» // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».

81. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2009 по делу N 58-Г09-12 «Об отмене решения Хабаровского краевого суда от 30.06.2009 о признании недействующими пунктов 1.1, 2.2, 2.3, 3.2 в части слов "территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления" Положения о совете при Губернаторе Хабаровского края по противодействию коррупции, утвержденного постановлением Губернатора Хабаровского края от 07.04.2009 N 36» // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».
82. Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 N 49-Г03-5 «Заявление о признании п. 4 ст. 10 Закона Республики Башкортостан "О борьбе с коррупцией" от 13.10.1994 незаконным и не подлежащим применению удовлетворено правомерно, поскольку оспариваемое положение противоречит федеральному законодательству и нарушает права заявителя на владение, пользование и распоряжение принадлежащими ему ценными бумагами» // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».
83. Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2001 N КАС01-296 «В принятии к рассмотрению жалобы на бездействие Президента РФ по принятию мер к ликвидации коррупции и обеспечению законности со стороны органов государственной власти в системе ЖКХ РФ отказано правомерно, так как заявленное требование отнесено гражданским процессуальным законодательством к подсудности районного суда» // Документ официально не опубликован, текст размещён в электронной справочно-правовой системе «Консультант Плюс».

Монографии и учебные работы:

84. Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности: монография / Ю. Г. Наумов, Д. Л. Севастьянов, Ю. В. Латов, М. С. Русанов. – Москва: Изд-во РГАУ - МСХА, 2019. – 132 с.
85. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное планирование: теоретические основы и правовое регулирование в субъектах Российской Федерации. - Казань: Познание, 2021. - 328 с.
86. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование, классификация. Казань: Изд-во «Познание», 2014. 80 с.
87. Веблен, Т. Теория праздного класса. Пер. с английского / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
88. Воронцов С.А., Овчинников А.И., Кравченко А.Г., Сеник А.А. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государства, права и экономики: концептуальные и институциональные аспекты. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. 178 с.
89. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография в 2 томах / Сулакшин С. С. и др. – Москва: Научный эксперт, 2008. - Т. 1. – 462 с.
90. Гуцев П.Ю. Государственная власть субъектов Российской Федерации в системе противодействия коррупции. Монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2008. 131 с.
91. Елисеева И.И. Очерки по истории государственной статистики России / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев. - Санкт-Петербург: Росток, 2016. – 287 с.
92. Зорин А.В. Политическая преступность: криминологический анализ: монография / А. В. Зорин. - Москва: Юрлитинформ, 2019. – 166 с.
93. Кабанов П.А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее вопросы представления, проверки и обнародования сведений об имущественном положении

отдельных категорий лиц: монография / П. А. Кабанов. - Нижний Новгород: НА МВД России, 2020. – 252 с.

94. Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 181 с.
95. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования: исследовательский отчет / Мария Шклярук и др.; Ин-т проблем правоприменения. - Санкт-Петербург: Норма, 2015. - 121 с.
96. Кузнецова О.А. Противодействие коррупции в зарубежных странах: культурно-правовые аспекты. - Москва: РУДН, 2021. 184 с.
97. Любкина Н.А. Коррупция в России: политико-правовые принципы и направления противодействия: монография. - Москва: Русайнс, 2017. – 159 с.
98. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
99. Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство / Антология под ред. Д. Антисери и М. Балдини. – СПб.: Пневма, 1999. – 196 с.
100. Нараев В.Н., Аркин П.А., Гуркин А.Б. Профилактика проявления коррупции. Возможные последствия для общества. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2008. 64 с.
101. Наумов Ю.Г., Севастьянов Д.Л., Латов Ю.В., Русанов М.С. Антикоррупционный мониторинг как фактор обеспечения национальной безопасности. - Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2019. – 150 с.
102. Норт, Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (Institutions, Institutional Change and Economic Performance, 1990) / Д.С. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.

103. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, А. М. Цирин [и др.]. — Москва: Проспект, 2019. –224 с.
104. Позднякова Е.В. Административно-правовая трансформатика: безопасность граждан и профилактика коррупции. Москва: Московский гуманитарный университет, 2015. 142 с.
105. Пономарев Н.С. Механизм противодействия коррупции: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Юрлитинформ, 2021. 440 с.
106. Правовое регулирование финансового мониторинга: (российский и зарубежный опыт) / М. М. Прошунин. - Москва: Российская академия правосудия, 2010. – 342 с.
107. Руденкин В.Н. Борьба с коррупцией: опыт США. Екатеринбург: Уральский институт экономики, управления и права, 2009. 531 с.
108. Рукина, И.М. Коррупция и справедливость в современной экономике: монография / И. М. Рукина, Д. С. Петросян. - Москва: РУСАЙНС, 2020. – 164 с.
109. Румянцева Е.Е. Механизмы противодействия коррупции / Е. Е. Румянцева. - 2-е изд., доп и испр. - Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 126 с.
110. Сергеева С.А. Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга реализации государственной политики регламентации закупок (на примере г. Москвы). Монография. – Москва: КноРус, 2020. 138 с.
111. Уткин В.А. Оптимизация противодействия коррупции в правоохранительной деятельности: монография / В. А. Уткин. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 163 с.
112. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. - Москва: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 160 с.
113. Фадеев А.В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: монография / А. В. Фадеев. - Москва: Юрлитинформ, 2015. – 173 с.

114. Черемисина Н.В. Статистический учет теневой экономики региона: теория и практика: монография / Н. В. Черемисина. - Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. – 162 с.
115. Чернышева Е.В. Психология коррупционного поведения: монография / Е. В. Чернышева. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018. – 159 с.
116. Шорохов В.Е. Противодействие коррупции и антикоррупционная политика. Москва: Русайнс, 2022. 90 с.

Статьи в периодических и непериодических изданиях:

117. Абадиев А. М. Теневизация и дисфункциональность институционально-правового порядка как акторы развития коррупционных отношений // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 5. С. 13-15.
118. Абдулаев А.Х. Особенности исторической эволюции государственных институтов в сфере противодействия коррупции в России // Вопросы политологии. 2017. № 3 (27). С. 25-34.
119. Авдецкий А.Г. Об эффективности противодействия коррупции на уровне региональных элит // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 1 (80). - С. 137-141.
120. Азаров М.С. Мониторинг информационного обеспечения противодействия коррупции в деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Информационное право. 2011. № 1. С. 23-27.
121. Алексеев С.Л. Механизм реализации антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 13-19.
122. Алексеев С.Л. Оценка антикоррупционного контроля в системе обеспечения экономической безопасности российских регионов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 10. С. 65-71.

123. Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С. Превенция противодействия коррупции через систему мер и методов антикоррупционного контроля // В сборнике: Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике в условиях цифровизации. Материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Казань, 2021. С. 26-32.
124. Алышова, А.Е. Проведение антикоррупционного мониторинга / А.Е. Алышова, Д.С. Парамонова // Новая наука: От идеи к результату. - 2016. - № 12-3. - С. 180-181.
125. Аминов И.Р., Фахретдинова Р.Р. Перспективы развития независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4 (50). С. 13-15.
126. Андрюхина О.В. Антикоррупционный мониторинг как один из элементов противодействия коррупции в России // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). С. 108-110.
127. Андрюшечкина И.Н. Использование нормативно-справочной информации судебного делопроизводства для задач ведения судебной статистики // Правовая информатика. 2019. № 3. С. 21-40.
128. Анохина А.А., Донская Е.Н. Институциональная теория права и правовой культуры // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 1 (30). С. 62-65.
129. Аракелян А.А. Опыт борьбы с коррупцией в Швейцарии // Синергия Наук. 2019. № 32. С. 910-914.
130. Аронова А.О. Проблемные аспекты квалификации и применения уголовного законодательства в области коррупции // В сборнике: Наука и инновации XXI века. Сборник статей по материалам V Всероссийской конференции молодых ученых. В 3-х томах. 2018. С. 87-89.

131. Астанин В.В. Антикоррупционный мониторинг в Российской Федерации: цели, задачи и содержание // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 2-4.
132. Астанин В.В. Научно-экспертное сопровождение противодействия коррупции в системе мониторинга правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 48-52.
133. Астафьева Е.М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1 (702). С. 52-59.
134. Астахова М.А. Международные нормативные основы антикоррупционного мониторинга: особенности структуры и содержания // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 11 (137). С. 1-5.
135. Ахунов Д.Р. Пробелы противодействия коррупции, обусловленные современными условиями урбанизации (на примере Республики Татарстан) // В сборнике: Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции. Материалы Всероссийского круглого стола. 2019. С. 85-88.
136. Аюпов А.А., Алексеев С.Л. Теоретические концепты понятия «антикоррупционный контроль» в системе экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4-2 (52). С. 20-23.
137. Бабелюк Е.Г., Савин С.Д., Щепельков В.Ф. О национальной системе мониторинга эффективности противодействия коррупции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5. С. 613-621.
138. Багмет А.М. Противодействие Следственным комитетом Российской Федерации коррупции в государственных органах // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 21-24.
139. Багмет А.М. Роль органов прокуратуры в организации выявления и противодействия организованной преступности и коррупции // Южноуральский юридический вестник. 2006. № 5. С. 56-58.

140. Бакалдина Е.С., Биджиев В.И. Использование правовые методов противодействия коррупции в системе государственного управления РФ // Научный прогресс. 2016. № 1 (1). С. 55-56.
141. Баркатунов В.Ф., Подосинников Е.Ю. Мониторинг и экспертная оценка исполнения отдельных положений национального плана по противодействию коррупции // Политика, экономика и инновации. 2017. № 1 (11). С. 6.
142. Басова Т.Б., Антропов В.С. Законодательное противодействие преступным проявлениям коррупции в Японии // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. Т. 19. № 4. С. 107-117.
143. Бахаев А.М. Место и роль прокуратуры в борьбе с коррупцией // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 48-49.
144. Белоусов А.А. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2019. Т. 19. № 3. С. 95-97.
145. Беляев А.Д. Проблемы совершенствования правовой регламентации и практики осуществления правовой и антикоррупционной экспертизы // Современное право. 2020. № 10. С. 45-50.
146. Бикеев И.И., Дудко Е.В., Кабанов П.А., Плаксимова А.Н., Хайрутдинова Л.Р. Мониторинг взаимодействия органов публичной власти Республики Татарстан с институтами гражданского общества при реализации государственной политики противодействия коррупции: результаты социологического исследования // Следователь. 2013. № 10. С. 2-4.
147. Бикеев И.И., Кабанов П.А., Маклакова А.Н., Мингалеев И.И., Цыганова А.Н. Мониторинг государственной антикоррупционной политики в Республике Татарстан: результаты независимой экспертной оценки // Следователь. 2012. № 2. С. 2-7.
148. Бикеев И.И., Кабанов П.А., Маклакова А.П., Панкратов А.Ю. Антикоррупционный мониторинг: вопросы организации и проведения // Следователь. 2012. № 10. С. 19-22.

149. Бикеев И.И., Хайрутдинова Л.Р. Мониторинг состояния вовлечённости представителей институтов гражданского общества в деятельность специализированных антикоррупционных органов министерств и ведомств Республики Татарстан // Следователь. 2012. № 9. С. 11-15.
150. Благова А.А., Денисов Н.Л. Коррупция как объект воздействия уголовно-правовыми мерами // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 2. С. 28-31.
151. Бондарь А.Г. Процессуальные особенности и проблемные вопросы квалификации мошенничества с «окраской коррупции» // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 279-280.
152. Бородина О. Вопросы организации антикоррупционной экспертизы нормативных документов // Юрислингвистика. 2020. № 16 (27). С. 11-15.
153. Булатенко М.А., Синякина А.С. Анализ современного состояния коррупции как угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности в России // Финансовый бизнес. 2021. № 2 (212). С. 15-21.
154. Буторин Е.А. Сбор и проверка деклараций о доходах государственных служащих, как элемент противодействия коррупции // Научная мысль. 2021. Т. 16. № 2-1 (40). С. 33-37.
155. Бухарев А.В. Особенности правового регулирования противодействия коррупции в судах общей юрисдикции // Администратор суда. 2012. № 1. С. 34-37.
156. Быков С.А. Функции ФСБ России в борьбе с коррупцией и организованной преступностью // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. № 3. С. 5-8.
157. Вагнер К.Р., Сосновская Л.Р. Лексемы как языковые единицы в законодательстве об антикоррупционном мониторинге // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 62-65.
158. Вагнер К.Р., Сосновская Л.Р. Роль терминов в языке права // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 65-67.

159. Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex russica (Русский закон). 2020. № 4 (161). С. 103-116.
160. Васильев Д.С. Судебная статистика и корпоративная культура российских судов // Право и политика. 2020. № 12. С. 34-49.
161. Васильев М.К. Организационно-методические аспекты документальных проверок организаций подразделениями ОВД по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 300-306.
162. Васьков М.А., Григорян Д.К., Гайденко С.П., Бутова А.С. Опыт, принципы, социальный и политический контекст борьбы с коррупцией в США // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 135-139.
163. Вафин, Э.Я. Меры предупреждения коррупционных проявлений в отделении ПФР по Республике Татарстан // Economics. - 2018. - № 1 (33). - С. 27-29.
164. Ветров П.В. Основные подходы противодействия коррупции в деятельности российских судов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 110-115.
165. Волженская Н.А. Коррупция в сфере здравоохранения // Вестник современных исследований. 2019. № 2.14 (29). С. 4-7.
166. Волоколупова В.А., Сенцов А.С. Компаративистские аспекты противодействия взяточничеству в странах Европы с наименьшим уровнем восприятия коррупции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 37-42.
167. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 124-131.
168. Воротилин Е.А. Онтология права в теории институционализма // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 5. С. 42-47.

169. Вяткина Г.О., Артамонов А.Н. Государственное управление: совершенствование механизмов противодействия коррупции // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 72-78.
170. Гагаев Ф.Р. Мониторинг правоприменения как институт системы профилактики коррупции // В сборнике: Труды юридического факультета. Т. XI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты). материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых. 2019. С. 312-315.
171. Газимагомедов М.А. Вопросы теории статистики судебных решений в уголовном процессе // Право и управление. 2021. № 2. С. 73-77.
172. Гафарова В.А. Опыт применения программно-целевого метода борьбы с коррупцией в Республике Татарстан // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). С. 215-218.
173. Гилязутдинова С.Р., Акимова Н.В. Особенности детерминации коррупции в России // В сборнике: Легализация предметов, приобретенных преступным путем, как разновидность и итог коррупции. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Б.В. Яцеленко. Москва, 2021. С. 22-25.
174. Голубева Т.Г. Антикоррупционный мониторинг: содержание и предложения по преодолению проблем реализации // История, теория, практика российского права. 2023. № 16. С. 193-196.
175. Глухова А.А., Теунаев А.С.У. Мониторинг антикоррупционной деятельности в органах, организациях и подразделениях МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 117-127.
176. Головко И.И. Проблемы возмещения ущерба, причиненного преступлениями коррупционного характера // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 204-205.

177. Голубева Т.Г., Шебзухова Т.А. Мониторинг коррупционных рисков и угроз как инструмент реализации государственной антикоррупционной политики в Российской Федерации // Современная наука и инновации. 2018. № 1 (21). С. 141-144.
178. Гравина А.А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 5 (197). С. 79-89.
179. Грибанов Е.В. Антикоррупционная политика государства и технологии предупреждения коррупционных преступлений // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 6-9.
180. Григорян Д.К. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход / Д.К. Григорян, А.А. Крицкая, И.В. Киселев. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2018. - № 2 (93). - С. 140-145.
181. Губанова Е.В. Пути адаптации национального уголовного закона нормам Конвенции ООН против коррупции // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2010. Т. 23. № 2-4. С. 203-204.
182. Гуляева Е.А. Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 127-132.
183. Гущина Н.А. Независимость судей и проблемы коррупции в судах // Современное право. 2015. № 11. С. 82-88.
184. Давыдова Н.Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2019. № 6. С. 26-29.
185. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 4 (57). С. 33-42.
186. Демидченко Ю.В., Кагульян Э.А. Актуальные практические проблемные аспекты института возвращения уголовного дела прокурору // Наука и

образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10 (113). С. 127-129.

187. Дмитриева М.С. Коррупция и её предупреждение в сфере размещения и исполнения государственных заказов // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 116-120.
188. Дроздова Е.А., Лосева С.Н. Что можно имплементировать в законодательство Российской Федерации? Положительный опыт противодействия коррупции в Королевстве Дания // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 116-118.
189. Дронов Р.В. Совершенствование деятельности органов ФСБ в сфере противодействия коррупции // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. № 2. С. 24-26.
190. Дудко И.Г. Доктринальные и законодательные проблемы парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 2 (10). С. 128а-132.
191. Душков Д.А., Орлова Е.А., Шитова Е.П. Экспертная оценка мер по совершенствованию методов борьбы с коррупцией в современной России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 3 (21). С. 13.
192. Евдокимов Е.А. Мониторинг реализации мер по противодействию коррупции // В сборнике: Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 2019. С. 220-223.
193. Езерская А.И. Институт контрольной власти в современной России как средство борьбы с коррупцией // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 8 (133). С. 242-248.
194. Елисеева И.И. Что происходит с российской государственной статистикой? // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 69-80.

195. Епихин А.Ю. Основные тенденции противодействия коррупции в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2018. Т. 28. № 1. С. 110-113.
196. Ерохина Ю.В. Проблемы информационного обеспечения противодействия коррупции // Правовая информатика. 2014. № 3. С. 21-27.
197. Ефимовский А.В., Молчанова М.В., Стремоухова И.В., Стебенева Е.В. Анализ основных коррупциогенных факторов и приоритетных мер противодействия коррупции (на основе исследования экспертных оценок) // В книге: Основные направления предупреждения коррупционных правонарушений сотрудников органов внутренних дел. Ефимовский А.В., Молчанова М.В., Стремоухова И.В., Клишков В.Б., Стебенева Е.В., Юренкова В.А. методическое пособие. Санкт-Петербург, 2015. С. 6-26.
198. Жуковский А.Г. Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1. С. 940-955.
199. Загарских Т.А., Домрачева Л.П. Аникоррупционный аудит как форма контроля эффективности антикоррупционной деятельности // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2018. № 1. С. 80-97.
200. Закирова Л.Ф. Роль судебной статистики в юридическом процессе // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 7 (41). С. 180-182.
201. Западнюк Е.А. Правовой аспект нового институционализма // Вестник экономической интеграции. 2013. № 7 (64). С. 111-116.
202. Зенин С.С. Меры предупреждения (профилактики) коррупции: нормативно-теоретические основы // Юридический мир. 2019. № 1. С. 48-53.
203. Иванов Б.А. Эффективность антикоррупционного аудита в государственных компаниях // Globus. 2020. № 4 (50). С. 74-76.
204. Иванов М.Г. О роли уголовного наказания в предупреждении служебно-экономической преступности и коррупции в современной России //

Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 243-248.

205. Иванов О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6. С. 1-14.
206. Иванова В.Г. Антикоррупционный мониторинг как правовая категория регионального антикоррупционного законодательства: понятие, содержание и значение // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 1. С. 48-76.
207. Кабанов П.А. Правовое регулирование и основные формы реализации государственной политики противодействия коррупции торгово-промышленными палатами Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2 (47). С. 22-31.
208. Кабанов П.А. Правительственная комиссия по проведению административной реформы как специальный федеральный коллегиальный координационный орган по противодействию коррупции в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 45-56.
209. Кабанов П.А. Антикоррупционная политика в субъектах Российской Федерации: от имитации к институционализации // В сборнике: Актуальные вопросы противодействия коррупции в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Международному дню борьбы с коррупцией. 2018. С. 66-72.
210. Кабанов П.А. Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции: понятие, содержание, вопросы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7 (91). С. 744-753.
211. Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг как криминологическая категория // Следователь. 2010. № 12. С. 26-29.

212. Кабанов П.А. Общественный мониторинг деятельности органов публичной власти как форма общественного контроля в сфере противодействия коррупции // Следователь. 2014. № 11. С. 25-30.
213. Кабанов П.А. Основные задачи антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительно-правового исследования // Мониторинг правоприменения. 2013. № 3. С. 4-7.
214. Кабанов П.А. Правовое регулирование деятельности Экспертного Совета при Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции // NB: Административное право и практика администрирования. 2014. № 5. С. 37-48.
215. Кабанов П.А. Региональный антикоррупционный мониторинг: проблемы возникновения личной заинтересованности руководителей при исполнении трудовых (должностных) обязанностей // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 44-53.
216. Кабанов П.А. Цели антикоррупционного мониторинга как диагностического инструмента региональной антикоррупционной политики: сравнительно-правовое исследование // Административное и муниципальное право. 2013. № 8 (68). С. 825-830.
217. Казачкова З.М., Казачков В.А. Мониторинг региональных антикоррупционных программ в свете общенациональной антикоррупционной политики // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 58-65.
218. Калижанова М.М. Место и роль органов правосудия и прокуратуры в системе противодействия коррупции // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 11. С. 184-190.
219. Калинина А.Н. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1. № 8. С. 303-308.

220. Кандилов, В.П. Инструмент изучения «бытовой» и «деловой» коррупции в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2019. - № 4. - С. 5-9.
221. Канкулов А.Х., Керефов И.Р. Споры о ратификации Российской Федерацией ст. 20 Конвенции против коррупции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 46-48.
222. Капранов А.В., Капранова Ю.В. Система показателей в сфере противодействия коррупции // В сборнике: Актуальные проблемы экономики, управления и права. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2020. С. 52-58.
223. Караева А.А., Столбоушкин А.В. Проблемные аспекты расследования преступлений коррупционной направленности // Вопросы науки и образования. 2020. № 13 (97). С. 26-33.
224. Каришина И.Е. Повышение качества проверки сведений о расходах как средство предотвращения коррупции // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 22. С. 134-138.
225. Карманов М.В. Статистика и коррупция в современной России // Вопросы статистики. 2013. № 2. С. 83-86.
226. Кириллова А.Д. Влияние пандемии COVID-19 на уровень коррупции в Российской Федерации // В сборнике: Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития (Вектор-2021). Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. Москва, 2021. С. 268-272.
227. Кирпиков А.Н., Нугаев Ф.Ш. Институт общественного наблюдения как инструмент государственного финансового контроля // Научное обозрение. 2016. № 10. С. 161-164.

228. Клеймёнов Е.А., Чепиков Е.В. Отдельные аспекты проблемы коррупции в Дальневосточном федеральном округе в экспертных оценках // В сборнике: Социокультурные аспекты деятельности силовых структур. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 44-51.
229. Клим А.М. Криминологическое значение антикоррупционного мониторинга // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2015. С. 137-139.
230. Кобец П.Н., Ильин И.В. Анализ законодательных основ противодействия коррупции в ведущих зарубежных странах в начале двадцатый годов XXI столетия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 116-124.
231. Ковалев К.А. Антикоррупционный контроль на государственной службе // КиберЮрист. 2020. № 4 (4). С. 39-45.
232. Кожевников О.А. Борьба с коррупцией должна начинаться с устранения дефектов антикоррупционного законодательства // Право и образование. 2010. № 3. С. 74-83.
233. Кожевников О.А. О роли прокуратуры в борьбе с коррупцией // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 2 (24). С. 157-160.
234. Кокунова С.Д., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование коррупции: проблемы и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 5 (58). С. 17-26.
235. Колованги́н П.М., Путихин К.Ю., Ермаков С.Г. Концепция антикоррупционного аудита в системе государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 5-6. С. 182-188.
236. Комлева В. Совпадение субъекта и объекта борьбы с коррупцией в России // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 81-83.

237. Кондратьев Ю.А. Проблемы совершенствования законодательства о возмещении ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 1. С. 57-64.
238. Кондуров В.Е., Краевский А.А. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 6. С. 95-144.
239. Короткова О.А., Шавенкова Т.А. Антикоррупционная экспертиза в системе правового мониторинга // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 125-135.
240. Костюченко К.Р. Антикоррупционный мониторинг как современный элемент механизма противодействия коррупции // Вестник современных исследований. 2019. № 1.9 (28). С. 72-74.
241. Кочетова Е.М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. С. 63-75.
242. Кошкина И.В. Антикоррупционный мониторинг – как превентивная мера противодействия коррупции // Экономика, социология и право. 2017. № 1. С. 88-90.
243. Красникова Е.В., Павловская Н.В. Мониторинг состояния коррупционной преступности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 59-65.
244. Кротков В.О. Концептуализация политического протеста: теоретические основания и российская практика // Вестник МГОУ. 2021. № 2. С. 80-93.
245. Кулакова, М.Н. Предупреждение коррупционных преступлений уголовно-правовыми средствами (результаты прикладного исследования) // Бизнес. Образование. Право. - 2020. - № 1 (50). - С. 342-348.
246. Кунев Д.А. О правовой природе возврата преступных активов в интерпретации Конвенции ООН против коррупции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С. 272-280.

247. Куряхова Т.В. Установление фактических обстоятельств как условие возвращения судом уголовного дела для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2019. № 2 (43). С. 46-49.
248. Лаврентьева О.О. Административная проверка как способ противодействия коррупции в системе государственной службы // Полицейская деятельность. 2012. № 3. С. 16-19.
249. Лаврентьева О.О. Антикоррупционный контроль в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. 2012. № 12 (60). С. 35-43.
250. Латов Ю.В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. № 4. С. 40-60.
251. Лахтина Т.А., Рамаева К.В. Правовые средства противодействия коррупции в финансовой сфере // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 166-167.
252. Левакин И.В. Полномочия внутренних систем антикоррупционного контроля государственных органов // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 4. С. 32-35.
253. Ледащев С.В. Об отдельных направлениях борьбы с коррупцией (по материалам заседания Совета по противодействию коррупции при Президенте РФ) // Ученые записки. 2016. № 1 (17). С. 203-204.
254. Лемза М.А. К вопросу об ответственности государственных служащих за совершение дисциплинарных коррупционных проступков // В сборнике: Научное сообщество студентов. сборник материалов VII Международной студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 290-293.
255. Литовченко Д.Ю. Институты борьбы с коррупцией и легализацией доходов, полученных преступным путем в Российской Федерации: проблемы и противоречия // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-6. С. 101-105.

256. Лобанова Е.А. Проблема эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 255-257.
257. Логвин Р.Б., Коновалова Е.А. О некоторых проблемах ратификации положений статьи 20 Конвенции ООН против коррупции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 33. С. 69-74.
258. Лютов В.А. Общественный контроль как один из ключевых механизмов противодействия коррупции // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 6-4. С. 179-182.
259. Мазуров В.А. Приоритетные направления противодействия коррупционной преступности в современной России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 44-46.
260. Маклакова И.Д. Антикоррупционный мониторинг как форма государственного контроля: проблемы и перспективы реализации // В сборнике: Современные вопросы естествознания и экономики. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Прокопьевск, 2021. С. 85-87.
261. Малышева Т.В. Антикоррупционный мониторинг в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2012. № 2. С. 30-36.
262. Маркова О.А., Кошелев М.С. Проблемы организации профилактики коррупции в государственных органах // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 11. С. 39-44.
263. Мартынов, А.В. К вопросу о необходимости совершенствования государственного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.В. Мартынов, Т.К. Зарубицкая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2019. - № 1. - С. 143-156.

264. Махмудов А.С. Категория «институт» в системе нового институционализма в политологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 9 (159). С. 49-56.
265. Мерненко А.Ю. Поправки, которые нам нужны: проблемы эффективного использования механизма антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 214-221.
266. Месилов М.А., Добрых Е.В. Пути оптимизации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Вестник Университета Правительства Москвы. 2020. № 1 (47). С. 12-17.
267. Мирошниченко О.И., Филоненко Т.В. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 2. С. 136-143.
268. Молотков Ю.И. Мониторинг как инструмент управления антикоррупционным процессом на уровне субъекта РФ и муниципального района // Развитие территорий. 2016. № 3-4 (6). С. 41-45.
269. Молчанова М.А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в корпорациях: данные статистики и сложности правоприменения // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3. С. 91-96.
270. Моляренко О.А. Формирование государственной статистики: взгляд «снизу» // ЭКО. 2019. № 10 (544). С. 8-34.
271. Мордасова Т.А., Зурнаджьянц Ю.А. Антикоррупционный аудит в государственных органах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 1. С. 149-155.
272. Мохоров Д.А. Специализированный антикоррупционный орган как элемент общественного контроля в системе управления вузом // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 257-258.

273. Нефедова К.А. Информирование о фактах совершения коррупционных правонарушений как форма противодействия экономической преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 300-302.
274. Никоноров Е.А., Никонорова Ю.В. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции как источник нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 99-101.
275. Новосельцева М.М. Экономико-правовые меры по профилактике коррупции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-4 (49). С. 30-33.
276. Нурутдинов Л.Р. Понятие и проблемы правоприменения антикоррупционного мониторинга в России // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2013. № Т3. С. 2016-2020.
277. Орлова А.В., Галуцких М.С. Применение современных технологий в сфере статистической деятельности. Проблемы и перспективы развития государственной статистики // В сборнике: Роль статистики в развитии общества. Исторический опыт. Достижения. Перспективы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 2015. С. 183-187.
278. Орлова С.В. Некоторые проблемы имплементации статьи 35 Международной Конвенции ООН против коррупции в российское законодательство // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 84-87.
279. Осина Д.М. Риск-ориентированный подход и его особенности при проведении налогового контроля в США // Налоговед. 2019. № 3. С. 78-89.
280. Павлов С.Н. Правовые способы обеспечения самостоятельности органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 88-95.

281. Павловская Н.В. Антикоррупционный мониторинг в России // В книге: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXVI международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 19-21.
282. Павлушкин А.В. Реализация механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 66-79.
283. Петренко А.В. Антикоррупционная политика как направление государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 1 (54). С. 64-69.
284. Петрова-Ядреева Я.А., Ядреев Т.А. Антикоррупционные мониторинговые механизмы в деятельности международных организаций // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2023. № 4 (32). С. 73-76.
285. Подольная Н.Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 139-147.
286. Полукаров А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в негосударственном секторе предоставления социальных услуг // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 6. С. 71-84.
287. Поляков М.М. Антикоррупционный мониторинг в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 75-81.
288. Поляков М.М. Применение основных положений Конвенции ООН против коррупции в органах государственного управления Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. С. 107-116.

289. Потапов И.Н. Механизмы противодействия коррупции в негосударственном секторе экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 138-141.
290. Протасова А.Г. Криминализация мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 136-142.
291. Раздъяконова Е.В. К вопросу о роли антикоррупционной экспертизы в правотворческой деятельности государства // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 1. С. 25-31.
292. Рамазанов А.В. К вопросу об оценке косвенного ущерба от коррупционных преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3 (45). С. 351-358.
293. Рарог А.И. Мелкое взяточничество в уголовном праве России // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1-4. С. 99-102.
294. Романова В.В. К вопросу о методах совершенствования института борьбы с коррупцией в Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. № S2. С. 174-177.
295. Русинова Д.А. Противодействие коррупции и показатели его эффективности // В сборнике: Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Под научной редакцией В.А. Авдеева, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск, 2021. С. 206-207.
296. Рябцева Е.В. Организация противодействия коррупции на государственной гражданской службе в суде // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 58-60.
297. Рябцева Е.В. Практика предупреждения коррупции в органах государственной власти в зарубежных странах // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 16-30.

298. Рязанова М.Н. Виды дефектов права: к истории проблемы // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2021. Т. 17. С. 18-24.
299. Савченко М.С., Свистунова Л.Ю. Проблемы развития парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 3 (24). С. 80-85.
300. Сазин С.Т. Деятельность Следственного комитета по борьбе с коррупцией как механизм защиты прав и свобод человека и гражданина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 251-256.
301. Сазонов Г.В. Особенности возбуждения уголовных дел по фактам коррупционных преступлений // В сборнике: Информационное общество и государственно-правовая система: правовая характеристика, соотношение, взаимосвязь. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 48-50.
302. Сакаева Р.Р. Опыт борьбы с коррупцией на государственной службе в Швейцарии // В сборнике: Правовое регулирование и организация деятельности органов и учреждений ФСИН России по противодействию коррупции: опыт, современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов научно-практического семинара. Под общей редакцией С.В. Косоноговой, Н.А. Мельниковой. 2016. С. 35-39.
303. Салихов З.А., Валеев А.Р. Антикоррупционный аудит: основы организации, планирования и проведения // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 104-110.
304. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. К вопросу о построении институционально-формационной теории // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 128-139.

305. Сигурова О.Ю. Частная методика антикоррупционного мониторинга при обеспечении региональной экономической безопасности // На страже экономики. 2023. № 4 (27). С. 103-112.
306. Сидоренко Э.Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1. С. 17-25.
307. Сидоренко Э.Л. Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 155-162.
308. Сидоренко Э.Л. О некоторых проблемах квалификации взяточничества в свете внедрения международной стратегии противодействия коррупции // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 177-184.
309. Скирда М.В. О мониторинге законодательства Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции // В сборнике: Диалектика противодействия коррупции. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Институт экономики, управления и права (г. Казань). 2014. С. 163-171.
310. Смирнова Т.В. Особенности и методика применения экспертного исследования при оценке эффективности противодействия коррупции // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 3. С. 275-280.
311. Сосновская Л.Р. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: формирование и содержание (на материалах Республики Татарстан) // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы IV Международной научно-практической конференции. В двух томах. Тамбов, 2020. С. 452-456.
312. Сосновская Л.Р. Антикоррупционное процессуальное право (на материалах Республики Татарстан) // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2020. Т. 16. С. 362-367.

313. Сосновская Л.Р. Антикоррупционный мониторинг: научные основы // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2021. Т. 17. С. 319-324;
314. Сосновская Л.Р. Классификация антикоррупционного мониторинга // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 115-117.
315. Сосновская Л.Р. Организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга в международной практике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 164-168.
316. Сосновская Л.Р. Соотношение понимания антикоррупционного мониторинга в российской и зарубежной научной мысли // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 260-262.
317. Сосновская Л.Р., Латыпова Э.Ю. Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика. Материалы X Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. Тамбов, 2021. С. 450-454.
318. Степанов А.О. Зарубежный опыт противодействия коррупции в интересах сокращения теневой экономики и обеспечения экономической безопасности страны // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 24. С. 193-196.
319. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 4. С. 5-13.
320. Субботина К.М. Заключение под стражу как вид наказания за коррупцию // В сборнике: Пермский период. Сборник материалов IV Международного фестиваля курсантов, студентов и слушателей. 2017. С. 71-72.
321. Суханов В.А. 10 лет Конвенции ООН против коррупции: успехи и вызовы // Власть. 2013. № 10. С. 181-184.

322. Суховецкий М.И. Коррупциогенные факторы в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 12. С. 95-102.
323. Тимошенко В.В. Системы антикоррупционных мер и механизмы противодействия коррупции в России и в зарубежных странах // Вестник Юридического института МИИТ. 2020. № 4 (32). С. 79-90.
324. Трунцевский Ю.В. Мировые усилия в борьбе с коррупцией в условиях COVID-19 // Международное публичное и частное право. 2021. № 3. С. 36-43.
325. Трунцевский Ю.В. Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля // В сборнике: Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 256-260.
326. Туленков А.А. Противодействие коррупции с помощью прокурорского надзора // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2019. № 12. С. 178-180.
327. Фазлетдинов Р.И. Теоретические аспекты профилактики и борьбы с коррупцией в России // Юридический факт. 2019. № 71. С. 7-10.
328. Фещенко П.Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 66-71.
329. Филоненко Т.В. Применение законодательства о противодействии коррупции при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел // Законность. 2014. № 7 (957). С. 48-51.
330. Фомина Ю.А. Развитие методологии институциональной теории на основе системного подхода // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2006. № 4. С. 47-51.

331. Халяпин В.В., Шахворостов Г.И. Анализ методов противодействия коррупции в государственных органах // Регион: государственное и муниципальное управление. 2015. № 3 (3). С. 8.
332. Цалиев А.М. О месте и роли судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции // Вестник Владикавказского научного центра. 2017. Т. 17. № 3. С. 26-30.
333. Цалиев А.М. О роли и месте судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции // Российский судья. 2017. № 2. С. 54-57.
334. Чаннов С.Е. Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2197-2203.
335. Черепанова Е.В., Матулис С.Н. Правовые предпосылки унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 159-170.
336. Черкасов К.В. Некоторые вопросы мониторинга правоприменения в современной России в контексте противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 203-207.
337. Шамьянов Р.Р. Мелкое взяточничество: история и современное состояние регламентации уголовной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 246-248.
338. Шарапова И.Д. Современное состояние и перспективы развития экспертной профилактики при противодействии коррупции // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 235-238.
339. Шашкова А.В. Механизмы противодействия корпоративной коррупции // Политика и общество. 2016. № 9 (141). С. 1256-1264.
340. Шашкова А.В. Правовые инновации в противодействии корпоративной коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 40-42.

341. Ширяева С.В., Розанова Е.В. Антикоррупционная экспертиза: правовая природа, организация и проведение // Современное право. 2020. № 10. С. 40-44.
342. Шитова Е.П. Факторы успешного противодействия коррупции в органах государственной власти: мировой опыт // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 2 (24). С. 20-29.
343. Шорник Е.А., Зыков Д.Д. Теоретические аспекты организации и проведения антикоррупционного мониторинга в органах местного самоуправления // В сборнике: Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. 2019. С. 306-308.
344. Шульц Э.Э. Протест в России 2017-2021: технологии и закономерности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. № 3. С. 312-328.
345. Шурухнов Н.Г. Коррупция в современной России: некоторые данные официальной статистики, факты, результаты опроса граждан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 207-210.
346. Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции в правовой системе Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 4 (70). С. 129-137.
347. Якушева Н.Е. Дефекты ограничения прав: способы выявления и устранения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 770-773.

Диссертации и авторефераты:

348. Александрова О.А. Информационная открытость как составляющая противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012. 187 с.

349. Александрова, И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / И.А. Александрова. - Нижний Новгород, 2016. – 727 с.
350. Артемьев А.Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Москва, 2014. – 443 с.
351. Боталова Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях системной трансформации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2011. 237 с.
352. Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Красноярск, 2006. 249 с.
353. Ефимов Г.В. Политический процесс в Республике Сингапур в период перехода от авторитаризма к демократии: общее и особенное. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Владивосток, 2010. 182 с.
354. Захарова В.В. Нормативные правовые акты как источник специальных знаний в деятельности эксперта и специалиста. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. 199 с.
355. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2008. 494 с.
356. Калита И.А. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции. Диссертация на соискание кандидата юридических наук. Москва, 2013. 218 с.

357. Корзун И.Г. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции (по материалам Дальневосточного федерального округа). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2011. 192 с.
358. Лолаева А.С. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2014. 245 с.
359. Мамедов И.А. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Рязань, 2011. 215 с.
360. Наумов Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2014. 326 с.
361. Паршин И.С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014. 289 с.
362. Севрюгин К.В. Противодействие коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации (административно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тюмень, 2011. 200 с.
363. Сигурова О.Ю. Антикоррупционный мониторинг в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Нижний Новгород, 2024. 198 с.
364. Скоробогатова А.В. Институциональная коррупция в системе государственного управления: пути и механизмы противодействия в современном российском обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. - Москва, 2019. – 181 с.

365. Соколов А.В. Противодействие коррупции в сфере управления федеральным имуществом. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012. 170 с.
366. Спиридонов А.А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. 225 с.
367. Стороженко И.В. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2011. – 168 с.
368. Тришкин С.В. Правовое обеспечение и организация деятельности правоохранительных органов по учету преступлений коррупционного характера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2015. – 330 с.
369. Федоровская М.А. Уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы противодействия коррупции и должностным преступлениям. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 243 с.
370. Хамазина О.И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2008. 200 с.
371. Чистов А.А. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти в современных условиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2010. 233 с.
372. Чуманов А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России (вопросы теории и истории). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2007. 261 с.

373. Шишкарёв С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010. 401 с.
374. Якимова Е.М. Правовое регулирование института парламентских расследований в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск, 2010. 185 с.

Источники на иностранных языках:

375. Ahlin C., Pang J. Are financial development and corruption control substitutes in promoting growth? // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 86. – №. 2. – pp. 414-433.
376. Basu K., Cordella T. (ed.). Institutions, Governance and the Control of Corruption. – Springer, 2018. – 402 p.
377. Bobonis G. J., Cámara Fuertes L. R., Schwabe R. Monitoring corruptible politicians // American Economic Review. – 2016. – Vol. 106. – №. 8. – pp. 2371-2405.
378. Borz G. Combating corruption in Europe: a stimulus–response approach // European Political Science. – 2019. – Vol. 18. – №. 2. – pp. 217-233.
379. Branco M. C., Delgado C., Turker D. Liability of foreignness and anti-corruption reporting in an emerging market: The case of Turkish listed companies // Journal of Cleaner Production. – 2019. – Vol. 232. – pp. 118-126.
380. Brown N. C. et al. Political corruption and firm value in the US: Do rents and monitoring matter? // Journal of Business Ethics. – 2021. – Vol. 168. – №. 2. – pp. 335-351.
381. Cole W. M. Institutionalizing a global anti-corruption regime: Perverse effects on country outcomes, 1984–2012 // International Journal of Comparative Sociology. – 2015. – Vol. 56. – №. 1. – pp. 53-80.
382. De Beco G. Monitoring corruption from a human rights perspective // The International Journal of Human Rights. – 2011. – Vol. 15. – №. 7. – pp. 1107-1124.

383. De Waal T. Fighting a culture of corruption in Ukraine // Carnegie Europe. – 2016. – Vol. 18. – p. 2016.
384. Doig A. Good government and sustainable anti - corruption strategies: A role for independent anti - corruption agencies? // Public Administration and Development. – 1995. – Vol. 15. – №. 2. – pp. 151-165.
385. Gans-Morse J. et al. Reducing bureaucratic corruption: Interdisciplinary perspectives on what works // World Development. – 2018. – Vol. 105. – pp. 171-188.
386. Graycar A., Sidebottom A. Corruption and control: a corruption reduction approach // Journal of Financial Crime. – 2012. – Vol. 19. – No. 4. – pp. 384-399.
387. Hoffmann L. K., Patel R. N. Collective action on corruption in Nigeria: A social norms approach to connecting society and institutions. – London: Chatham House, 2017. – pp. 1-53.
388. Huntington S. P. Modernization and corruption // Political corruption: Concepts and contexts. – 2002. – pp. 253-263.
389. Johnston M. Fighting systemic corruption: Social foundations for institutional reform // The European Journal of Development Research. – 1998. – Vol. 10. – №. 1. – pp. 85-104.
390. Kernaghan K. et al. The responsible public servant. – Halifax : Institute for Research on Public Policy, 1990. 258 p.
391. Kim S., Kim H.J., Lee H. An institutional analysis of an e-government system for anti-corruption: The case of OPEN // Government Information Quarterly. – 2009. – Vol. 26. – №. 1. – pp. 42-50.
392. Lambsdorff J.G., Taube M., Schramm M. The new institutional economics of corruption. – Routledge, 2004. – Vol. 64. - 272 p.
393. Locatelli G. et al. Corruption in public projects and megaprojects: There is an elephant in the room! // International Journal of Project Management. – 2017. – Vol. 35. – №. 3. – pp. 252-268.

394. Low C.K., Low T.Y. Corporate Criminal Liability and Section 17A of the Malaysian Anti-Corruption Commission Act // Singapore Academy of Law Journal. – 2020. [Электронный ресурс] https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3526595 (доступ – под паролем), дата обращения – 21.01.2022.
395. McCoy J. L. The emergence of a global anti-corruption norm // International Politics. – 2001. – Vol. 38. – №. 1. – pp. 65-90.
396. Misangyi V. F., Weaver G. R., Elms H. Ending corruption: The interplay among institutional logics, resources, and institutional entrepreneurs // Academy of Management Review. – 2008. – Vol. 33. – №. 3. – pp. 750-770.
397. Mungiu-Pippidi A., Dadašov R. Measuring control of corruption by a new index of public integrity // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2016. – Vol. 22. – №. 3. – pp. 415-438.
398. Nasuti P. Administrative Cohesion and Anti-Corruption Reforms in Georgia and Ukraine // Europe-Asia Studies. – 2016. – Vol. 68. – №. 5. – pp. 847-867.
399. Needham C., Mangan C. The 21st century public servant //Birmingham: University of Birmingham. – 2014. - pp. 265-272.
400. North, D. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 1. P. 97.
401. Pelizzo R., Baris O., Janenova S. Objective or perception-based: A debate on the ideal measure of corruption // Cornell Int'l LJ. – 2017. – Vol. 50. – P. 77.
402. Rojas M. Corruption and Weak Institutions // Well-Being in Latin America. – Springer, Cham, 2020. – pp. 155-164.
403. Rose–Ackerman S. Corruption and government // International peacekeeping. – 2008. – Vol. 15. – №. 3. – pp. 328-343.
404. Sampson S. The anti-corruption industry: from movement to institution // Global Crime. – 2010. – Vol. 11. – №. 2. – pp. 261-278.
405. Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. – New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 16.

406. Søreide T., Rose-Ackerman S. Corruption in state administration // Research handbook on corporate crime and financial misdealing. – Edward Elgar Publishing, 2018. pp. 195–218.
407. Wolf S., Schmidt-Pfister D. Between corruption, integration, and culture: The politics of international anti-corruption. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2010. – pp. 13-22.
408. Zhang N. Institutions, norms, and accountability: A corruption experiment with northern and southern italians // Journal of Experimental Political Science. – 2018. – Vol. 5. – №. 1. – pp. 11-25.

Интернет-ресурсы:

409. Act to provide for the more effectual prevention of corruption (Prevention of Corruption Act) [электронный ресурс] // Cap 241, 1993 Rev Ed. The closest version currently available is that of 01/03/2012. URL: http:// www.oecd.org/ (дата обращения 10.10.2021).
410. Central Anti-Corruption Bureau [Электронный ресурс] https://cba.gov.pl/en/about-the-cba/what-we-do/5,What-we-do.html Доступ - свободный (дата обращения – 26.09.2021).
411. Developing trends in combating corruption, money laundering and recovering criminal assets in Europe [Электронный ресурс] https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/developing-trends-in-combating-corruption-money-laundering-and-recovering-criminal-assets-in-europe/id2458503/ Доступ - свободный (дата обращения – 23.07.2021).
412. Private security companies: A status report [Электронный ресурс] https://www.ejpd.admin.ch/ejpd/en/home/aktuell/news/2005/2005-12-050.html Доступ - свободный (дата обращения – 23.09.2021).
413. Visit of the representatives of the Senate of the Czech Republic in the CBA [Электронный ресурс] https://cba.gov.pl/en/news/452,Visit-of-the-

representatives-of-the-Senate-of-the-Czech-Republic-in-the-CBA.html Доступ - свободный (дата обращения – 26.09.2021).

414. Бастрыкин: Более половины дел о коррупции не доходят до суда // Информационное агентство «РИА новости» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ria.ru/20131204/981903025.html (дата обращения – 27.11.2021).
415. Вольфганг Дик, Андрей Гурков. Коррупция в Германии: успехи в борьбе с неистребимым злом [Электронный ресурс] https://p.dw.com/p/1ASeH Доступ - свободный (дата обращения – 25.07.2021).
416. В России выявили рекордное за 8 лет число коррупционных преступлений [Электронный ресурс] РБК. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/30/08/2021/612d07919a79470efb759237 (дата обращения – 21.11.2021).
417. В Татарстане подсчитали годовой ущерб от коррупции: 800 млн рублей [Электронный ресурс] Опубликовано на сайте Московский комсомолец. – Режим доступа: https://kazan.mk.ru/economics/2019/04/05/v-tatarstane-podschitali-godovoy-ushherb-ot-korrupcii-800-mln-rubley.html (дата обращения – 21.11.2021).
418. Генпрокурор России: на изъятое за пять лет у коррупционеров можно было построить 250 школ [Электронный ресурс] https://www.mk.ru/politics/2024/12/08/genprokuror-rossii-na-izyatoe-za-pyat-let-u-korrupcionerov-mozhno-bylo-postroit-250-shkol.html (доступ – свободный), (дата обращения – 22.03.2025).
419. Доклад о деятельности в области противодействия коррупции в Республике Марий Эл в 2018 году// Опубликован на официальном сайте государственной гражданской службы Республики Марий Эл [Электронный ресурс] http://mari-el.gov.ru/publicservice/Pages/info_anticorrup.aspx (доступ – свободный), (дата обращения – 22.01.2022).

420. Коррупционный Татарстан: взяточники вернули бюджету полмиллиарда. – Режим доступа: https://vpn.business-online.ru/article/146827 (доступ – свободный), (дата обращения – 02.11.2021).
421. Преступления без расследований и наказаний // Комсомольская правда [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27230/4357298/ (дата обращения – 27.11.2021).
422. Прокуратура обвинила депутатов в коррупции — правительство заявило, что увольнять их не за что [Электронный ресурс] https://ngs.ru/more/65567461/ (доступ – свободный), (дата обращения – 20.01.2022).
423. Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в России за январь-июль 2021 г.» [Электронный ресурс] Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения – 22.08.2024).
424. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pravo.ru/courts_search/ (дата обращения – 27.11.2025).
425. ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2023 год [Электронный ресурс] https://news.tpprf.ru/ru/news/5239282/ (доступ – свободный), дата обращения – 20.04.2024.
426. Ущерб от коррупционных преступлений в РТ составил 800 млн рублей. – Режим доступа: https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/5ca7575e9a7947137dca509c (доступ – свободный), (дата обращения – 02.11.2021).
427. Ущерб от коррупции в России в 2024 году составил 14,2 миллиарда рублей [Электронный ресурс] https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html (доступ – свободный), (дата обращения – 22.03.2025).